37(09) 122624 кф.
П14

Палопеженцев Н.И. Народное образование в г.Ялуторовске и Ялуторовском округе, Тобольской губернии. Ч.1. История Ялуторовских школ. - Тобольск, 1894.

37(09)
П14
К

Н. И. ПАЛОПЕЖЕНЦЕВЪ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ

ВЪ Г. ЯЛУТОРОВСКѢ

И

ЯЛУТОРОВСКОМЪ ОКРУГѢ, ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Историко-статистическій очеркъ).

ЧАСТЬ I.

ИСТОРІЯ ЯЛУТОРОВСКИХЪ ШКОЛЪ.

П3
5
Въ Тобольскую Губернскую исполнительную пр... ея Авторъ
37
П 14.
Мкн. 122624

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ
ВЪ Г. ЯЛУТОРОВСКѢ
И
ЯЛУТОРОВСКОМЪ ОКРУГѢ, ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

ЧАСТЬ I.

ИСТОРІЯ ЯЛУТОРОВСКИХЪ ШКОЛЪ.

Паки не малая пакость крестьянамъ чинится и оттого, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ... Я чаю, не худо бы такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ неграмотнаго человѣка, и положить крѣпкое опредѣленіе, чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ.

Посошковъ.

Мы удостовѣрены, что всѣ вѣрноподданные примутъ дѣятельное участіе въ сихъ заведеніяхъ, для пользы общей и каждаго учреждаемыхъ, и тѣмъ самымъ будутъ споспѣшествовать Нашимъ попеченіямъ о семъ предметѣ, толико важномъ и толико сердцу Нашему любезномъ.

(Высочайшій Указъ, данный 24 января 1803 года).

Глава I. До-школьное время.

Лѣта 7167, а по нашему счисленію въ 1659 году, тюменскій воевода Ѳедоръ Веригинъ послалъ тюменскихъ пашенныхъ крестьянъ Петрушку Ульянова и Елеску Гилева разыскивать удобныя мѣста для новыхъ поселеній*). Ниже устья Исети нашли они татарскій городокъ Явлутуръ.

Городокъ этотъ вполнѣ удовлетворялъ тогдашнимъ требованіямъ колонизаціи и представлялъ, по описанію воеводы, вотъ какія удобства. Для поселянина тутъ было все необходимое: подъ скотскій выгонъ ниже городка, подлѣ Тобола—лугъ болѣе, чѣмъ

*) Основаніе Ялуторовска прекрасно описано воеводой Веригинымъ въ донесеніи царю, которое напечатано въ Дополненіяхъ къ Актамъ Историч. Спб, 1851, т. IV, № 58. Авторъ.

въ двѣ версты; для пашни и покосовъ мѣста—по направленію к Тюмени болѣе, чѣмъ на тридцать верстъ; для рыбныхъ ловель- большіе озера и истоки; кругомъ пашенныхъ мѣстъ тянули темные лѣса и мѣста крѣпкія и болотныя, и зыби непроходимы Земля для пашни была хорошая, луга для покосовъ и скотских выпусковъ великіе и травные. Какъ было тогдашнему пахарю позариться на такое мѣсто? И дѣйствительно, охотниковъ пос литься здѣсь нашлось много: пашенные и оброчные крестьяне служилые и бѣломѣстные казаки.

Кромѣ этихъ удобствъ для жителей, Веригинъ обратил еще вниманіе и на то, что черезъ эти мѣста пролегаютъ дорог изъ Уфы и Казани въ Тобольскъ, что по этимъ дорогамъ ѣздят всякіе русскіе люди и татары въ сибирскіе города для торговл всякими товарами, а также и изъ Тобольска съ товарами и промы сломъ съ озеръ и хмѣлевыхъ угодій.

Еще большія выгоды представлялъ Явлутуръ въ стратег ческомъ отношеніи: съ двухъ сторонъ облегла рѣка Тоболъ, с третьей лежитъ большое озеро Чать, отъ озера съ четвертой сто роны идутъ два рва, глубиною въ три сажени, между рвами зем ляной валъ до рѣки Тобола; слѣдовательно и въѣздовъ въ го родъ имѣлось два: одинъ—черезъ рвы и валъ, а другой, взвоз отъ Тобола, шелъ черезъ ровъ же.

Итакъ, Явлутуръ являлся завиднымъ мѣстомъ для поселені было чѣмъ кормиться піонеру, легко было сбывать произведені природы и, наконецъ—что было очень и очень нелишне въ то дашнее неспокойное время—его зарождающееся матеріально благосостояніе и гражданскій бытъ въ значительной степени огра дены были отъ нападенія неспокойныхъ степняковъ-сосѣдей.

Все устроилось. Царь разрѣшилъ селиться, и казаки служи лые и бѣломѣстные и крестьяне пашенные и оброчные, въ том числѣ, вѣроятно, и ялуторовскіе колумбы, Елеска Гилевъ*) Петрушка Ульяновъ, прибыли въ татарскій городокъ Явлутуръ поселились тутъ, основавъ ялуторовскую слободу.

Ялуторовская слобода не была однакожъ первымъ русским поселеніемъ въ Исетско-Тобольской низменности, занимаемой т терешнимъ Ялуторовскимъ округомъ. Еще въ 1645 году въ живо писной мѣстности на Исети благочестивымъ старцемъ Рафаилом былъ основанъ монастырь, названный именемъ основателя, а через пять лѣтъ былъ основанъ Исетскій острогъ, съ которымъ мона

*) Верстахъ въ пяти-шести находится цѣлая деревня Гилева, фамил же Ульяновыхъ мы встрѣчаемъ и теперь среди коренныхъ ялуторовцевъ.

Авторъ.

стырь, въ случаѣ осады, могъ переговариваться знаками, выставляемыми на колокольняхъ. Въ 1668 г. основаны были слободы: Суерская, Терсюкская и Бешкильская (на случай нападенія—съ надолбами и рогатинами), позднѣе—Красногорскій острогъ (1671 г.) и слобода Ингалинская (1676 г.). Военное устройство, приданное мирнымъ крестьянскимъ поселеніямъ, ясно свидѣтельствуетъ, что селиться здѣсь было не совсѣмъ безопасно. Несмотря на это, русскіе выходцы осѣдали здѣсь. „Надобно взглянуть"—говоритъ историкъ Сибири*),—„на пространство, между Турой и Исетью заключающееся, на эту живую трапецію съ плодородною почвою, съ текучими водами, съ красивыми берегами, съ веселыми мѣстоположеніями, которыя смѣняются увалами или наклоненными равнинами; надобно видѣть, чтобы понять, сколь много было побужденій для водвореній (здѣсь русскихъ), которые сперва, какъ говорится, кликъ кликали, а послѣ доброю волею съ запада сбѣгались и приселялись тихомолкомъ. Это пространство, само собой послѣ насаждавшееся людьми, было разсадникомъ для распространенія русской населенности за Енисеемъ". Но на развалинахъ татарской культуры, даже при самыхъ благопріятствующихъ условіяхъ, эти два элемента, казаки и крестьяне, представляли ли хотя какой-нибудь залогъ умственнаго развитія и гражданскаго преуспѣянія? Казачество, вольное, какъ птица, нравственно разнузданное, не связанное никакими традиціями, обладающее всѣми пороками завоевателя, можно смѣло сказать, не имѣло никакого развивающаго значенія въ зарождающемся ялуторовскомъ обществѣ. Въ немъ было много удали и предпріимчивости (руководимой, впрочемъ, жадностью къ матеріальной наживѣ), которыя сослужили великую службу, какъ новой странѣ, такъ и старой ихъ родинѣ. Своими смѣлыми путешествіями внутрь еще неизвѣданной страны, своими важными открытіями и постепеннымъ завоеваніемъ Сибири записало удалое казачество свое имя на страницы исторіи, но для умственнаго и нравственнаго просвѣщенія завоеванной страны оно ничего не могло дать, ибо, кромѣ безсмѣтной удали и молодечества, и само ничего не имѣло.

Крестьянство же, слагаясь изъ бѣглецовъ отъ тягостей русской крѣпостной неволи, а впослѣдствіи и рекрутскихъ наборовъ, изъ сосланныхъ за разныя преступленія, а также изъ пересылаемыхъ правительствомъ для заселенія вновь покоренной страны,—всѣхъ, одинаково забитыхъ нуждой и трудомъ,—также не имѣло задатковъ для умственнаго просвѣщенія, ибо сѣмена грамотности,

*) П. А. Словцовъ. Историческое обозрѣніе Сибири. Изд. 1886 г. Книга I-я, стр. 23.

щедрой рукой бросаемыя Владиміромъ, Святославомъ (? ред.) и
другими князьями древней Руси, были уже заглушены и съ корнем
вырваны на Руси татарскимъ нашествіемъ. Съ 1685 г. ряды сво
бирскаго крестьянства сильно пополнились старообрядцами, осуж
денными православными іерархами въ лицѣ попа Никиты Пусто
свята. Большими толпами двинулись они за Уралъ въ надежд
подъ сѣнью дремучихъ сибирскихъ лѣсовъ укрыться отъ преслѣ
дованія властей и найти здѣсь всѣ условія для мирнаго преуспѣя
нія; впрочемъ, поселились они и въ городахъ, особенно въ Т
мени и Томскѣ, разселились также и по Ялуторовскому округ
Этотъ новый элементъ, полный энергіи, стойкій въ своихъ убѣж
деніяхъ, представлялъ наиболѣе данныхъ для умственнаго раз
витія: у нихъ уже образовалась своя богословская литература, б
старообрядческая книга въ тысячахъ экземпляровъ путешество
вала, читалась и переписывалась, начиная отъ Рогожскаго кла
бища и кончая захудалой сибирской деревней. Къ сожалѣні
узость ихъ умственныхъ и религіозныхъ воззрѣній, граничащих
съ самыми грубыми предразсудками и буквоѣдствомъ, а такж
ихъ замкнутость и нетерпимость явились тормозомъ на этом
пути, хотя грамотность между ними была значительно распр
странена.

Единственное сословіе въ тогдашней Сибири, для котора
грамотность была доступна и необходима, было духовенство, но
когда оно появилось въ Ялуторовскѣ? Нравственная распущен
ность нашихъ предковъ, о которой единогласно свидѣтельству
ютъ всѣ историки и путешественники, мирно уживалась съ н
ружнымъ благочестіемъ, и основаніе церквей и часовенъ явля
лось первою обязанностью сибиряка-христіанина въ сей земно
жизни: гдѣ устраивалось зимовье для сбора ясака, тамъ ставил
крестъ, а со временемъ и часовня; въ слободѣ обязательно бы
часовня, а въ поселеніи крѣпостномъ—церковь, въ городахъ ж
кромѣ церквей, устраивался часто еще и монастырь. Слобода Ял
торовская вскорѣ, вслѣдствіе опасности, угрожавшей отъ набѣж
сосѣдей-степняковъ, превратилась въ острогъ, вскорѣ же появи
лась здѣсь и церковь христіанская, а съ нею и священнослужи
тель съ церковникомъ. Имѣло ли вліяніе на развитіе образова
нія или даже простой грамотности духовенство на первыхъ п
рахъ своего появленія, мы не знаемъ. Тогдашнее духовенств
наше (не только сибирское, но и россійское), за полнымъ почт
отсутствіемъ училищъ, не только не обладало образованіемъ, н
зачастую было совершенно безграмотно, и церковная служба в
такихъ случаяхъ совершалась наизусть. Въ актахъ даже XVI
вѣка часто вмѣсто подписи священника писалось многозначител

ное: „онъ, попъ, грамотѣ не умѣетъ“, болѣе же стыдливые про-
сили писать грамотныхъ церковниковъ и приказныхъ: „онъ, попъ,
сточами скорбенъ“. Но какъ бы ни было малообразованно сибир-
ское духовенство, оно все-таки вносило лучъ свѣта въ темную
трудовую жизнь сибирскаго крестьянина. Свѣтъ этотъ заклю-
дчался въ знаніи церковныхъ идей и въ проведеніи ихъ по мѣрѣ
возможности въ жизнь христіанскаго населенія, а также въ уни-
чтоженіи грубыхъ предразсудковъ, остатковъ язычества.

Было, правда, и еще сословіе, отъ котораго мы вправѣ бы
гожидать грамотности и возможности распространенія ея черезъ
посредство этого сословія: это—сословіе служилое, но, во первыхъ,
авъ Ялуторовской слободѣ представителей этого сословія не могло
, быть много, во вторыхъ, сословіе это не отличалось въ Сибири
вни образованіемъ, ни особенной грамотностью. „Сословіе статское“,
а—говоритъ Словцовъ въ своемъ Историческомъ обозрѣніи Сиби-
ири*),—„составляло свои длинныя бумаги, какъ безъ порядка ло-
ическаго, такъ и грамматическаго склада, особенно при началь-
никахъ изъ иноземцевъ“, а Шашковъ заявляетъ, что между офи-
ціальными сибирскими документами XVIII вѣка попадаются такіе,
что никакъ нельзя добраться до смысла. Само собой разумѣется,
что сословіе, сидѣвшее надъ бумагами „безъ смысла логическаго“
„порядка грамматическаго“, не могло явиться органомъ обра-
ованности, и Ялуторовской слободѣ, какъ и другимъ сибирскимъ
поселеніямъ, суждено было отстать въ отношеніи умственнаго
просвѣщенія не только отъ Европы, но и отъ Россіи.

Около пятидесяти лѣтъ протекло съ основанія Ялуторов-
ской слободы, какъ прибылъ управлять сибирской митрополіей
освятитель Филофей Лещинскій, ревнитель духовнаго просвѣщенія.
При немъ, въ 1703 или 1704 году, возникло при архіерейскомъ
домѣ новое для сибирскаго населенія учрежденіе—школа, встрѣ-
женная, впрочемъ, со стороны духовенства съ полнымъ равноду-
шіемъ, такъ что митрополиту пришлось набирать въ нее учени-
ковъ, „поповскихъ, дьяконскихъ и церковническихъ дѣтей“, „съ
принужденіемъ“. Очень можетъ быть, что бывшіе впослѣдствіи свя-
щенно- и церковно-служители въ Ялуторовскомъ острогѣ выходили
изъ этой школы. До этого же времени, при полномъ отсутствіи
училищъ, грамотность распространялась среди духовенства семей-
нымъ образомъ: отцы передавали своимъ дѣтямъ, вѣрнѣе сы-
новьямъ, умѣнье читать и писать посредствомъ церковной азбуки,
уставомъ или полу-уставомъ переписываемой и представляющей
собой камень преткновенія для многихъ дѣтскихъ головъ, мо-

*) Томъ I-й, стр. 288. Изд. 1886 г.

жетъ быть, и очень неглупыхъ. Какъ только осиливалась эт
первая и самая трудная для дѣтскаго мозга работа, приступал
къ чтенію псалтири и другихъ церковныхъ книгъ, вмѣстѣ с
тѣмъ и къ пѣнію, а нѣкоторые и иконописи. Такимъ же путемъ гр
мотность переходила, можетъ быть, и въ другія сословія, но в
самыхъ жалкихъ размѣрахъ.

Заботы Петра и его сподвижниковъ не ограничивались вв
деніемъ духовныхъ школъ. Для обновленной Россіи требовала
теперь масса спеціалистовъ. Съ этою цѣлью Петръ въ 1714
1716 годахъ издаетъ строжайшіе указы о необходимости обуч
нія дѣтей подъяческихъ и секретарскихъ ариѳметикѣ и геоме
ріи, въ противномъ случаѣ не позволяетъ имъ жениться и, на
конецъ, разсылаетъ по два учителя на губернію изъ математ
ческой школы графа Апраксина; но, во первыхъ, новость дѣл
малочисленность учениковъ, а также отсутствіе губернатора
хлопотливое для сибиряковъ гагаринское слѣдствіе и, наконец
двойственность обязанностей учителей (кромѣ учительства он
должны были составлять ландкарту губерніи),—все это привел
къ тому, что посланные учителя не имѣли никакого вліянія
развитіе учебнаго дѣла въ Тобольской губерніи. Геодезическа
образованіе вводится лишь между 1758 и 1763 годами: въ эт
время въ Тобольскѣ открывается геодезическая школа, въ кот
рой преподается ариѳметика, черченіе, геометрія, геодезія и а
хитектура. Въ царствованіе Петра много полезнаго сдѣлали
плѣнные шведскіе офицеры: они явились здѣсь первыми піон
рами европейскаго образованія, обучая дѣтей тоболяковъ живо
писи, музыкѣ, черченію, танцамъ и нѣмецкому языку, а одна
изъ нихъ, фонъ-Врехъ, въ 1714 году основалъ въ Тобольскѣ шко
религіознаго характера, въ которой, по свидѣтельству г. Астаф
ева*), въ послѣдній годъ ея существованія (1720 г.) обучалось 1
человѣкъ, въ числѣ которыхъ было много и русскихъ и да
изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ, но были ли ялуторовцы въ чис
учениковъ какъ этой, такъ и геодезической школы, намъ,
сожалѣнію, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ вліяніе этихъ шко
отрицать нельзя.

*) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1888 г. Октяб
Стр. 266. Свѣдѣнія объ этой школѣ встрѣчаемъ мы и въ трудѣ Пекарск
„Наука и жизнь при Петрѣ Великомъ“ (Т. II, стр. 12, 15, 30).

Глава II. Заказная духовная школа въ Рафаиловскомъ монастырѣ.

Основанная митрополитомъ Филоѳеемъ школа при Тобольскомъ архіерейскомъ домѣ мало-по-малу, несмотря на недостатокъ средствъ, развивалась и при митрополитѣ Антоніи Нарожницкомъ къ 1742 году превратилась въ духовную семинарію, состоящую изъ слѣдующихъ классовъ: фары, инфимы, грамматики, синтагмы, риторики и философіи. Для полнаго семинарскаго курса еще не хватало только изученія богословія. Введеніе этого предмета въ курсъ семинарскихъ наукъ выпало на долю митрополита Гавла Конюскевича, впослѣдствіи неудачнаго защитника вотчинныхъ церковныхъ и монастырскихъ правъ. Онъ благословилъ ученаго архимандрита Михаила преподавать богословіе и назначилъ его ректоромъ семинаріи. Это былъ первый тобольскій ректоръ. Впослѣдствіи митрополитъ для преподаванія въ семинаріи выписалъ изъ Малороссіи еще двухъ ученыхъ іеромонаховъ.

Одной семинаріи на такую громадную по пространству епархію, какъ сибирская, разумѣется, было мало,—и вотъ, питомецъ кіевской академіи и учитель, митрополитъ задался цѣлію облегчить духовенству путь къ образованію. Прибывъ въ Тобольскъ въ ноябрѣ 1758 года, онъ уже въ слѣдующемъ году основываетъ въ отдаленныхъ заказахъ духовныя латинскія школы, въ годъ черезъ два распространяетъ свое распоряженіе и на другіе заказы епархіи. Для духовенства ялуторовскаго и рафаиловскаго заказовъ основана была въ апрѣлѣ 1761 года латинская школа при Рафаиловскомъ монастырѣ, верстахъ въ 80 отъ Ялуторовска,—первая школа въ Ялуторовскомъ округѣ. Можно, впрочемъ, думать, что до учрежденія этой школы въ монастырѣ Рафаиловскомъ, какъ и во всѣхъ другихъ, жило много послушниковъ, которые здѣсь, приготовляясь къ церковнымъ должностямъ, обучались чтенію церковныхъ книгъ, нотному пѣнію и иконописи, хотя и безъ всякаго оттѣнка школьнаго характера жизни. Протоіерей Сулоцкій за достовѣрное выдаетъ, что въ Тобольскомъ Знаменскомъ и Рафаиловскомъ монастыряхъ иконописи учились еще въ XVII столѣтіи, можетъ быть, отъ тѣхъ живописцевъ или ихъ потомковъ, которыхъ прислалъ въ распоряженіе тобольскаго архіерея еще царь Михаилъ Ѳеодоровичъ изъ Великаго Устюга и Соли Вычегодской. Иконописи учились многіе и охотно, какъ ремеслу, которое приносило матеріальныя выгоды, на грамотность ялуторовское духовенство смотрѣло иначе. Митрополитъ и консисторія неоднократно посылали указы въ за-

казныя правленія о побужденіи священно- и церковно-служите
отдавать дѣтей въ ученіе, но указовъ не слушались; приходил
налагать на виновныхъ денежные штрафы, но и это мало д
ствовало, и духовныя правленія принуждены были прибѣгать
болѣе серьезнымъ мѣрамъ: такъ, по приказанію рафаиловск
духовнаго правленія за упорное непредставленіе дѣтей и р
ственниковъ въ школу были закованы въ цѣпи попъ Бѣлозерс
слободы Митрофанъ Набережныхъ и дьяконъ Утяцкой слоб
Петръ Буровъ—на сутки, а пономарь Савва Хнюнинъ—на де
Прекрасно охарактеризовалъ ту среду, для которой трудился
всѣхъ силъ митрополитъ Павелъ, его преемникъ по каѳе
архіепископъ Варлаамъ I въ донесеніи своемъ Святѣйшему
ноду о домашнемъ воспитаніи духовенства. Не говоря уже о то
что при тогдашнемъ пространствѣ приходовъ и путяхъ и ср
ствахъ сообщенія, особенно на дальнемъ сѣверѣ и среди инор
цевъ, пастырскія обязанности священниковъ отнимали очень мн
времени и почти всякую возможность заниматься обученіемъ
тей, онъ представляетъ и другія причины этого по истинѣ
чальнаго явленія. Церкви были бѣдны книгами. „Тѣхъ книгъ
пишетъ онъ,—„и въ самомъ Тобольскѣ въ привозѣ мало быва
и доставать ихъ неминуемо потребно отъ московской типогр
ской конторы". Недостатокъ, почти полное отсутствіе, сносны
частныхъ учителей, нерасположеніе къ ученію и низкій обр
вательный уровень духовенства онъ выставляетъ важнѣйш
тормозами въ просвѣтительной работѣ тобольскихъ архипасты
Достаточно сказать, что даже въ 80-хъ годахъ прошлаго сто
тія изъ 188 священно- и церковно-служителей ялуторовскаго за
только 41 умѣли хорошо читать, писать и пѣть по нотамъ,
умѣли только хорошо читать и изъ всѣхъ 188 человѣкъ тол
3 знали первую часть ариѳметики! Что могли дать такіе о
своимъ дѣтямъ? Учитель Рафаиловской школы справедливо
ловался на плохую домашнюю подготовку своихъ питомцевъ.
писалъ, что „священно- и церковно-служители, немалое время въ
махъ своихъ обучая дѣтей, ничего не научили, кромѣ какъ то
выростили и испортили, и въ поправленіи домашняго ихъ на
мять (безъ знанія словъ и рѣченій) неправильнаго затвержива
излишнее сдѣлали здѣсь затрудненіе... Дѣти переучиваемы б
съ великимъ трудомъ".

Въ декабрѣ 1760 г. учителемъ Рафаиловской школы б
назначенъ дьяконъ Исетскяго острога Ал. Жемчужниковъ,
производствомъ во священника, но онъ ѣхать въ Рафаилово
казался, такъ какъ въ Исетскомъ острогѣ имѣлъ свой домъ.
годаря его отказу, открытіе школы затянулось до апрѣля 176

когда учителемъ былъ назначенъ дьячекъ Леушинской волости Ив. Перевитскій, который въ то время былъ въ Тобольскѣ „на усмотрѣніи“ консисторіи. Архимандриту Нектарію предписывалось слѣдить за его поведеніемъ, доносить о немъ каждую треть и предоставлено было право дѣлать ему увѣщанія, впрочемъ, „съ пристойнымъ воздержаніемъ“: вѣрно, не очень-то хорошаго поведенія былъ этотъ почтенный педагогъ, первый начинатель великаго дѣла воспитанія юношества въ Рафаиловѣ. Школу помѣстили въ одной изъ монастырскихъ келій. Жалованья учителю было положено 10 р. въ годъ и готовое, вмѣстѣ съ учениками, содержаніе на счетъ священно- и церковно-служителей заказа, исключая одежды. Кромѣ этого, онъ получалъ доходы по должности причетника. Въ школу принимались дѣти духовенства ялуторовскаго и рафаиловскаго заказовъ, да кромѣ того прислано было, вѣроятно, за скудоміе и великовозрастіе, 7 семинаристовъ изъ низшихъ классовъ. Школа эта, какъ и всѣ латинскія заказныя, состояла изъ 4-хъ классовъ: фары, инфимы, грамматики и синтаксимы. Преподаваніе было, повидимому, концентрическое: въ фарѣ учили читать и писать по-латыни, въ инфимѣ преподавались главныя правила латинской грамматики, въ грамматикѣ—всѣ этимологическія правила и главныя синтаксиса, въ синтаксимѣ проходился синтаксисъ. Обучались въ фарѣ по „элементарію“, а въ остальныхъ классахъ по „великому альвару“, латинской грамматикѣ Эммануила Альвара, чрезвычайно трудной для пониманія. Дѣти должны были поступать подготовленными дома въ чтеніи и письмѣ по-русски, неумѣвшихъ доучивали въ школѣ. Съ 1763 года митрополитомъ Павломъ введено было обученіе школьниковъ нотному пѣнію. Для насъ кажется непонятнымъ, какимъ образомъ Перевитскій, котораго нельзя было безъ „усмотрѣнія“ оставить, могъ достичь какихъ-либо успѣховъ въ школѣ, раздробленной на 4, а считая подготовлявшихся по русской грамотѣ въ школу, и на 5 классовъ, школѣ, состоящей изъ необузданныхъ, недисциплинированныхъ школьниковъ и буяновъ-семинаристовъ, испытавшихъ всѣ прелести тогдашняго семинарскаго быта! А успѣховъ онъ добился: въ 1767 году изъ его школы въ семинарію поступило 7 мальчиковъ, и рафаиловская школа послѣ далматовской (поступило 20 мальч.) и барнаульской (11 мальч.), наравнѣ съ екатеринбургской заняла третье мѣсто.

Но не прошло еще и десяти лѣтъ, какъ митрополитъ замѣтилъ на зданіи просвѣщенія, имъ воздвигаемомъ, весьма и весьма крупныя прорѣхи*).

*) Оказалось, что многіе учителя сами не знали латинскаго языка или знали плохо, да и такіе не вездѣ отыскивались—такъ мало было мало-мальски образованныхъ людей среди сибирскаго

Это заставило митрополита въ 1767 году сдѣлать распоряженіе о закрытіи латинскихъ школъ и замѣнѣ ихъ славянскими, въ которыя велѣно было принимать дѣтей духовнаго званія отъ 5 до 10 лѣтъ и обучать ихъ славянской и русской грамотѣ, пѣнію по нотамъ, письму и катихизису, „въ твердость" (т. е. наизусть) непремѣнно, а обучившихся этимъ предметамъ отсылать для поступленія въ семинарію. За ходомъ преподаванія и за своевременностью отдачи дѣтей въ школы поручено было слѣдить заказчикамъ. Это благодѣтельное распоряженіе, сбросившее заказныя школы съ схоластической альварной высоты на почву дѣйствительныхъ потребностей, не вездѣ однако-жъ было примѣнено, и рафайловскій учитель Ив. Перевитскій еще въ теченіе двухъ лѣтъ, до 16 мая 1769 года, продолжалъ упитывать своихъ питомцевъ сѣменами Альваровой мудрости, пока вновь прибывшій архіепископъ Варлаамъ не приказалъ закрыть эти школы, а учителей, не имѣвшихъ церковныхъ мѣстъ, съ учениками и латинскими книгами представить ему на усмотрѣніе. Sic transit gloria mundi!

Архіепископъ Варлаамъ закрылъ школы въ полной увѣренности, что духовенство, какъ передовое сословіе въ тогдашней Сибири, само будетъ заботиться о первоначальномъ обученіи своихъ дѣтей. Ошибка его скоро обнаружилась: дѣти оказывались мало обученными грамотѣ, а иногда и совсѣмъ не умѣли ни читать, ни писать. Въ семинарію поступало мало, священно- и церковно-служительскія мѣста пустовали (въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія вакантныхъ мѣстъ по всей епархіи оказалось 425). И вотъ архіепископъ Варлаамъ прибѣгаетъ вновь къ той мѣрѣ, къ которой приступалъ митрополитъ Павелъ: въ 1779 году онъ приказываетъ открыть школы въ монастыряхъ и заказахъ. Духовенство Ялуторовскаго округа еще въ 1776 году хлопотало объ открытіи такой школы. Въ школахъ этихъ должны были обучать азбукѣ, часослову, псалтири, катихизису, первой части ариѳметики, церковному пѣнію, а съ 1786 года и составленію церковныхъ росписей и извлеченію изъ нихъ краткихъ табелей. Такая школа въ Рафаиловомъ монастырѣ открыта была въ 1779 году

духовенства. Еще труднѣе было отыскать людей, подходящихъ по нравственнымъ качествамъ. Пьянство было обычнымъ явленіемъ. Тагильскій учитель Никитинъ, напримѣръ, несмотря на часто повторяющіеся выговоры и даже тѣлесное наказаніе, не только самъ безобразничалъ, но и „другихъ [illegible] худые, христіанству неприличные поступки вкоренившимся въ немъ безстрашіемъ на соблазнъ всему свѣту поощрялъ и паки фуртыжества частовременныя употреблялъ". Самаровскій учитель „отъ невоздержанія хмѣльнаго питія въ ученіи учениковъ имѣлъ нераченіе, и ученики, по большей части, находились въ праздности". Такихъ примѣровъ можно бы привести множество, но зачѣмъ перечислять ихъ? Кромѣ этого, многіе учители-священники не имѣли времени заниматься въ школѣ по своимъ прямымъ обязанностямъ. Недостатокъ учебниковъ и незнаніе латинскаго языка самими заказчиками, обязанными слѣдить за преподаваніемъ, также дурно отзывались на школьномъ дѣлѣ.

Принимались въ эту школу дѣти отъ 7 и болѣе лѣтъ, сюда же присылались и неуспѣвающіе семинаристы. На квартиру, отопление, освѣщеніе школы и на покупку письменныхъ принадлежностей для учениковъ собирались деньги со всего заказа. Плата учителю за обученіе азбукѣ полагалась по 30 коп. съ ученика, за обученіе часослову—50 коп., псалтири, письму и первой части ариѳметики—1 руб., потиому нѣнію—2 руб. Первымъ учителемъ этой школы былъ дьяконъ Кальвиновскій, который самъ ѣздилъ по округу собирать дѣтей въ школу.

Учебный день начинался въ 6 ч. утра. Прочитывали всѣ утреннія молитвы, и школьники садились по мѣстамъ: сначала повторяли пройденное, а затѣмъ каждому задавался новый урокъ, который каждый ученикъ тутъ же и училъ. Къ 11 часамъ учитель успѣвалъ спросить всѣхъ учениковъ и до 12 ч. отпускалъ ихъ обѣдать. Послѣ обѣда дѣти вновь являлись въ школу и до 4 часовъ учили заданные „урки", послѣ чего отпускались ужинать. Послѣ ужина дѣти снова являлись въ школу и занимались до 8 часовъ и затѣмъ только освобождались отъ занятій. По окончаніи недѣли учитель спрашивалъ все пройденное за недѣлю. Современный педагогъ, просматривая эту таблицу занятій, безъ сомнѣнія, будетъ пораженъ тѣмъ количествомъ труда, какимъ обременены были дѣти и учитель; но если мы примемъ во вниманіе, что, при отсутствіи педагогическихъ методовъ, выработанныхъ путемъ опыта и изученія физической и психической природы человѣка, учитель выбиралъ самый простѣйшій, „отсюда-досюда", то трудъ учителя унадаетъ до простого спрашиванія учениковъ, а трудъ учащихся—до степени простой долбяжки, которая, хотя и утомительнѣе была благотворной работы мозга, и скорѣе притупляла, чѣмъ развивала умъ учащихся. Гуманность въ прежнемъ воспитаніи тоже не играла особенно выдающейся роли: оскорбительныя прозвища и ругачки, щелчки и линьки, благодѣтельная линейка и пр. считались необходимыми атрибутами школьной обстановки, и надъ ними возвышалось самое благодѣтельное средство, которое до сихъ поръ еще остается въ памяти стариковъ подъ гастрономическимъ именемъ „березовой каши". Неизвѣстно, злоупотреблялъ ли дьяконъ Кальвиновскій этимъ всемогущимъ воспитательнымъ средствомъ, но преемникъ его Дм. Капустинъ, повидимому, на розгѣ построилъ всю свою педагогическую систему. Этотъ почтенный педагогъ довелъ одного изъ учениковъ своихъ Як. Жельницкаго, двадцатилѣтняго юношу, до того, что тотъ утопился: онъ сѣкъ Желницкаго въ теченіе 3-хъ дней по 8 разъ въ день. Обвиненный въ кражѣ 6 р. 50 к. Желницкій, подъ вліяніемъ порки, сознался въ своемъ пре-

ступленіи и въ одномъ бѣльѣ. въ сопровожденіи двухъ товар
щен-караульныхъ, отправился отыскивать будто бы спрятанны
въ снѣжномъ сугробѣ деньги, но дорогой бѣжалъ: 4 версты г
лись за нимъ его преслѣдователи. пока Желницкій, добѣжавъ
рѣки, не бросился въ прорубь. Бѣгство учениковъ изъ шко
было. кажется. явленіемъ обыкновеннымъ: одинъ изъ ученико
убѣжалъ даже къ архіерею и здѣсь жаловался на учителя. В
1790 году. наконецъ. Капустина убрали, назначивъ на его мѣс
дьякона Як. Шмотина, а въ помощь ему іеромонаха Іоасафа
дьячка Ив. Кузнецова.

Кромѣ этой школы, съ разрѣшенія архіепископа, съ 17
года въ виду дальности разстоянія округа отъ Тобольска и тру
ности доставленія дѣтямъ съѣстныхъ припасовъ, существова
енце и другая школа. латинская, съ ея фарой, инфимой е
элементаремъ и великимъ альварюмъ. Учителемъ этой школы
столь казначей монастыря іеромонахъ Троадій. „Духовенство
фару платило ему 30 р. въ годъ. за слѣдующіе же классы об
щало прибавить. Черезъ полгода послѣ открытія школы учен
ковъ въ ней было уже 25 чел. Ученики обѣихъ школъ жили
части въ самомъ монастырѣ. а больше—въ селѣ по квартира
Квартировали и по одному. и группами отъ двухъ до семнадца
человѣкъ. съ платою въ мѣсяцъ отъ 55 до 70 коп.: но не в
жили со столомъ: отцы нѣкоторыхъ сами доставляли своимъ д
тямъ съѣстные припасы и, такимъ образомъ, платили только
квартиру, стирку бѣлья и приготовленіе кушаній по 10—15 к
въ мѣсяцъ.

Школы эти существовали до 1803 года. когда при Тобо
ской семинаріи и при монастыряхъ стали устраиваться русс
училища. реформированныя по проекту Арсенія, митрополи
Новгородскаго. Онѣ состояли изъ 3-хъ классовъ. съ пятигод
нымъ курсомъ. Въ нихъ преподавалось церковное и гражданс
чтеніе. нѣпіе обиходное. краткая русская грамматика (1-й од
годичный классъ): краткая священная исторія. краткая всеобщ
и русская исторія и географія (2-й двухгодичный классъ): кр
кая логика и риторика. о должностяхъ человѣка и гражданин
пространный катихизисъ. о должностяхъ пресвитеровъ цер
ныхъ. руководство къ чтенію священнаго писанія и уставъ
ховный съ практикой церковной (3-й двухгодичный классъ).
Рафаиловскомъ монастырѣ. однако-жъ. такого училища не откры
и ялуторовское духовенство обязалось посылать дѣтей своихъ
семинарское училище. лучшее и многолюднѣйшее во всей епарх

Глава III. Ялуторовское уѣздное двуклассное училище.

Въ 1782 году Ялуторовскій острогъ былъ преобразованъ въ городъ и поставленъ во главѣ управленія округомъ. Къ этому же времени относится и учрежденіе народныхъ училищъ.

Екатерина Великая глубже своихъ предшественниковъ взглянула на дѣло народнаго образованія, отлично понимая, что образованіе необходимо такъ же и простому народу, какъ и высшимъ классамъ и духовенству. Она видѣла также, что недостаточно цифирныхъ, навигацкихъ и геодезическихъ школъ, основанныхъ Великимъ Преобразователемъ и уже успѣвшихъ пасть за время управленія императрицъ и герцога-регента. Точно также и въ духовныхъ школахъ того времени съ ихъ схоластической мудростью не могла она видѣть залога для преуспѣянія великаго дѣла просвѣщенія націи, потопающей въ невѣжествѣ: обновить духъ народа она находила возможнымъ лишь образованіемъ общимъ, возвышающимъ душу и очищающимъ нравственныя понятія. Справедливо вполнѣ восклицали поэты ея времени:

Петръ Россамъ далъ тѣла,
Екатерина—душу.

Система задуманныхъ ею училищъ была такова. Въ уѣздныхъ городахъ и большихъ селеніяхъ должны были открыться малыя народныя училища, имѣющія два класса. Въ первомъ классѣ преподавалось чтеніе, письмо, изученіе цифръ арабскихъ, славянскихъ и римскихъ, первоначальныя правила русской грамматики, сокращенный катихизисъ и священная исторія; во второмъ классѣ—пространный катихизисъ, но безъ доказательствъ изъ священнаго писанія, чтеніе „Книги о должностяхъ человѣка и гражданина“, вся ариѳметика, первоначальныя правила русской грамматики, и повторялась священная исторія. Въ губернскихъ и большихъ уѣздныхъ городахъ открывались главныя народныя училища. Въ первыхъ двухъ классахъ этихъ училищъ проходилось то же, что и въ малыхъ, только вмѣсто всей ариѳметики проходилась первая ея часть, а взамѣнъ второй части преподавались языки: латинскій и „сосѣдственный“; въ третьемъ классѣ—пространный катихизисъ съ доказательствами, изъясненіе евангелій, вторая часть ариѳметики, русская грамматика, всеобщая исторія и географія и каллиграфія; въ четвертомъ классѣ предметы эти пополнялись основаніемъ геометріи, механики, физики, естественной исторіи, архитектурой и рисованіемъ. При преподаваніи введена была новая метода, которая вносила живость и наглядность

и возбуждала самодѣятельность учащихся. О содержаніи этихъ училищъ должны были заботиться приказы общественнаго призрѣнія и сами города, которымъ Екатериною дарованы были значительныя льготы.

Въ 1789 г. послѣдовало въ Тобольскѣ открытіе главнаго, а въ Тюмени, Туринскѣ и Тарѣ—малыхъ училищъ. Средства Ялуторовска въ это время были крайне скудны: съ 1785-го по 1790 годъ въ приходѣ Ялуторовска не значится ни копейки, и только въ 1790-мъ г. поступило 130 р. 91 к., да въ 1792 г.—93 р. 41 к., но эти деньги въ тѣ же годы и расходовались на общественныя нужды. На такія средства не представлялось никакой возможности содержать училище, и Ялуторовскъ безъ него и остался.

Нельзя однакоже сказать, чтобы дѣти ялуторовцевъ оставались безграмотными: частныхъ учителей было много: дьячекъ, отставной солдатъ, выгнанный со службы приказный, а иногда и женщины,—всѣ находили себѣ кусокъ хлѣба въ этомъ занятіи. Мы имѣемъ много архивныхъ данныхъ о существованіи такихъ учителей, и впослѣдствіи съ ними немало пришлось бороться училищному начальству, ярко приверженному къ новымъ методамъ, съ которыми частные учителя не были знакомы*). Въ 1804 году въ Ялуторовскъ прибылъ „ссылочный“ малороссійскій шляхтичъ Игнатій Осиповичъ Ольшевскій, уроженецъ Родомысльскаго уѣзда Кіевской губерніи, и занялся обученіемъ дѣтей чтенію, письму, грамматикѣ, ариѳметикѣ и Закону Божію. Дѣло у него шло прекрасно, такъ какъ по образованію своему онъ былъ головою выше своихъ коллегъ-самоучекъ. Учениковъ было много, и онъ былъ любимъ какъ учениками, такъ и ихъ родителями, и получилъ отъ нихъ много одобрительныхъ свидѣтельствъ. Учебное начальство также съ уваженіемъ относилось къ почтенной дѣятельности пришельца-педагога: директоръ училищъ баронъ Эйбенъ, а впослѣдствіи, уже въ Курганѣ, и его преемникъ Набережнинъ—выдали ему лестные аттестаты; имѣлъ онъ также аттестаты и отъ курганскихъ смотрителя и учителей. Кромѣ похвальныхъ аттестатовъ, данныхъ Ольшевскому за дѣятельность въ Ялуторовскѣ барономъ Эйбеномъ и мѣстнымъ обществомъ горожанъ и чиновничествомъ, мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ другихъ данныхъ о занятіяхъ Ольшевскаго, но зато о курганской его дѣятельности мы нашли кое-какія данныя въ курганскомъ училищномъ архивѣ. Когда открылось курганское уѣздное училище (въ 1817 г.), то, благодаря дѣятельности Ольшевскаго, явилась возможность открыть оба класса, и во второй классъ поступили

*) Подробнѣе о нихъ будетъ сказано въ другомъ моемъ сочиненіи. Авт.

ученики Ольшевскаго, съ довольно хорошимъ успѣхомъ подготовленные по Закону Божію, грамматикѣ, ариѳметикѣ и правописанію(?). Въ первый же годъ существованія уѣзднаго училища смотритель Сосуновъ пожелалъ удостовѣриться въ справедливости мѣстныхъ объ Ольшевскомъ отзывовъ. Онъ отправился въ квартиру Ольшевскаго и нашелъ его занимающимся съ дѣтьми „высокоблагородными, благородными и прочихъ сословій“, въ томъ числѣ и съ двумя своими дочерьми. Сосуновъ замѣтилъ „исправный методъ“ учителя и примѣрные успѣхи учащихся и, пригласивъ городничаго, чиновниковъ, гражданъ и родителей учениковъ, произвелъ испытаніе, и къ общему удовольствію присутствующихъ дѣти оказали „изрядные“ успѣхи. „Труды Ольшевскаго“,—пишетъ Сосуновъ въ одномъ изъ своихъ донесеній,—„заслуживаютъ вниманія, какъ безкорыстные, объясняющіеся единственно искреннимъ усердіемъ къ распространенію народнаго просвѣщенія“. Въ воздаяніе такихъ трудовъ и преклонной старости Ольшевскаго (онъ родился около 1757 года) директоръ хлопоталъ объ облегченіи его участи и назначеніи его приходскимъ учителемъ. Приводимъ другой примѣръ любви общества къ Ольшевскому. Когда одинъ изъ смотрителей, ярый преслѣдователь частнаго преподаванія, задумалъ закрыть и школу Ольшевскаго, то возбудилъ всеобщее неудовольствіе, и городничій принужденъ былъ отъ имени чиновниковъ и гражданъ письменно заявить смотрителю, что родители отказываются отбирать отъ Ольшевскаго своихъ дѣтей и отдавать въ уѣздное училище, такъ какъ тамъ, въ училищѣ, плохо учатъ и съ дѣтьми обращаются жестоко. Такова была школа Ольшевскаго въ Курганѣ. Въ Ялуторовскѣ она существовала съ 1804 по 1809 годъ и, вѣроятно, была не хуже курганской. Подъ конецъ судьба улыбнулась „несчастному“ (такъ называли его во всѣхъ оффиціальныхъ бумагахъ), и онъ былъ допущенъ приходскимъ учителемъ „на сторожевское жалованье“—6 р. 50 к. ассигнаціями.

Въ декабрѣ 1814 года въ Тобольскъ прибылъ новый директоръ училищъ Адамъ Ивановичъ Аригольдъ, бывшій казанскій профессоръ. Первою заботою новаго директора было устройство уѣздныхъ училищъ во всѣхъ городахъ губерніи и приходскихъ —не только въ городахъ, но и въ селахъ. Съ этою цѣлью онъ совершилъ поѣздку по губерніи въ слѣдующемъ же году. Онъ посѣтилъ всѣ города, ревизуя училища, гдѣ они были, и убѣждая жителей заводить ихъ, гдѣ не было. Посѣтилъ онъ съ этою цѣлью и многія села. Въ Ялуторовскѣ однакожъ онъ не имѣлъ успѣха: городъ былъ немного богаче прежняго и не могъ ничего удѣлить на содержаніе училища изъ своихъ скудныхъ средствъ.

Въ округѣ онъ добился большаго: Новозаимское, Кизакское и Слободо-Бешкильское комиссарства изъявили желаніе имѣть училища и обязались выстроить для нихъ дома, отоплять и освѣщать ихъ и отпускать на содержаніе училищъ по 250 руб. въ годъ; Юргинское и городовое комиссарства отъ заведенія училищъ отказались. Въ томъ же году между губернаторомъ и директоромъ произошла ссора, и фонъ-Бринъ (губернаторъ) всѣми силами сталъ препятствовать осуществленію благородныхъ начинаній горячаго директора. Уѣздная администрація первая замѣтила это и также на каждомъ шагу стала тормозить это дѣло. Ялуторовскій исправникъ въ особенности не подавалъ никакой надежды на устройство училищъ въ округѣ, объясняя это тѣмъ, что „крестьяне заняты были уборкою хлѣба и кошеніемъ травъ, отдачею въ запасные магазины экономическаго хлѣба и оплатою податей и прочихъ повинностей по воинскому набору рекрутъ, а, по неустановленію зимою (отъ бывшихъ большихъ снѣговъ) дорогъ, почитали за невозможное вывозить лѣсъ, а нынѣ до того истощили свой скотъ, что и не въ состояніи на лошадяхъ своихъ возить лѣсъ.“ Въ городѣ однакожъ, несмотря на категорическій отказъ горожанъ заводить училище, Арнгольду удалось убѣдить горожанъ устроить подписку, которая и дала 250 руб.; кромѣ этого, онъ убѣдилъ мѣщанина Быкова выстроить для училища каменный о трехъ покояхъ домъ, а затѣмъ обратился къ ратушѣ съ предложеніемъ завести и приходское училище. „Жалованье учителю“,—писалъ онъ,—„не болѣе будетъ стоить 200 р., домъ же для приходскаго училища теперь не нуженъ, такъ какъ на первый случай дѣти могутъ обучаться въ зданіи, построенномъ благотворителемъ Быковымъ, гдѣ есть для помѣщенія училища довольно просторный покой.“ Ратуша отъ содержанія училища отказалась, и на выручку явился тотъ же Быковъ: онъ внесъ въ ратушу 300 руб. съ тѣмъ, чтобы давать ихъ заимообразно нуждающимся, которые при возвращеніи долга обязаны были извѣстный процентъ приплачивать въ пользу училища. Въ началѣ 1817 года Арнгольдъ былъ уволенъ, несмотря на защиту профессоровъ-слѣдователей, и столь горячо и плодотворно начатое имъ дѣло стало разрушаться; въ Ялуторовскѣ оно заглохло бы, безъ сомнѣнія, и совсѣмъ, если бы не пожертвованіе Быкова.

Алексѣй Даниловичъ Быковъ, по своему положенію и для того времени, былъ человѣкъ замѣчательный. Состоя на службѣ у частныхъ лицъ (по откупамъ) и не имѣя выдающагося состоянія, онъ не жалѣлъ однакожъ своихъ маленькихъ средствъ, добытыхъ службой, для дѣлъ общественныхъ: онъ окончилъ постройку ялуторовскаго собора, почти на свой счетъ выстроилъ

каменную Вознесенскую церковь, выстроилъ зданіе для училища, которое съ обстановкой стоило ему до 3½ тысячъ рублей, и, наконецъ, первый подалъ руку помощи зарождающемуся приходскому училищу, пожертвовавъ на его содержаніе небольшой капиталъ. Совершенно справедливо говорилъ директоръ въ представленіи училищному совѣту, что „Быковъ, при весьма маломъ достаткѣ своемъ, *первый въ губерніи* знатную часть изъ своего имущества удѣлилъ на пользу просвѣщенія и благолѣпію церквей.“ Быковъ не ограничивался матеріальными жертвами, а посвятилъ и умъ свой и честность дѣлу общественнаго служенія: въ Ялуторовскѣ онъ состоялъ городовымъ старостой, служилъ засѣдателемъ приказа общественнаго призрѣнія, гдѣ ему ввѣрялись весьма значительныя суммы и, наконецъ, много разъ избирался депутатомъ отъ города по разнымъ дѣламъ,—всѣ эти обязанности онъ исполнялъ съ пользой для города и общества. По образованію своему онъ, безъ сомнѣнія, стоялъ выше купцовъ и мѣщанъ того времени. Въ архивѣ тобольской гимназіи мы нашли бумагу, собственноручно писанную Быковымъ: почеркъ, орфографія, правильность и отчетливая ясность въ изложеніи мыслей свидѣтельствуютъ объ его начитанности и значительномъ образованіи, котораго онъ достигъ, можетъ-быть, собственными тяжелыми усиліями. За свои пожертвованія онъ награжденъ былъ серебряной медалью на Владимірской лентѣ для ношенія на шеѣ, съ надписью: „за полезное.“

21 октября 1817 года, черезъ полтораста лѣтъ послѣ основанія города, происходило торжественное открытіе уѣзднаго училища. Послѣ обѣдни все городское духовенство, въ сопровожденіи учениковъ съ директоромъ и смотрителемъ во главѣ, дворянъ, чиновниковъ и гражданъ, крестнымъ ходомъ отправилось во вновь устроенное мѣщаниномъ Быковымъ училищное зданіе, и здѣсь былъ отслуженъ молебенъ. При провозглашеніи многолѣтія царствовавшему Императору было сдѣлано 11 пушечныхъ выстрѣловъ. Послѣ молебна смотритель прочелъ данное директору училищъ отъ казанскаго университетскаго совѣта предписаніе объ открытіи училищъ, а директоръ—статьи устава, относящіяся къ уѣзднымъ училищамъ. Затѣмъ говорились привѣтственныя и благодарственныя рѣчи самимъ смотрителемъ и учениками. Между рѣчами производилось ученикамъ, которыхъ собралось 26 чел., преподаваніе разныхъ предметовъ. Торжество закончилось пѣніемъ пѣсни: „Тебе, Бога, хвалимъ“, и всѣ были приглашены на завтракъ къ благотворителю училища Быкову. Между присутствующими открыта была подписка въ пользу приходскаго училища, которая и дала 105 р. Нѣкоторые жертвовали книги, гео-

ТЕКА

графическія карты, портреты Государя Императора, а смотритель Лепехинъ пожертвовалъ электрическую машину. На первый разъ открылся одинъ первый классъ съ 30 учениками. (Когда открылся приходскій классъ, мы не могли найти въ архивѣ гимназіи. Надо думать,—въ этомъ же году, или въ слѣдующемъ, или ужъ въ крайнемъ случаѣ—въ 1819, такъ какъ при посѣщеніи училища Словцовымъ въ 1820 г. онъ уже существовалъ). Вечеромъ весь училищный домъ былъ иллюминованъ, и передъ окнами были выставлены 3 прозрачныхъ щита изъ разноцвѣтныхъ стеколъ съ вензелевыми иниціалами Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Ялуторовское уѣздное училище открыто было по уставу 1804 года. Измѣненія, совершившіяся въ курсѣ екатерининскихъ училищъ, были весьма значительны. По уставу 1804 года становилось обязательнымъ имѣть въ каждомъ городѣ хотя одно уѣздное училище, предназначавшееся, какъ видно изъ самаго названія, для цѣлаго уѣзда. въ меньшихъ же единицахъ - приходахъ должны были открываться приготовительныя училища: приходскія (по тому же уставу), церковно-приходскія (съ 1805 г.), волостныя (съ 1830 г.) и удѣльнаго вѣдомства (съ 1832 г.). Всѣ эти училища сливались въ одну довольно стройную систему: приходскія училища, давая болѣе или менѣе законченныя знанія, въ то же время служили и первою ступенью для поступленія въ уѣздныя училища, а окончившіе курсъ въ уѣздномъ могли поступать въ гимназію. Уѣздныя училища попрежнему состояли изъ двухъ классовъ, и преподаваніе было классное, но курсъ былъ значительно увеличенъ, введены были новые предметы, какъ-то: географія и исторія всеобщая и русская, начальныя правила геометріи, физики, естественной исторіи и технологіи, имѣющей отношеніе къ мѣстной промышленности. Преподавателей было два, и одинъ изъ нихъ былъ и смотрителемъ училища. Жалованья смотрителю положено было 400 руб., учителямъ по 300 руб. и, кромѣ того, имъ добавочныхъ за преподаваніе Закона Божія и рисованія по 100 р. Первымъ смотрителемъ училища былъ Лепехинъ, окончившій курсъ въ Тобольской семинаріи и бывшій до того учителемъ тюменскаго малаго народнаго училища, а первымъ учителемъ 1-го класса—Васильевъ, семнадцатилѣтній юноша, только что окончившій тобольскую гимназію. Преподавать Законъ Божій поручено было Васильеву, а рисованіе—Лепехину. Учиться рисованію пожелало 15 человѣкъ.

Преподаваніе по описываемой программѣ происходило лишь до 1819 года. Въ этомъ году изъ курса училищъ были исключены начальныя правила естественной исторіи и технологіи, а также и изученіе „Книги о должностяхъ человѣка и гражданина“

замѣнено чтеніемъ св. писанія. Со вступленіемъ въ должность попечителя казанскаго университетскаго округа, къ которому относилась тогда Сибирь, знаменитаго Магницкаго, послѣдовало множество мѣръ, измѣняющихъ характеръ низшаго образованія. Въ 1819 году предписано за полчаса до начала уроковъ, а въ праздники до обѣдни, прочитывать главу изъ св. Евангелія. Съ 1820 года при чтеніи св. писанія обязывались присутствовать дежурные учителя, а также посѣщать обѣдни; нерадивыхъ въ этомъ отношеніи предписано было заносить въ дежурную книгу и доносить о нихъ директору университета, а при составленіи формулярныхъ списковъ обращать особенное вниманіе на религіозность учителей. При чтеніи св. писанія учителя обязывались ограничиваться прочтеніемъ текста, безъ всякаго объясненія прочитаннаго, а съ 1826 года учителя, при прохожденіи исторіи, обязывались дѣянія и характеры лицъ историческихъ сравнивать съ примѣрами изъ библіи, миней и твореній св. отцевъ. Въ 1823 году предписано передъ началомъ и концомъ ученія служить молебны въ храмахъ съ водоосвященіемъ. Въ 1820 году велѣно дарить ученикамъ въ хорошемъ переплетѣ экземпляръ св. Евангелія и „О подражаніи Христу.“ Въ дѣлѣ преподаванія другихъ предметовъ произошли слѣдующія перемѣны: въ 1821 году предписано усилить преподаваніе математики и физики, а въ 1827 году— обращать особенное вниманіе на преподаваніе славянскаго языка (и въ Ялуторовскомъ уѣздномъ училищѣ въ 1-мъ классѣ введено было преподаваніе славянскаго языка, а во 2-мъ—чтеніе и письмо на латинскомъ языкѣ, всеобщая исторія[?] и геометрія[?]). Старые учебники были замѣнены новыми: вмѣсто катихизиса Платона введенъ катихизисъ Филарета и начатки христіанскаго ученія, введена грамматика Востокова (въ 1831 г.), ариѳметика и геометрія Буссе и курсъ линейнаго рисованія Франкера, исторія же преподавалась, вѣроятно, по Кайданову, а географія—по Арсеньеву.

Для сужденія о результатахъ ученія за этотъ періодъ мы не имѣемъ другихъ данныхъ, кромѣ отзывовъ ревизоровъ и оцѣнки ученическихъ познаній на публичныхъ испытаніяхъ, производившихся всѣмъ ялуторовскимъ обществомъ. Первыя пять лѣтъ дѣло обученія шло, повидимому, довольно плохо. Учитель 1-го класса Васильевъ, какъ уже выше было сказано, семнадцатилѣтній юноша, только что сошедшій съ гимназической скамьи, не могъ, по своей молодости, имѣть воспитательнаго авторитета среди учениковъ, изъ которыхъ нѣкоторые были, можетъ-быть, и старше его. Кромѣ этого препятствія, было и другое: въ первый годъ существованія училища ему пришлось обучать нѣкоторыхъ учениковъ первоначальной грамотѣ (съ хорошей подготовкой

тогда могли поступить немногіе), и такимъ образомъ проходилось два курса: приготовительный и 1-го класса. Немало способствовало плохой постановкѣ дѣла и слабое здоровье учителя, —Васильевъ 6 сентября 1821 года умеръ. Подъ руководствомъ его плохо шло также и преподаваніе Закона Божія. Ученики, плохо подготовленные за 1-й классъ, не могли, разумѣется, успѣвать и во второмъ, хотя бы и при столь опытномъ учителѣ, какимъ былъ Лепехинъ. Директоръ гимназіи Протопоповъ, посѣтившій училище въ 1820 году, нашелъ успѣхи учениковъ 1-го класса, а также и все училище, въ Законѣ Божіемъ слабыми, а успѣхи учениковъ 2-го класса—посредственными. П. А. Словцовъ, визитаторъ сибирскихъ училищъ, извѣстный сибирскій историкъ, болѣе подробно говоритъ о состояніи училищъ: ученики приходскаго класса, по его свидѣтельству, не выговариваютъ должнымъ образомъ буквъ, ученики 1-го класса дурно читаютъ и не могутъ выговаривать большихъ чиселъ, во 2-мъ же классѣ совсѣмъ не проходятъ грамматику. Въ слѣдующіе годы замѣтно повышеніе успѣшности, и отзывы публики на экзаменахъ: „успѣхи довольно удовлетворительны“ смѣняются болѣе теплыми, въ родѣ слѣдующаго: „успѣхи учениковъ вызвали горячее одобреніе публики.“ Словцовъ въ 1822 году снова ревизовалъ училище и нашелъ во 2-мъ классѣ успѣхи въ русской грамматикѣ, ариѳметикѣ, математической и всеобщей географіи—полные; въ русской исторіи и географіи, а также и физикѣ—совершенные; рисунки и прописи не у всѣхъ хорошіе, но зато въ 1-мъ классѣ (а въ Законѣ Божіемъ и во 2-мъ кл.),—попрежнему малые. Причиною этого, какъ намъ кажется, могла служить и постоянная смѣна учителей 1-го класса: по смерти Васильева свящ. Емельяновъ пробылъ учителемъ лишь годъ, послѣ него Тихоновъ прослужилъ тоже годъ, далѣе Дьяконовъ, старшій ученикъ 2-го класса того же училища,—2 года, и лишь Тюменцовъ и Лукинъ служили болѣе продолжительное время. Отдѣльные законоучители стали назначаться съ 1820 года и также служили по 2—3 года. Къ концу своего двадцатилѣтняго почти существованія училище стало, повидимому, на болѣе прочную почву, и успѣшность учениковъ достигла, кажется, болѣе приличныхъ размѣровъ,—по крайней мѣрѣ отзывы ревизоровъ измѣнились къ лучшему. Въ 1832 году директоръ высказалъ свое одобреніе училищу, въ 1834 году посѣтилъ училище Мусинъ-Пушкинъ и училищемъ остался доволенъ. Генералъ-губернаторы Сулима (въ 1835 г.) и князь Горчаковъ (въ 1836 г.) разсматривали опыты учениковъ въ рисованіи и письмѣ и благодарили какъ учителей, такъ и учениковъ за успѣхи. Приготовительный классъ за все свое существованіе не отличался

особенной успѣшностью, скажемъ болѣе: учебное дѣло шло въ немъ плохо. Причина этого заключалась въ самой организаціи класса. Учителю по штату не полагалось никакого жалованья, и классъ содержался на доброхотныя жертвы гражданъ, а жертвы эти—на перечетъ: 800 рублей, пожертвованные Быковымъ, и 105 руб., собранные при открытіи училища, больше пожертвованій на приходскій классъ не было. Отпускалъ ли городъ хотя бы ничтожную, но постоянную сумму, мы не знаемъ, извѣстно только, что Архангельску онъ отказалъ въ пособіи. Очень можетъ быть, что въ тогдашнее неприхотливое время учитель жилъ исключительно на подарки учениковъ, да смотритель училищъ могъ давать на пособіе изъ училищныхъ сбереженій. Неизвѣстно даже, кто до 30-го года состоялъ учителемъ этого класса: были ли то мѣстные церковники или учителя 1-го класса. Къ послѣднему предположенію приводитъ насъ то обстоятельство, что послѣдній учитель 1-го класса П. А. Лукинъ былъ въ то же время и учителемъ приготовительнаго класса. Если это такъ, то преподаваніе въ приходскомъ и 1-мъ классѣ и не могло итти хорошо: при постоянныхъ перемѣнахъ учителей заниматься съ двумя классами было почти невозможно.

О внутренней жизни училища за этотъ періодъ мы нашли у К. М. Голодникова*), бывшаго съ 1839 г. учителемъ Ялуторовскаго уѣзднаго· училища, нѣсколько строкъ въ его рукописи „Сорокъ лѣтъ назадъ.“ „Въ училищѣ не было опредѣленнаго для занятій времени: смотритель и учителя приходили въ училище, когда имъ вздумается, и иногда въ столь нетрезвомъ видѣ, что едва держались на ногахъ. Отъ такихъ менторовъ ученикамъ, разумѣется, порядочно доставалось: розги и оплеухи раздавались ими щедрой рукой. Примѣръ такой неурядицы свыше отражался и на училищной прислугѣ: классный сторожъ нерѣдко, втершись въ толпу учениковъ съ намѣреніемъ будто бы остановить ихъ отъ шалостей, давалъ кому щелчекъ, кому подзатыльникъ. Бѣдные и скромные ученики, конечно, молчали, но дѣти богатыхъ и вліятельныхъ личностей толпой въ свою очередь нападали на него, щипали, кусали, а одинъ разъ, говорятъ, даже высѣкли его свѣжей крапивой. Разумѣется, у сторожа достало бы силы разбросать десятокъ-другой ребятишекъ, но онъ имѣлъ свои разсчеты позволить имъ иногда потѣшаться надъ собою. Какъ скоро оканчивалась подобная операція, онъ приказывалъ бѣднѣйшему и непринимавшему участія въ схваткѣ ученику за-

*) Онъ разсказываетъ со словъ своихъ сослуживцевъ, въ 1836 году пріѣхавшихъ на службу и заставшихъ свѣжіе слѣды прежнихъ дореформенныхъ порядковъ.

писать фамиліи буяновъ. Мальчики, боясь за ослушаніе сторожа учительскаго наказанія, составляли списокъ. Когда приходилъ учитель, списокъ этотъ подавался ему, и начиналась порка. Впрочемъ, иногда перепуганные ребята съ мольбой просили у сторожа мира, и тотъ иногда милостиво соглашался, разумѣется, на выгодныхъ для себя условіяхъ." Таковы были условія жизни училища, при дореформенномъ его существованіи.

Но если о чемъ слѣдуетъ съ любовью вспомянуть изъ этихъ тяжелыхъ временъ, такъ это о публичныхъ испытаніяхъ и актахъ,—прекрасномъ обычаѣ того времени. На этихъ актахъ собиралось городское общество и родители учащихся, интересующіеся успѣхами своихъ дѣтей. Посредствомъ публичныхъ испытаній общество имѣло возможность слѣдить за успѣхами школы, и здѣсь завязывалась та благодѣтельная связь между обществомъ и школой, безъ которой едва ли возможно ея прочное вліяніе. Эти акты сослужили еще и другую службу: собравшіеся граждане устраивали въ пользу школы подписку, которая являлась хорошей поддержкой при скудныхъ средствахъ училища, и эти частныя пожертвованія достигали иногда почтенныхъ размѣровъ. При открытіи училища было пожертвовано на приходское училище 105 р., на нужды уѣзднаго училища въ слѣдующемъ году —46 р., въ 1820 году—102 р. Въ 1822 году принесено въ даръ училищу почетнымъ смотрителемъ Васильевымъ 150 р. и имъ же пожертвовано на 115 рублей книгъ для раздачи учащимся; въ 1824 году собрано при испытаніяхъ 85 р., въ 1825—50 р., въ 1827 г.—27 р., въ 1828 г.—102 р., въ 1829 г.—66 руб., въ 1830 г.—89 р. и въ 1832 г.—46 рублей. Кромѣ денегъ, на публичныхъ испытаніяхъ жертвовались книги, географическія карты, глобусы, картины, портреты, и такимъ образомъ созидались библіотека и отдѣлъ учебныхъ пособій. Въ день открытія училища генералъ-лейтенантъ Богдановъ пожертвовалъ портретъ Государя Императора, коллежскій совѣтникъ Боровскій—3 книги, смотритель училища Лепехинъ—карту Россійской Имперіи и электрическую машину; въ 1818 году книгами было пожертвовано 30 экземпляровъ, въ 1822 году почетный смотритель Васильевъ пожертвовалъ картину, изображающую всѣхъ государей Россіи; въ 1823 году было пожертвовано 24 книги, а въ 1824 г.—3. Въ 1829 году мѣщанинъ Телешниковъ пожертвовалъ коллекцію камней, заключающую въ себѣ 55 экземпляровъ горныхъ породъ. Съ этого же года начинается выписка книгъ и на средства училища. Вотъ каковъ былъ первый выборъ книгъ: „Курсъ теоретико-практическій языка французскаго, соч. Краузе", „Торжество открытія общества любителей отечественной словесности въ Казани" и „Ка-

занскій Вѣстникъ". Слѣдующія за этимъ пріобрѣтенія заключались въ выпискѣ книгъ отъ 2 до 7 экз. Столь слабое развитіе библіотеки, помимо недостатка средствъ, зависѣло и отъ самаго способа выписки. Распространеніемъ книгъ былъ занятъ магазинъ при департаментѣ министерства народнаго просвѣщенія; онъ имѣлъ свои отдѣленія въ университетскихъ городахъ, а эти въ свою очередь въ нѣкоторыхъ губернскихъ:—такое отдѣленіе было и при тобольской гимназіи. Благодаря такому порядку, департаментскія и университетскія изданія, по рекомендаціи начальства, продавались быстрѣе въ ущербъ умственнымъ интересамъ училища, и такимъ образомъ сочиненія Ломоносова, Державина, Фонвизина, Крылова, Хемницера, Хераскова, Богдановича и др. трудно было отыскать въ училищныхъ библіотекахъ, но зато на ихъ полкахъ красовался „Казанскій Вѣстникъ". Кромѣ того, выписываемыя книги, путешествуя по этимъ торговымъ инстанціямъ, значительно повышались и въ цѣнѣ. Этотъ порядокъ продолжался, впрочемъ, лишь до 1832 года. Съ этого времени на каждое училище на выписку книгъ стали отпускать по 200 руб. въ годъ, и книги, выписывались уже самостоятельно. Ко дню преобразованія училища въ фундаментальной библіотекѣ училища состояло книгъ въ 306 переплетахъ на сумму 882 руб. Продажная библіотека временами достигала значительныхъ оборотовъ, такъ въ 1828 году, напримѣръ, она состояла изъ 284 экзем., присланныхъ для распродажи тобольской гимназіей.

Въ первый годъ своего существованія училище насчитывало 30 учениковъ, и это обѣщало, повидимому, въ будущемъ значительную численность, но, къ сожалѣнію, это не оправдалось, и число учениковъ до 1822 года осталось почти то же или если и повышалось, то незначительно. Наиболѣе люднымъ училище было между 1822 (89 уч.) и 1826 годами, когда, по приказанію губернатора, въ училищѣ обучалось много крестьянскихъ дѣтей на счетъ своихъ сельскихъ обществъ, съ цѣлію приготовить ихъ къ писарскимъ должностямъ; при этомъ достаточно будетъ упомянуть, что однихъ поступившихъ въ 1822 году было 77 человѣкъ. Съ отмѣною этого распоряженія въ 1829 г. и число учащихся упало сначала до 50 уч., а затѣмъ и меньше, хотя къ концу существованія училища, въ 1833 и 1834 годахъ, число учащихся снова достигло до 50, а въ 1835 году ихъ было 43. Но, несмотря на это обиліе учащихся, число окончившихъ курсъ было ничтожно и не превышало семи, и только въ 1825 г. ихъ было 17 челов. Во всѣ эти вычисленія входятъ, вѣроятно, и учащіеся приготовительнаго класса, такъ какъ отдѣльныхъ свѣдѣній о нихъ мы не могли отыскать въ архивѣ.

Глава IV. Училища съ 1836 по 1862 годъ.

16-го августа 1836 года ялуторовское уѣздное училище было преобразовано по уставу 1828 года. Этимъ уставомъ уѣздныя училища снова подверглись весьма значительнымъ преобразованіямъ. Вмѣсто 2-хъ классовъ было открыто 3, и классная система преподаванія была замѣнена предметной. Вмѣсто двухъ учителей было назначено пять: одинъ преподавалъ русскій языкъ, другой—ариѳметику и геометрію, третій—исторію и географію, четвертый—чистописаніе, черченіе и рисованіе; кромѣ того, полагался отдѣльный законоучитель-священникъ и штатный смотритель, обыкновенно назначаемый изъ лучшихъ и опытныхъ учителей. Кромѣ предметовъ, поименованныхъ выше, дозволено было преподавать по вечерамъ окончившимъ курсъ формы дѣлопроизводства, относящіяся къ торговлѣ, основанія коммерческихъ наукъ, механики, технологіи, важнѣйшія правила архитектуры и, наконецъ, сельское хозяйство, но въ ялуторовскомъ уѣздномъ училищѣ ни одинъ изъ этихъ дополнительныхъ предметовъ не преподавался. Уроки, попрежнему, остались полутора-часовые, и потому занятія были утреннія и вечернія. Публичныя испытанія замѣняются съ этого времени торжественными актами, испытанія же производятся самими учителями. Хозяйственное управленіе сосредоточено въ рукахъ смотрителя, но подъ контролемъ учителей, до введенія въ 1865 г. единства кассы; въ его же рукахъ хранились и училищныя суммы. Учителямъ увеличено жалованье. Всѣ эти измѣненія въ Россіи послѣдовали сейчасъ же послѣ изданія Высочайше утвержденнаго устава 8 декабря 1828 года, но ялуторовское училище, какъ и всѣ другія сибирскія, преобразовано было лишь въ 1836 году. Причиною тому было, какъ объяснялъ министръ народнаго просвѣщенія, состояніе государственныхъ доходовъ.

Учителями были назначены только что окончившіе курсъ воспитанники тобольской гимназіи: Михалевъ—русскаго языка, А. Л. Жилинъ—ариѳметики и геометріи, Ф. Е. Кирьяновъ—исторіи, географіи и искусствъ. Законоучителемъ въ это время состоялъ молодой протоіерей Ст. Богородицкій, окончившій московскую духовную академію; вскорѣ, черезъ годъ, его замѣнилъ тоже молодой протоіерей Ст. Знаменскій, глубоко сочувствующій дѣлу народнаго образованія. Всѣ эти молодыя силы не по-казенному, безъ сомнѣнія, взглянули на свое высокое призваніе и хотя, плохо обезпеченные матеріально, часто нуждались въ самомъ необходимомъ, но тѣмъ не менѣе не только дѣлали свое дѣло съ тѣмъ рвеніемъ, какого оно заслуживало, но много сдѣлали для

своего самообразованія, а нѣкоторые занимались и литературой. Въ 1839-мъ году въ Ялуторовскъ присланы были декабристы: Муравьевъ-Апостолъ, Оболенскій, Якушкинъ, Ентальцевы, Пущинъ, Басаргинъ и Тизенгаузенъ. Учителя уѣзднаго училища посѣщали ихъ и, безъ сомнѣнія, многимъ были имъ обязаны: такъ Жилинъ изучилъ здѣсь высшую математику, Голодниковъ—новые языки, а въ 1843 году, подъ руководствомъ Муравьева-Апостола, составилъ историко-статистич. обозрѣніе Ялуторовскаго округа.

Приготовительный классъ, какъ мы видѣли изъ предыдущей главы, влачилъ жалкое существованіе, съ преобразованіемъ же уѣзднаго училища въ трехклассное его постигла новая бѣда: оно должно было искать себѣ отдѣльное помѣщеніе. Вотъ какъ описываетъ это помѣщеніе Голодниковъ: „Училище поселилось въ деревянномъ амбарѣ мѣщанина Кунгурцева. Для необходимаго храму наукъ свѣта въ амбарѣ этомъ было прорублено два окна, въ которыхъ вставлено было нѣчто въ родѣ стеколъ, принявшихъ отъ времени всевозможные цвѣта, поэтому въ единственной камерѣ училища безъ сѣней и передней свѣта было очень мало. Полы, состоящіе изъ деревянныхъ барочныхъ плахъ были хоть и не больно красивы, зато, по крайней мѣрѣ, безопасны, чего никакъ нельзя было сказать о потолкѣ, середина котораго обнаруживала сильнѣйшее тяготѣніе къ земной поверхности. Губернаторъ Ладыженскій осматривалъ въ 1840 году это училище и поспѣшилъ удалиться тотчасъ же по прибытіи, замѣтивъ смотрителю, что для безопасности не мѣшало бы подставить стойки. Смотритель принужденъ былъ спросить: а изъ какихъ суммъ прикажите, ваше превосходительство?“ Дѣйствительно, отъ правительства на содержаніе училища не отпускалось ничего, отъ городского же общества ассигновался лишь дневной свѣтъ, да и то въ самомъ скудномъ размѣрѣ. Несчастное училище существовало одними частными пожертвованіями, едва удовлетворявшими самыя насущныя потребности: наемъ квартиры, ея отопленіе etc. „Губернскія полицейскія будки.—говоритъ Голодниковъ,—были не въ примѣръ счастливѣе училища въ этомъ отношеніи“.

Съ переходомъ училища въ новое помѣщеніе, былъ назначенъ и отдѣльный учитель. Первымъ приходскимъ учителемъ былъ Маршаловъ. Учителю не полагалось жалованья. „Нынѣ невѣроятнымъ кажется,“—пишетъ Голодниковъ,—„какъ этотъ молодой человѣкъ, не имѣвшій ни родителей, ни родственниковъ, словомъ никакой поддержки, могъ существовать безъ жалованья, безъ наградъ, при томъ еще прилично держаться въ обществѣ. Добрый сослуживецъ нашъ самъ выучился шить себѣ бѣлье, платье; деньги же, необходимыя для удовлетворенія главнѣйшихъ

потребностей, онъ пріобрѣталъ такимъ образомъ: купитъ карандашей на полтинникъ да бумаги на рубль и продастъ ихъ ученикамъ по нѣсколько повышенной цѣнѣ и такимъ образомъ пріобрѣтетъ себѣ около четвертака на рубль; не гнушался онъ также частными уроками въ 3 –4 руб. въ мѣсяцъ (ассигнаціями, разумѣется)". Учитель дѣлалъ все, что было въ его силахъ, но что же мы можемъ отъ него требовать? Вѣдь послѣ своихъ тяжелыхъ занятій онъ долженъ былъ шить себѣ бѣлье, платье, бѣгать по грошевымъ урокамъ! Въ такомъ безотрадномъ положеніи училище находилось до 1842 года.

Какъ бы ни былъ хорошъ учитель, отсутствіе заботливости со стороны мѣстнаго городского общества, неопредѣленность существованія училища на частныя пожертвованія, безъ сомнѣнія, должны были зародить въ лучшихъ людяхъ того времени мысль поставить дѣло начальнаго образованія на болѣе прочную почву. Дѣйствительно, былъ человѣкъ, который очень много думалъ объ этомъ. Это былъ Ив. Дм. Якушкинъ, человѣкъ большого серьезнаго ума и учености, но безъ правъ на преподаваніе,—декабристъ. Якушкинъ жилъ въ Ялуторовскѣ одиноко. Его маленькая квартира, служившая ему научной лабораторіей, всегда видѣла своего хозяина въ своихъ стѣнахъ, за исключеніемъ только его ботаническихъ экскурсій. Въ Ялуторовскѣ онъ первый занялся метеорологическими наблюденіями, и изобрѣтенный имъ вѣтромѣръ, помѣщавшійся на высокомъ столбѣ, немало смущалъ простыя души ялуторовскихъ обывателей, но еще болѣе смущали ихъ его лѣтнія экскурсіи. „Травы собираетъ! колдунъ!" Во время этихъ прогулокъ онъ часто встрѣчалъ деревенскихъ и городскихъ мальчиковъ и бесѣдовалъ съ ними. Вѣроятно, здѣсь онъ познакомился съ душевными качествами сибирскаго ребенка: его смышленностью, бойкостью и... грубѣйшимъ невѣжествомъ. Эти встрѣчи, безъ сомнѣнія, были однимъ изъ главнѣйшихъ импульсовъ къ практическому осуществленію его воспитательныхъ теорій и той душевной привязанности къ дѣтямъ, о которой они, теперь уже старики, вспоминаютъ съ такой теплой любовью. Начни онъ самъ ходатайствовать объ открытіи училища, дѣло могло бы быть проиграннымъ, но и среди сибиряковъ были уже люди, понимавшіе пользу ученія, готовые оказать какъ матеріальныя жертвы, такъ и нравственную поддержку, и между ними выдающимся лицомъ былъ протоіерей Ст. Як. Знаменскій. Какъ священникъ, онъ взялся устроить при соборѣ церковно-приходскую школу. Нашелся и благотворитель, купецъ Мясниковъ, который пожертвовалъ домъ и взялся поставить его на мѣсто въ соборную ограду, гдѣ онъ и находился до 1861 года. Домъ этотъ, имѣвшій въ длину 9 саж.

и въ ширину 4 саж., состоялъ изъ трехъ комнатъ: прихожей, „сборной“ и „учебной“. Самая большая и удобная комната была „учебная“. Въ длину она имѣла 4 сажени, а въ ширину около 3-хъ. Остальную половину занимали „сборная“ (по-теперешнему рекреаціонная) и прихожая. Всѣ три комнаты освѣщались 14-ю окнами и, слѣдовательно, въ свѣтовомъ отношеніи были удовлетворительны. Школа эта, послѣ многихъ препятствій со стороны городничаго и смотрителя, была, наконецъ, 6-го августа 1842 г. открыта. Преподаваніе началось, подъ непосредственнымъ руководствомъ Якушкина, по ланкастерскому способу и очень удачно. Новая метода съ ея занимательностью и отсутствіемъ тѣлесныхъ наказаній, теплое отношеніе учащихъ къ своимъ питомцамъ, а также и удобство помѣщенія,—все это привлекало учащихся, и число ихъ росло быстрыми шагами: въ первое время поступило 44 человѣка, но къ концу 1843 года ихъ было уже 93, къ концу 1844 г.—135, къ концу 1845 г.—184, а къ маю 1846 года число это выросло до 200. Поступали не только городскіе мальчики, но пріѣзжали и изъ округа и изъ другихъ городовъ. Можно думать, что многіе мальчики содержались на счетъ декабристовъ. Школой заинтересовалась и губернская администрація, въ томъ числѣ и директоръ училищъ Кочуринъ, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ директоровъ. Онъ посѣтилъ школу въ 1842 году и нашелъ ее образцовой не только въ своей дирекціи, но и во всей Сибири, и при дальнѣйшей своей поѣздкѣ просилъ смотрителей устраивать по ея образцу приготовительные классы. Нѣкоторые смотрителя сами посѣтили ялуторовскую школу и, убѣдившись въ успѣшности ея, посылали своихъ приходскихъ учителей для изученія, какъ теоріи ланкастерской методы, такъ и приложенія ея на практикѣ. Пріѣзжіе учителя встрѣтили со стороны благородныхъ иниціаторовъ самый радушный пріемъ, и время, проведенное ими въ Ялуторовскѣ, не пропало даромъ: они возвращались домой хорошими учителями. Такимъ образомъ Якушкинская школа явилась и первой учительской семинаріей въ Сибири. До конца 1843 г. въ школѣ преподавалось чтеніе церковной и гражданской печати, письмо на аспидныхъ доскахъ и на бумагѣ и 1-я часть ариѳметики, а съ этого времени прибавилась 2-я часть ариѳметики, 1 и 2-я часть русской грамматики, 1-я часть латинской и греческой грамматики, краткая священная исторія, 1-я часть пространнаго катихизиса, черченіе и географія, и школа стала именоваться Срѣтенскимъ *духовнымъ* училищемъ, хотя доступъ былъ попрежнему открытъ для дѣтей всѣхъ сословій. Изъ Срѣтенскаго духовнаго училища дѣти поступали въ Тобольское духовное и Ялуторовское уѣздное училище,

съ которымъ по программѣ своей оно могло свободно конкуррировать.

Быстрыми шагами двигаясь по пути своего развитія, училище не имѣло однакожъ никакихъ матеріальныхъ средствъ. Въ 1846 г. протоіерей Знаменскій ходатайствовалъ, чтобы разрѣшено было отпускать на содержаніе училища по денежкѣ съ рубля отъ сборовъ съ оцѣночной суммы, и С. М. Семеновъ, совѣтникъ губернскаго правленія, тоже изъ декабристовъ, много способствовалъ этому дѣлу. Ходатайство было отправлено министру внутреннихъ дѣлъ, который благодаря особенному ходатайству губернатора, въ 1848 году опредѣлилъ производить на содержаніе училища изъ городскихъ суммъ ежегодный расходъ въ 200 рублей, „такъ какъ оно вполнѣ замѣняетъ приходское училище и обучаться въ немъ могутъ дѣти всѣхъ сословій". Къ этому же времени присоединилось пожертвованіе ишимскаго купца Черняковскаго въ 300 руб. Такимъ образомъ существованіе училища на будущее время было матеріально обезпечено.

Въ 1846 году Якушкинъ потерялъ жену. Тяжела была эта потеря для изгнанника, но онъ и ее ознаменовалъ добрымъ дѣломъ, основавъ школу для дѣвочекъ. Это была первая женская народная школа въ Сибири! Руководителями этой школы явились тѣ же Якушкинъ и протоіерей Знаменскій. Училище было открыто 1-го іюля 1846 года въ наемномъ домѣ. Предстояли значительныя затраты: необходима была мебель, всѣ принадлежности рукодѣльнаго класса, кромѣ того, самую квартиру требовалось приспособить для классныхъ занятій и нанять кружевницу. Всѣ эти затраты на первый разъ простирались до 300 руб., и устроители школы вынуждены были назначить за ученіе плату, но плату эту вносили только дѣти зажиточныхъ родителей, а за остальныхъ вносили декабристы и ихъ родственники; учитель школы, дьячекъ Евг. Сѣдачевъ, также отказался въ пользу ученицъ отъ своего жалованья. Найти удобную квартиру было очень трудно, а число ученицъ между тѣмъ росло да росло и достигло слишкомъ 50 человѣкъ; кромѣ того, заниматься рукодѣліемъ въ нижнемъ этажѣ оказалось невозможнымъ. Купецъ Балакшинъ, наиболѣе сочувствовавшій просвѣтительнымъ стремленіямъ декабристовъ, пустилъ училище безплатно въ болѣе удобный домъ Снигиревыхъ. Здѣсь школа оставалась до 2-го декабря 1850 г., пока на средства Ан. Вас. Мясниковой, жены строителя мужского приходскаго училища, не былъ выстроенъ домъ очень удобный и помѣстительный.

Постройка этого училища также сопряжена была съ большими препятствіями. Во время отсутствія протоіерея, который

въ это время находился въ Тобольскѣ, о. Ал. Пудовиковъ не только не позволилъ строить домъ въ церковной оградѣ, какъ это предполагалось, но запретилъ даже складывать туда лѣсъ, и, хотя преосвященный разрѣшилъ эту постройку, но Балакшинъ и Якушкинъ не осмѣлились безпокоить почтеннаго старца, и строить домъ пришлось въ Вознесенскомъ приходѣ, во 2-мъ кварталѣ, гдѣ теперь помѣщается общественное собраніе.

Зданіе женскаго училища было гораздо лучше и помѣстительнѣе мужского. Снаружи оно было обито тесомъ, выкрашеннымъ черною(?) краскою, и покрыто красною тесовою крышею. На улицу оно выходило пятью своими окнами и парадными крыльцомъ. Оно состояло изъ трехъ большихъ комнатъ: „грамотнаго“ и рукодѣльнаго классовъ и такъ называемой „сборной“ комнаты. „Сборная“ комната отъ „грамотнаго“ класса отдѣлялась коридоромъ, который съ одной стороны велъ въ квартиру надзирательницы, а съ другой—въ другой холодный коридоръ, ведущій въ ретирадъ. Рядомъ съ комнатой надзирательницы находилась сторожка. Всѣ комнаты, занятыя училищемъ, были очень высоки и удобны и давали достаточно воздуха. Въ свѣтовомъ отношеніи лучшимъ классомъ былъ рукодѣльный: пять большихъ оконъ должны были давать очень много свѣта, по величинѣ онъ былъ также больше другихъ комнатъ, въ томъ числѣ и „грамотнаго“ класса,—доказательство, что въ женскомъ образованіи въ прежнее время обращалось больше всего вниманіе на рукодѣліе. Полы и двери вездѣ были крашены; стѣны оклеены бумагой, а потолокъ холстомъ и выкрашенъ клеевою краской. Отоплялось зданіе 4 голландскими печами и освѣщалось 29-ю окнами.

Обстановка училища была такова. Вы входите въ „сборную.“ Около стѣнъ ея тянется четыре лавки. Въ углу помѣщается крашеная лѣстница, ведущая на вышку. Въ этой комнатѣ ученицы раздѣвались и проводили рекреаціонное время. Изъ сборной комнаты черезъ коридоръ вы проходите въ „грамотный“ классъ. Въ переднемъ углу виситъ образъ Божіей Матери. По срединѣ комнаты возвышается каоедра и на ней конторка (запираемая на замокъ) и стулъ для учителя, а далѣе тянутся ученическія скамейки и столы „съ телеграфами“. По стѣнамъ развѣшены разныя картины, по которымъ велось преподаваніе всѣхъ предметовъ: краткаго катихизиса, 50 таблицъ 1-й части и 42—2-й части русской грамматики, 47 таблицъ географическихъ, 57—историческихъ, карты Европы, Россіи и Сибири, письменныя таблицы всѣхъ русскихъ князей, тутъ же, на полочкѣ, пріютился и глобусъ въ черномъ коленкоровомъ чехлѣ. Передъ та-

блицами около стѣнъ находилось 8 желѣзныхъ „полукружіевъ“. Въ рукодѣльной комнатѣ находилось нѣсколько пялецъ, а также два большихъ стола со шкафами и ящиками, въ которыхъ хранились ученическія рукодѣльныя работы.

Когда училище переходило въ новое зданіе, учениць было 60. Преподаваніе велось по ланкастерскому методу. Училище было раздѣлено на 8 отдѣленій: въ первыхъ 7 отдѣленіяхъ обучались чтенію русскому и церковно-славянскому, начаткамъ христіанскаго ученія, 1-й части ариѳметики и письму—сначала на пескѣ, а затѣмъ уже на аспидныхъ доскахъ и на бумагѣ, а въ 8-мъ отдѣленіи оканчивали катихизисъ и священную исторію, 1-ю часть ариѳметики и о дробяхъ, всю русскую грамматику, русскую исторію и географію, учили стихи, писали подъ диктовку, занимались разборомъ словъ и предложеній и рисовали цвѣты. Кромѣ того, преподавалось и рукодѣліе, которому обучали А. П. Созоновичъ, воспитанница Муравьева-Апостола и Ан. Н. Балакшина. Въ такомъ видѣ училище существовало до преобразованія его въ училище 2-го разряда. Въ 1853 году протоіерей Знаменскій былъ переведенъ въ городъ Омскъ, гдѣ съ женою коменданта крѣпости А. А. де-Граве открылъ первую въ городѣ женскую школу. Въ 1854 году и Якушкинъ покинулъ Ялуторовскъ, переселившись въ Иркутскъ. На чьемъ попеченіи остались основанныя ими школы, намъ неизвѣстно, но сѣмя, брошенное ими, не заглохло. Якушкинъ, посѣтившій Ялуторовскъ въ 1856 году, нашелъ, что все въ училищахъ идетъ довольно порядочно и считается около 50 учениковъ. „Семенъ Петровичъ (учитель мужской школы) заходилъ ко мнѣ“,—пишетъ Якушкинъ,—„и сказывалъ, что все идетъ попрежнему; онъ, несмотря на свое плохое здоровье, трудится усердно“. 4-го февраля 1858 года оба приходскія училища съ домами и со всѣмъ имуществомъ перешли въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія; около этого же времени въ Москвѣ скончался и ихъ основатель И. Д. Якушкинъ. Вотъ какъ разсказываетъ о его жизни на родинѣ и кончинѣ Н. Д. Фонвизина въ своемъ письмѣ къ протоіерею Знаменскому*). „Онъ скончался очень тихо и долго былъ боленъ, долго страдалъ и тѣломъ, и душею, когда его выслали изъ Московской губерніи и онъ, возвращенный въ семейство свое, принужденъ былъ жить у чужихъ, именно у графа Толстого въ деревнѣ одинъ-одинехонекъ, въ сыромъ болотистомъ мѣстѣ, гдѣ здоровье его окончательно разстроилось. Его тамъ иногда навѣщали знакомые, часто

*) Сибирскій Сборникъ, кн. III, 1886 г. Стр. 105. Ст. Знаменскаго „И. Д. Якушкинъ“.

ѣздили къ нему и сыновья; но этимъ самымъ онъ сильно тревожился, зная, что сыновьямъ при ихъ ограниченныхъ средствахъ частыя еженедѣльныя поѣздки къ нему по желѣзной дорогѣ были убыточны. Онъ желалъ ихъ видѣть и сердился, когда они пріѣзжали къ нему, и особенно, когда что-нибудь привозили ему. Вы знаете, какъ онъ умѣлъ почти во всѣхъ удобствахъ жизни себѣ отказывать. Наконецъ, выхлопотали ему позволеніе жить въ Москвѣ, но привезли его въ ужасномъ состояніи—желудокъ почти уже ничего не переваривалъ. Но душею онъ оживился: бывало, по цѣлымъ днямъ лежитъ въ постели, ничего ни ѣстъ, вдругъ какъ будто пріободрится и куда-нибудь выѣдетъ. Я навѣщала его, лежащаго въ постели, до того ослабѣвшаго, что онъ съ трудомъ подымалъ голову, но видѣла его въ то же время спокойнаго, даже подчасъ веселаго и говорливаго, а въ послѣдній разъ встрѣтила его у Бибиковыхъ за картами. Это былъ послѣдній его выѣздъ. Онъ обѣщалъ посѣтить насъ въ Марьинѣ, но ужъ не вставалъ. Странно, что онъ какъ бы не чувствовалъ своей опасности, сбирался къ намъ въ Покровское и даже въ Орелъ и говорилъ, что поѣздки принесутъ ему пользу. Иногда говорилъ о своей смерти, но какъ о событіи довольно отдаленномъ. Сказалъ однажды, что, когда умретъ, не желаетъ, чтобы ставили на его могилѣ памятникъ, а проситъ посадить на ней два вяза и ясень. Онъ всегда любилъ деревья и любовался красивыми. Нѣсколько дней тому назадъ... я проѣхала на Пятницкое кладбище на могилку Ивана Дмитріевича. Съ грустью помолилась о немъ и поклонилась его праху. Деревца посажены у могилки, но худо принялись...“ Но зато, прибавимъ мы отъ себя, росли и крѣпли другія, высшія деревца, это—дѣтскія души, для которыхъ онъ открылъ свѣтъ и тепло мысли и нравственнаго долга. Эти маленькія существа не забыли своего благодѣтеля: узнавъ о его смерти, они въ зданіи училища молились объ упокоеніи его души.

Но возвратимся къ уѣздному училищу.

Уроки въ училищѣ были утренніе и вечерніе. Утренніе начинались въ 8 часовъ и продолжались до 11, а вечерніе—съ 2 до 5 часовъ. По средамъ и субботамъ не было вечернихъ уроковъ, и учителя занимались съ оканчивающими курсъ нѣмецкимъ и французскимъ языками, чтобы облегчить имъ доступъ въ гимназію. Занятія эти однакожъ не были особенно сложны, научали учениковъ только читать и писать. Розга, несмотря на дозволеніе ея уставомъ 1828 года, въ первый десятокъ лѣтъ послѣ преобразованія училища имѣла мало примѣненія: молодые учителя прибѣгали къ ней въ рѣдкихъ случаяхъ.

Наибольшее число учениковъ было между 1836 и 1842 го-

дами, до основанія Якушкинымъ своей школы, отъ 64 до 69 человѣкъ. Съ этого же времени число учениковъ падаетъ: въ 1843 году было всего 33 ученика, въ 1844 году—29 чел., а въ слѣдующіе за этимъ года до 1857, т. е. до принятія Якушкинскаго училища въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, оно не превышало 50 человѣкъ. Мы видѣли, что программа духовнаго училища была такова, что ученикамъ, прошедшимъ тамъ курсъ, нечего было дѣлать въ уѣздномъ училищѣ не только въ первомъ, но и во второмъ классѣ. Смотрителя, видя, что благодаря этому ихъ училище пустѣетъ, косо смотрѣли на новую школу, но дѣло часто улаживалось дружелюбно. Намекъ на это мы встрѣчаемъ въ письмѣ Якушкина, отъ 8 іюля 1850 г.*): „при переводѣ мальчиковъ въ уѣздное училище, онъ (смотритель Абрамовъ) довольствовался такимъ числомъ, какое мы назначимъ, но просилъ, если можно, переписать ему *для счета* человѣкъ 20, на что я охотно согласился. Часть переведенныхъ учениковъ останется у насъ еще на годъ, и они будутъ только считаться въ уѣздномъ училищѣ, въ томъ числѣ и Балакшинъ, и Загибаловъ, и мой крестникъ". Такимъ образомъ, можно смѣло сказать, что первый классъ между 1842 и 1858 гг. пустовалъ и нѣкоторые ученики лишь считались. Истинное же число учениковъ во всемъ училищѣ никогда не превышало 35—40 чел. Въ 1858 году число учениковъ сразу возросло до 68 человѣкъ, а въ 1863 году снова упало до 38.

Объ успѣшности или неуспѣшности школьнаго дѣла мы можемъ судить лишь по отзывамъ ревизоровъ, такъ какъ другихъ свѣдѣній въ архивѣ нѣтъ. Въ 1837 г. директоръ училищъ Кочуринъ отозвался объ училищѣ „не весьма лестно", во второй же разъ, въ 1840 году, нашелъ успѣхи учениковъ достаточными. Кромѣ директора, посѣщали училище генералъ-губернаторы, губернаторы, какъ попечители училища, архіереи, а также и заѣзжіе высшіе чины, какъ напримѣръ находившійся въ свитѣ ген.-адъют. Анненкова камеръ-юнкеръ, вскорѣ тобольскій губернаторъ, Арцимовичъ. Въ 1841 году губернаторъ Ладыженскій остался училищными порядками доволенъ, обративъ лишь вниманіе на тѣсноту помѣщенія. Въ 1843 году онъ, при своемъ посѣщеніи училища, предоставилъ учителямъ давать въ его присутствіи уроки и остался какъ преподаваніемъ, такъ и понятливостью мальчиковъ, доволенъ, помѣщеніе же училища снова нашелъ тѣснымъ. Въ 1845 и 1849 гг. училище посѣтилъ губернаторъ Энгельке и, осматривая работы по чистописанію, черченію и рисо-

*) Сибир. Сбор. книга III, 1886 г. Стр. 98. Статья М. С. Знаменскаго: „И. Д. Якушкинъ".

ванію и спрашивая учениковъ по предметамъ, остался доволенъ. Архіепископъ Георгій остался въ 1848 году доволенъ познаніями учениковъ въ священной исторіи и катихизисѣ. Его преемникъ, архіепископъ Евлампій, въ 1853 году испытывалъ учениковъ въ Законѣ Божіемъ, разсматривалъ ученическія работы по чистописанію, черченію и рисованію и объявилъ: „у васъ все прекрасно“; въ 1855 году онъ заставилъ учениковъ декламировать стихотворенія и басни, разсматривалъ опыты учениковъ въ чистописаніи и рисованіи и остался доволенъ. Генералъ-губернаторъ Гасфортъ предлагалъ ученикамъ различные вопросы и за отличное рѣшеніе ариѳметической задачи подарилъ ученикамъ 50 копеекъ, а въ 1859 г. онъ посѣтилъ женское училище, осматривалъ рукодѣльныя работы и остался постановкою этого дѣла весьма доволенъ. Въ 1851 году камеръ-юнкеръ Арцимовичъ отозвался объ успѣхахъ учениковъ весьма благосклонно. Нѣсколько разъ посѣщалъ училище и директоръ Чигиринцевъ и также успѣхами учениковъ оставался доволенъ.

Разсматривая эти отзывы ревизоровъ, мы въ правѣ притти къ тому заключенію, что училище достигало довольно порядочныхъ результатовъ. Но можно ли сказать, что дѣло преподаванія и воспитанія стояло на надлежащей почвѣ? Едва ли. Отъ старожиловъ, бывшихъ учениковъ, объ одномъ учителѣ мы слышали, что онъ часто не являлся на уроки, оставляя за себя авдиторовъ, предпочитая училищу рюмочку и часто даже совсѣмъ уѣзжая изъ города въ округъ, гдѣ и проводилъ время въ кутежахъ, игрѣ въ карты и тому подобныхъ удовольствіяхъ. Пріѣзжая съ попоекъ, онъ принимался за учениковъ, придирался, спрашивалъ и авдиторовъ, и бѣда была имъ, особенно послѣднимъ, если въ отвѣтахъ учениковъ замѣчались пробѣлы: розга переходила съ одного на другого. Впрочемъ, на фонѣ школьной жизни встрѣчаются и свѣтлыя личности. Съ особенной любовью вспоминаютъ ученики Карла Карловича Шмита, учителя искусствъ, пріѣхавшаго въ Ялуторовскъ изъ Архангельска и здѣсь умершаго, который выдавался и знаніемъ своего дѣла, и любовью, и теплымъ отношеніемъ къ своимъ питомцамъ, а также смотрителя Н. А. Абрамова (извѣстнаго писателя)*), который пробылъ здѣсь недолго, но также оста-

*) Здѣсь нелишнимъ будетъ упомянуть о литературной дѣятельности Абрамова, этого неутомимаго труженика на поприщѣ изслѣдованія Сибири: исторія церковная и общественная, географія, археологія, этнографія,—все интересовало этого замѣчательнаго человѣка, и онъ, въ продолженіе своей многолѣтней дѣятельности, путешествуя по городамъ и весямъ Сибири—отъ Березова до Семипалатинска—по своимъ служебнымъ дѣламъ, всюдѣ извлекалъ матеріалы для сво-

вилъ по себѣ хорошую память, отчасти—потому, что никогда не прибѣгалъ въ дѣлѣ воспитанія къ насильственнымъ мѣрамъ, отчасти—потому, что сдерживалъ учителей въ ихъ воинственныхъ подвигахъ. Все сказанное выше относится лишь ко второй половинѣ описываемаго періода.

Перейдемъ теперь къ обзору развитія фундаментальной библіотеки. Собственно говоря, болѣе или менѣе прочное основаніе фундаментальной библіотекѣ было положено въ 1832 году, когда съ этою цѣлью стала отпускаться ежегодно особая, хотя и небольшая, сумма. Съ этого времени выписка книгъ стала совершаться ежегодно. Ко дню преобразованія училища книгъ состояло 306 переплетовъ. Выборъ книгъ, какъ мы уже видѣли, отличался случайнымъ характеромъ, и большинство книгъ было пожертвовано. Въ описываемый нами періодъ самая большая сумма употреблена была на выписку книгъ въ 1859 году, а именно 88 руб., самая меньшая—въ 1844 году въ 7 руб. 27 коп., обыкновенно же выписывалось книгъ рублей на 40 слишкомъ. Изъ пожертвованій наиболѣе замѣчательны, сдѣланныя декабристами въ 1859 году на 96 руб. и въ 1861 г. на 120 руб. Къ 1862 г. въ библіотекѣ состояло 470 названій въ 1633 томахъ. Учебныхъ пособій было всего 55 экземпляровъ. Съ 1836 по 1859 годъ на училище отпускалось изъ казны 5400 р. ассигнаціями, въ томъ числѣ на пополненіе библіотеки, награды ученикамъ, содержаніе дома и разъѣзды смотрителю 1400 р. ас. (на серебро 400 руб.), но училище нуждалось въ самомъ необходимомъ, потому что

ихъ работъ, начиная съ провинціальныхъ архивовъ и какой-нибудь покрытой пылью церковной библіотеки и кончая памятникомъ доисторической жизни—курганомъ. Въ Березовѣ онъ пишетъ „Описаніе Березовскаго края“, въ Тюмени, Курганѣ, Ялуторовскѣ, Усть-Каменогорскѣ, Коналѣ, Семипалатинскѣ и Вѣрномъ—описываетъ эти города, а также рѣки: Тоболъ, Чу, Или, Лепсу, Алгузъ, Шилку и Аргунь; наряду съ этимъ описываетъ курганы и городища въ Тюменскомъ, Ялуторовскомъ и Курганскомъ округахъ, намогильные памятники киргизовъ, а также старинные желѣзные и оружейные заводы. Но всего болѣе потрудился Абрамовъ въ области сибирской исторіи, особенно церковной: его біографіи сибирскихъ и тобольскихъ владыкъ, начиная съ перваго сибирскаго архіепископа Кипріана и кончая преосвященнымъ Евлампіемъ, захватившія два слишкомъ вѣка церковно-іерархической исторіи, его „Христіанство въ Сибири до учрежденія тамъ епархіи въ 1621 г.“, „Матеріалы для исторіи христіанскаго просвѣщенія Сибири“, „О введеніи христіанства у березовскихъ остяковъ“, „Проповѣдь евангелія сибирскимъ вогуламъ“, а также историческія описанія монастырей Абалакскаго, Тюменскаго и Кондинскаго и жизнеописанія сибирскихъ святыхъ: Симеона Верхотурскаго, Василія Мангазейскаго и Тихона Турухапскаго—

только часть этихъ денегъ шла на предназначенныя нужды, часть же обращалась въ билеты сохранной казны, лежала неприкосновенной и предназначалась для постройки со временемъ новаго зданія для училища, которое въ 1850 году и было выстроено, но просуществовало недолго: въ 1862 году его уничтожилъ пожаръ вмѣстѣ съ библіотекой, архивомъ и всѣмъ училищнымъ имуществомъ. Отъ библіотеки осталось лишь 17 книгъ, а изъ пособій 19 экземпл. Причиною пожара, по словамъ офиціальнаго сообщенія, была неисправность печей, обыватели же объясняютъ пожаръ неосторожнымъ обращеніемъ съ куреніемъ со стороны сторожа архива, который помѣщался въ подвальномъ этажѣ училища.

Въ одинъ годъ съ пожаромъ училище постигла и другая бѣда. Смотритель училища Голицинскій, не пробывшій въ должности и одного года, растратилъ изъ училищныхъ и безъ того скудныхъ суммъ 614 р., за что и былъ уволенъ отъ должности.

Изъ мѣръ, предпринятыхъ для улучшенія дѣла народнаго образованія, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія. 21 марта 1849 г. сдѣлано распоряженіе о замѣнѣ полутора-часовыхъ уроковъ уроками въ 1¼ часъ. Этотъ порядокъ продолжался до 1866 г., когда установлены часовые уроки, четверть же часа употреблялась на перемѣну. Въ 1855 году предписано считать днями свободными отъ занятій: 9-е мая, 29-е іюня, 29-е августа, 14 и 26-е сентября, 1 и 22-е октября, 21-е ноября. 21-го декабря 1861 г. Высочайше повелѣно учредить въ Сибири, за неимѣніемъ дворянства, должности почетныхъ блюстителей вмѣсто почетныхъ смотрителей. Въ 1857 году рекомендуется взимать, гдѣ то най-

---

составляютъ богатый историческій матеріалъ. По исторіи строительства Сибири и общественной имъ написаны статьи объ Ермакѣ, кн. Гагаринѣ, Чичеринѣ, Соймоновѣ, ген. Кутькинѣ, Словцовѣ и знаменитыхъ сибирскихъ ссыльныхъ: Меншиковѣ, Долгорукихъ и Остерманѣ, изслѣдованія о пожарахъ тобольскихъ и о сибирскихъ боярскихъ дѣтяхъ и дворянахъ. Нельзя не пожалѣть, что всѣ эти труды, разбросанные по разнымъ журналамъ, теперь уже мало доступнымъ, теряются для интересующагося исторіей родины сибиряка, также впрочемъ какъ и труды другихъ сибиряковъ: прот. Сулоцкаго, Гр. Варлакова, В. Гурьева и другихъ, современному поколѣнію почти неизвѣстныхъ, но весьма почтенныхъ вкладчиковъ въ историческую литературу Сибири.

Кромѣ того, Абрамовъ велъ метеорологическія (и барометрическія) наблюденія. Ученыя экспедиціи въ Сибирь всегда пользовались услугами Абрамова: такъ онъ помогалъ Гофману, Кастрену и Кавальскому.—Интересующіеся біографіей Абрамова могутъ найти ее въ №№ 39—45 и 50 „Тоб. Губ. Вѣд.“ 70 г., въ №№ 8—20 „Ирк. Еп. Вѣд.“ 1874 г., въ „Странникѣ“ 1870 г. за августъ и „Народной школѣ“ 1870 г. за декабрь. Авт.

дутъ возможнымъ, за ученіе небольшую плату. Въ 1841 году предписано приглашать на экзаменъ Закона Божія депутата отъ духовенства, а 16-го іюня того же года училищное начальство обязывалось доносить епархіальному о пропускахъ законоучителями уроковъ.

Касательно преподаванія также были сдѣланы нѣкоторыя распоряженія.

Въ 1857 году предписано сообщать ученикамъ 1-го класса кромѣ священной исторіи ветхаго завѣта и свѣдѣнія о новозавѣтныхъ праздникахъ. Въ 1861 году учителямъ русскаго языка предписано, чтобы они въ 1-мъ классѣ занимались объяснительнымъ чтеніемъ статей, доступныхъ дѣтскому пониманію, разъясняя содержаніе, малопонятныя слова и ихъ производство, знакомя съ грамматическими формами, а также занимались бы письмомъ подъ диктовку. Въ 3-мъ классѣ предписано заниматься чтеніемъ образцовыхъ писателей (въ отрывкахъ) съ объясненіемъ синтаксическихъ правилъ и упражнять дѣтей въ собственныхъ сочиненіяхъ, которыя должны быть выправляемы учителемъ. Въ 1854 году преподаваніе рисованія признано безполезнымъ и исключено изъ программы; преподаваніе чистописанія поручено учителю русскаго языка, а черченіе—учителю математики.

Въ это же время совершились двѣ важныя реформы: введена была новая должность главнаго инспектора училищъ Западной Сибири и утверждены новые штаты (въ 1859 г.), по которымъ смотрителю училищъ положено было 450 р. жалованья и 60 руб. разъѣздныхъ, учителямъ наукъ по 350 р. жалованья, а законоучителю и учителю искусствъ по 200 р., на награды учениковъ 15 р., на содержаніе библіотеки 80 руб. и на содержаніе дома и канцеляріи 400 руб.

Къ описываемому періоду относится возникновеніе школъ и въ селахъ Ялуторовскаго округа. Еще въ 1832 году состоялось распоряженіе объ открытіи церковно-приходскихъ школъ, но духовенство ялуторовскаго округа отнеслось къ этому дѣлу совершенно безучастно, и первая школа открылась лишь въ 1855 г. въ селѣ Терсюкскомъ, до 1857 года была единственной школой во всемъ округѣ и находилась притомъ въ самомъ плачевномъ положеніи. Съ 1857 года мало-по-малу и въ другихъ селахъ начали появляться школы, и къ концу описываемаго періода, къ 1862 году, ихъ прибавилось три: Суерская (1857 г.), Новоуковская (1858 г.) и Мокроусовская (1859 г.). Но что это были за школы? Всѣ онѣ помѣщались или въ квартирахъ священниковъ, или въ церковныхъ сторожкахъ. или въ частныхъ квартирахъ, очень мало удобныхъ. Преподаваніемъ занимался или безграмот-

ный дьячекъ, или выгнанный со службы, спившійся съ круга чиновникъ, или еще хуже—поселенецъ, хотя официально учителями и числились священники. Преподаваніе велось самыми рутинными пріемами: такъ читать учили посредствомъ буки-азъ—ба, вѣди-азъ—ва и т. д., преподаваніе ариѳметики заключалось въ механическомъ переписываніи съ доски задачъ, дѣлаемыхъ самимъ учителемъ. Письму учились черезъ переписываніе прописей, написанныхъ учителемъ. Молитвы заучивались въ долбежку безъ всякаго разъясненія не только внутренняго смысла молитвы, но даже безъ объясенія непонятныхъ словъ и выраженій. Псалтирь и часословъ были почти единственными пособіями этихъ училищъ. Понятно, какихъ результатовъ достигала такая школа. Читали ученики чуть не по складамъ, не понимая прочитаннаго, ариѳметическія познанія были равны нулю: ученики часто не въ состояніи были произнесть трехзначное число; что же касается правописанія, то о немъ не было и рѣчи, потому что сами учителя не отличались грамотностью. Умственнаго развитія школа совсѣмъ не давала. Въ 1862 году число этихъ школъ сразу возросло до 19, но большинство ихъ было такъ малолюдно, что едва ли правильно называть ихъ школами. Вотъ, напримѣръ, таблица школъ, существовавшихъ въ 1862 году.

НАЗВАНІЯ ШКОЛЪ.		Число учащихъ.	Число учащихся.		
			Всего.	Мальч.	Дѣвоч.
Духовныя:	Зимовье-Вагайская . . .	1	1	—	1
	Архангельская	3	3	3	—
	Мостовская	1	3	3	—
	Новоуковская (или Новозаимская)	2	3	2	1
	Боровинская	1	3	3	—
	Шороховская	1	3	3	—
	Заводоуковская	2	4	3	1
	Рафаиловская	2	4	4	—
	Ингалинская	1	5	5	—
	Терсюкская	1	7	6	1
	Юргинская	1	7	7	—
	Красногорская	1	8	8	—
	Кизакская	1	9	9	—
	Камышевская	4	10	10	—
	Кодская	3	13	13	—
	Мокроусовская	1	14	12	2
	Исетская	1	15	15	—
	Омутинская	2	18	11	7
М. Г. И.:	Суерская	1	30	30	—
		30	160	147	13

Всѣ эти школы существовали не долго: черезъ годъ, по отчету смотрителя, ихъ было уже всего 11 съ 116 учащимися. Въ 1864 году духовныхъ школъ въ смотрительскомъ отчетѣ отмѣчено уже всего 3. Причиною столь быстраго паденія этихъ школъ, намъ кажется, является отчасти педагогическая неподготовленность сельскаго духовенства, сложность священническихъ обязанностей, а также недостатокъ средствъ на содержаніе школъ. Какъ бы то ни было въ 1868 году была закрыта послѣдняя духовная школа, и на развалинахъ этой неосуществившейся попытки возникало уже новое сельское учрежденіе—сельская свѣтская школа.

Глава У. Положеніе народнаго образованія въ шестидесятыхъ годахъ.

О шестидесятыхъ годахъ было писано много, и они оцѣнены по достоинству. Всеобщій подъемъ общественнаго духа, призваніе общества къ рѣшенію коренныхъ государственныхъ вопросовъ, послѣдовавшія затѣмъ реформы: крестьянская, земская, судебная; всеобщее увлеченіе, рядъ умственныхъ запросовъ,—все это, безъ сомнѣнія, не могло не отразиться на столь важной сторонѣ народной жизни, какъ образованіе; духъ времени отразился и на постановкѣ низшихъ учебныхъ заведеній.

Мы уже видѣли, что наканунѣ шестидесятыхъ годовъ въ уѣздныхъ училищахъ введены были новые штаты. Во истину безотрадна была до этого времени доля уѣзднаго учителя. Получая 214 руб. въ годъ, а учитель искусствъ 71 руб., они обречены были бороться почти съ нищетой. А что ожидалось впереди? Смотрительство съ 280 рублями годоваго жалованья, которымъ и заканчивалось обыкновенно ихъ „тяжелое учебное поприще“. Такъ обрисовалъ положеніе учителя тогдашній министръ народнаго просвѣщенія. А умственныя занятія, необходимость слѣдить за педагогической литературой, требующія и книгъ (а слѣдовательно и денегъ) и времени? Справедливо находилъ министръ, что, при такой матеріальной обстановкѣ учителя, въ учебныхъ заведеніяхъ невозможны ни учебныя, ни нравственныя улучшенія. Новые штаты дѣйствительно улучшили положеніе учителя, но далеко не подняли его до той желательной степени благосостоянія, когда свободный умственный трудъ становится возможнымъ и легкимъ и, слѣдовательно, наиболѣе плодотворнымъ. Несмотря на то, что во всѣхъ вѣдомствахъ идетъ увеличеніе жалованья, учитель уѣзднаго училища до сихъ поръ остается въ этомъ отношеніи отверженцемъ, поэтому нѣтъ ничего страннаго

въ томъ печальномъ явленіи, что лучшіе учителя, несмотря на свою привязанность къ дѣлу, бросаютъ учебное поприще и ищутъ мѣстъ въ другихъ вѣдомствахъ.

Другой въ высшей степени важною мѣрою было учрежденіе новой должности главнаго инспектора училищъ Западной Сибири. Съ 1828 года главнымъ начальникомъ сибирскихъ учебныхъ заведеній былъ генералъ-губернаторъ, а за нимъ мѣстный губернаторъ. Въ рукахъ генералъ-губернатора и губернаторовъ находилась весьма сложная судебная и административная машина, которая и поглощала у этихъ начальниковъ все время и всѣ труды; начальникъ же края, кромѣ этого, былъ еще и командующимъ войсками округа. Слѣдить за ходомъ учебнаго дѣла имъ было некогда, да и дѣло это требовало спеціальныхъ познаній и подготовки и сопряжено съ необходимостью слѣдить за ходомъ педагогической литературы. Единственнымъ лицомъ, спеціально посвященнымъ этому дѣлу, являлся директоръ училищъ, который въ то же время былъ и директоромъ гимназіи и потому не могъ всецѣло предаться надзору за низшими учебными заведеніями губерніи и, главное, не имѣлъ возможности обозрѣвать училища въ самое интересное время—во время экзаменовъ, когда результаты преподавательскихъ трудовъ выступаютъ съ наибольшей рельефностью. Къ этому нужно прибавить, что директорами училищъ не всегда назначались лица, прошедшія учительскую службу; я говорю здѣсь не о тѣхъ отддаленныхъ временахъ начала учебнаго дѣла въ Россіи, когда директорами назначались лица, постороннія школьному дѣлу, занимающія должности гражданской службы, а уже о позднѣйшихъ, наканунѣ введенія новой должности главнаго инспектора училищъ. Вотъ, напримѣръ, какую карьеру прошелъ П. М. Чигиринцевъ, служившій директоромъ училищъ тобольской губерніи съ 1849 по 1856 годъ. По окончаніи въ 1829 году университетскаго курса, онъ въ 1833 году поступилъ въ Екатеринославскую контору иностранныхъ поселенцевъ, затѣмъ было протоколистомъ въ Екатеринославскомъ депутатскомъ собраніи, затѣмъ тутъ же столоначальникомъ и членомъ комиссіи о раздробительной продажѣ горячихъ напитковъ, послѣ—письмоводителемъ канцеляріи Екатеринославскаго губернскаго предводителя дворянства и неоднократно исполнялъ „съ самою удовлетворительною отчетливостью“ должность секретаря депутатскаго собранія; съ 1846 года служилъ въ Сибири сначала совѣтникомъ пограничнаго управленія сибирскими киргизами, а съ 1849 года директоромъ тобольской гимназіи и училищъ. Итакъ, въ теченіе 20 лѣтъ иностранные поселенцы, киргизы, горячіе напитки, столоначальничество, письмо-

водительство, писаніе протоколовъ, а затѣмъ руководительство учебнымъ дѣломъ одной изъ громаднѣйшихъ губерній Россіи, наиболѣе нуждающейся въ свѣтѣ истиннаго образованія! При полномъ отсутствіи спеціальной инспекціи, при слабомъ надзорѣ ближайшихъ и невозможности надзора со стороны высшихъ начальниковъ, мѣстныя училища были предоставлены сами себѣ. Уѣздная жизнь съ ея грубымъ, неразвитымъ обществомъ и грубыми удовольствіями сразу налагала свою тяжелую руку на педагоговъ, еще неоперившихся обыкновенно юнцевъ, только что сошедшихъ съ гимназической скамьи, безпощадно стирая лоскъ образованія и увлекая въ омутъ уѣздныхъ дрязгъ, пьянства и сплетенъ. Учебное дѣло не было уже для нихъ благородной задачею жизни и назойливо становилось чѣмъ-то побочнымъ, дающимъ лишь скудныя средства къ незатѣйливому существованію. При такомъ положеніи дѣла учрежденіе должности главнаго инспектора было истиннымъ благодѣяніемъ для сибирскихъ училищъ.

Насколько духъ новаго времени отразился на ялуторовскихъ педагогахъ, мы скажемъ впереди, теперь же не можемъ не отмѣтить одного замѣчательнаго факта, характернаго для того времени,—это обращенія министра народнаго просвѣщенія ко всѣмъ педагогамъ страны—начиная съ приходскаго учителя съ грошевымъ жалованьемъ и образованіемъ не выше уѣзднаго училища и кончая многоученымъ профессоромъ—съ просьбою высказать свое мнѣніе по поводу новаго положенія объ училищахъ Имперіи, „о системѣ образованія, о степени пользы, какую могутъ принести высшія училища, и если система, выработанная проэктомъ, не удовлетворяетъ *обсужденнымъ* потребностямъ, то изъяснить, какая лучшая система могла бы быть введена вмѣсто нея, ... можно ли ожидать благотворныхъ результатовъ отъ дополнительныхъ курсовъ и публичныхъ лекцій, какіе именно курсы и гдѣ полезно бы учредить“ и пр. „Разборъ проекта“,—говорится въ этомъ приглашеніи,—„долженъ происходить совершенно свободно, безъ всякаго стѣсненія съ чьей бы то ни было стороны и касаться не однѣхъ только частностей, но и цѣлой системы народнаго образованія, изложенной въ проэктѣ, съ принятіемъ при этомъ въ соображеніе и мнѣній, высказанныхъ въ печати... Отъ благонамѣреннаго и просвѣщеннаго ихъ содѣйствія (учителей) зависитъ успѣхъ всякаго дѣла общественнаго образованія въ Россіи и трудъ ихъ будетъ принятъ съ особеннымъ вниманіемъ и благодарностью“. Это былъ, конечно, самый свѣтлый день въ жизни начальнаго учителя, когда высшій руководитель отечественнаго образованія протянулъ руку ему, забитому нуждой и борьбой за каждый жизненный свой шагъ, и сказалъ: „помоги мнѣ, товарищъ, устроить

наше общее дѣло". Въ этотъ день, можетъ быть, въ первый и единственный разъ въ своей жизни бѣднякъ-учитель гордо поднялъ голову и сказалъ: „да, бѣденъ я, но полезенъ". Къ сожалѣнію, мы не нашли въ архивѣ училища, что сказали ялуторовскіе учителя по этому важному запросу.

Шестидесятые годы, кромѣ главнаго инспектора училищъ, дали тобольской губерніи новаго директора въ лицѣ Ф. В. Рудакова, съ замѣчательной горячностью относившагося къ порученному ему дѣлу*).

Хотя столичные административные органы и принимали рядъ мѣръ къ упорядоченію дѣла народнаго образованія, мѣстные дѣятели въ провинціи, непосредственные люди дѣла, оставались тѣ же, а съ ними оставались и старые порядки. Мы уже видѣли, что начало шестидесятыхъ годовъ ознаменовалось пожаромъ и растратой училищной суммы и потерей такихъ дѣятелей, какъ протоіерей Знаменскій и Якушкинъ, съ отъѣздомъ которыхъ основанныя ими школы потеряли, если можно такъ выразиться, свою душу. Преподаваніе шло по прежнему: ученики поступали въ изрядномъ количествѣ, учителя аккуратно ходили на уроки, но уже не было того духа, который воодушевлялъ ихъ. Уѣздному училищу съ потерей дома, библіотеки, пособій, классныхъ принадлежностей, предстояло много заботъ, и первою ихъ нихъ, конечно, была забота о пріобрѣтеніи мебели, пособій, затѣмъ объ устройствѣ библіотеки и, наконецъ, о заведеніи новаго зданія, такъ какъ домъ, выстроенный Быковымъ, теперь уже не удовлетворялъ школьно-гигіеническимъ требованіямъ. Потеря училищныхъ суммъ значительно отдаляла выполненіе этихъ задачъ, особенно послѣдней.

Внутренняя жизнь училища за это время не отличалась особенной порядочностью. Многіе учителя того времени, къ сожалѣнію, вели себя, крайне плохо: дѣлали долги, которые приходилось взыскивать съ нихъ не иначе, какъ посредствомъ вычетовъ, зачастую отказывались отъ нихъ, подрывая къ себѣ всякое довѣріе; пьянствовали такъ, что превосходили въ этомъ отношеніи даже мѣстныхъ обывателей. Пьянство это выражалось иногда въ столь непривлекательныхъ формахъ, что нарушало даже общественное спокойствіе. Учитель приходскаго училища Л—новъ

*) Мы не приводимъ здѣсь біографическихъ свѣдѣній объ этомъ замѣчательномъ дѣятелѣ, потому что онѣ уже отчасти появились въ Исторической запискѣ Тобольской гимназіи, составленной гг. Замахаевымъ и Цвѣтаевымъ (стр. 215—219) и, кромѣ того, появилась отдѣльная біографія его, сост. г. Гашинскимъ. Авторъ.

въ пьяномъ видѣ такъ истязалъ свою жену, что бѣдная женщина голосила на весь городъ и убѣжала, наконецъ, къ своей подругѣ, надѣясь найти здѣсь защиту, но герой не унывалъ: онъ прибѣжалъ и сюда и бушевалъ не меньше, чѣмъ дома, пока прибывшій сюда городничій К—евъ не засадилъ его въ кутузку. Той же участи подвергался и учитель русскаго языка А—мовъ. Подобные личности среди ялуторовскаго учительскаго персонала появлялись и позднѣе: въ 1876 году, напримѣръ, учитель Ч—говъ былъ уволенъ отъ должности за пьянство и нанесеніе побоевъ своему сослуживцу, но въ шестидесятыхъ годахъ такое поведеніе педагоговъ представляло мало исключеній. Само собой, что все это отражалось и на учебно-воспитательномъ дѣлѣ. Тѣлесныя наказанія хотя и были отмѣнены, но на практикѣ существовали, правда, не въ формѣ узаконенныхъ розогъ, но въ едва ли не худшей формѣ оплеухъ, зуботычинъ и волосянокъ. Стояніе на колѣни, иногда и на горохъ, пользовалось полнымъ правомъ гражданства. Бывали даже случаи серьезнаго членовредительства, и ученики въ такихъ случаяхъ лежали сутокъ по трое въ постели, какъ напр. Гельманъ, Устиновъ.

Ф. В. Рудаковъ, посѣтившій въ 1866 году училище, нашелъ, что „состояніе училища *во многихъ частяхъ* не можетъ быть признано удовлетворительнымъ, и требуется усиленная работа со стороны г. смотрителя и преподавателей для поднятія (училища) *въ общественномъ мнѣніи и вообще*“. Это было 20 марта, а 10, 11 и 12 сентября того же года директоръ вновь пріѣзжаетъ на ревизію, вѣроятно, удостовѣриться, сдѣлано ли что-нибудь для улучшенія дѣла, или, можетъ быть, вызвали его новые безпорядки. Главный инспекторъ училищъ Западной Сибири на первыхъ порахъ своей службы такъ изобразилъ состояніе учебнаго дѣла въ краѣ: „вообще педагогическая часть въ учебныхъ заведеніяхъ Западной Сибири находится въ очень неудовлетворительномъ состояніи: вездѣ придерживаются старой рутины преподаванія, всюду господствуетъ одна мертвая буква и почти нигдѣ не слышится живого слова, понятнаго учащимся“. Главный инспекторъ видитъ въ этомъ „слѣдствіе устарѣлости ихъ (учителей) взглядовъ на педагогическія требованія“. Это было высказано въ 1860 г. Въ 1861 году главный инспекторъ обращаетъ вниманіе на плохую постановку преподаванія русскаго языка и предлагаетъ рядъ мѣръ (о нихъ мы говорили въ предыдущей главѣ) къ улучшенію преподаванія. Причина плохого состоянія преподаванія русскаго языка заключалась отчасти въ самой трудности преподаванія этого предмета и неопредѣленности программы уѣзднаго училища, отчасти же въ частой смѣнѣ учителей этого предмета:

въ теченіе семи лѣтъ (1863—1870) перемѣнилось 4 учителя, т. е. каждый среднимъ числомъ служилъ $1^3/_4$ года. Архіепископъ сибирскій и тобольскій Варлаамъ въ 1871 году объявляетъ законоучителю, что „хотя онъ и рекомендуется по жизни, но жаль, что въ образованіи недалекъ, хотя и перворазрядный“ и внушаетъ ему, „яко законоучителю, преспѣяніе и немалое“. Въ томъ же году академія художествъ пригласила училище принять участіе въ конкурсѣ ученическихъ рисовальныхъ работъ, учителя же—изложить методъ преподаванія, и училище не нашло ни одной работы, достойной представленія въ академію, учитель описанія своего метода тоже не представилъ. Тѣмъ же училище отвѣтило и обществу естествознанія, антропологіи и этнографіи, приглашавшему училище участвовать въ московской политехнической выставкѣ. Въ 1872 г. главный инспекторъ замѣтилъ, что ученики пишутъ кудреватымъ почеркомъ, по чертенію же рекомендовалъ обратить большее вниманіе на изученіе перспективы и давать на весь классъ одинъ чертежъ, предварительно вычерченный на доскѣ самимъ преподавателемъ,—вообще вести урокъ въ бесѣдахъ и разъясненіяхъ, а *не въ простомъ механическомъ счерчиваніи съ доски*. Въ томъ же году главный инспекторъ училищъ рекомендуетъ осторожнѣе относиться къ освобожденію учениковъ отъ платы за право ученія: онъ предписываетъ освобождать только исправныхъ учениковъ, имѣющихъ по всѣмъ предметамъ не менѣе 3, при этомъ констатируетъ фактъ, что училища, освобождающія наибольшее число учениковъ, отличаются наименьшею успѣшностью: въ одномъ изъ такихъ училищъ въ 1-мъ классѣ ученики съ трудомъ умѣли читать. Какое мѣсто занимало ялуторовское училище во мнѣніи руководителя учебнаго дѣла въ Западной Сибири, неизвѣстно, только изъ числа 67 учениковъ освобожденныхъ въ немъ было болѣе половины, а именно 37. „Слѣдуетъ заботиться“, продолжаетъ онъ: „не о числѣ учениковъ, а о достоинствѣ училища: такое училище, которое ведетъ своихъ воспитанниковъ и выпускаетъ ихъ съ дѣйствительными знаніями, всегда заслужитъ свою репутацію и всегда будетъ имѣть учениковъ. Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать о большей части нашихъ уѣздныхъ училищъ“. Случайность выбора книгъ въ училищныя фундаментальныя библіотеки также обратила на себя вниманіе главнаго инспектора, и онъ въ 1870 году, вмѣсто газетъ и журналовъ, имѣющихъ лишь временный интересъ, рекомендуетъ выписывать книги научнаго содержанія, а изъ журналовъ лишь педагогическіе. Въ томъ же году смотритель училищъ П. П. Фоняковъ проситъ преподавателей аккуратнѣе относиться къ своимъ дежурствамъ: слѣдить за поведеніемъ учениковъ во время

перемѣнъ и заниматься съ оставшимися за малоуспѣшность. Изъ этого ряда распоряженій ясно видно, въ какомъ положеніи находилось учебное дѣло вообще въ уѣздныхъ училищахъ и въ ялуторовскомъ въ частности. Но вотъ еще фактъ, характеризующій отношеніе учителей къ вопросамъ науки и къ дѣлу изученія своей родины: когда въ Омскѣ открылось въ 1870 году общество изслѣдователей Сибири и пригласило участвовать въ своихъ трудахъ учителей, то желающихъ вступить въ число членовъ этого общества изъ ялуторовскихъ педагоговъ не нашлось.

На сѣренькомъ фонѣ училищной жизни прорывались однакожъ иногда и свѣтлыя явленія. Къ такимъ отраднымъ фактамъ принадлежатъ нѣкоторыя распоряженія педагогическаго совѣта. 17-го ноября 1865 года училищный врачъ Надежинскій открылъ при училищѣ курсъ гигіены: въ своихъ лекціяхъ онъ объяснялъ ученикамъ пользу прививанія оспы, причины заразныхъ болѣзней, значеніе жилищъ, одежды и воздуха и необходимость ихъ чистоты для здоровья человѣка. Въ 1865 году было прочтено двѣ лекціи: 17-го ноября и 8-го декабря. Ф. В. Рудаковъ, посѣтившій эти лекціи, нашелъ ихъ очень полезными. Въ ноябрѣ 1867 года учителя уѣзднаго училища ввели по средамъ и субботамъ преподаваніе французскаго, нѣмецкаго и латинскаго языковъ и естественной исторіи, раздѣливъ этотъ трудъ между собою. Преподаваніе это продолжалось до 1870 года. Но самыя существенныя услуги, которыя оказали учителя уѣзднаго училища, заключаются въ устройствѣ при училищѣ публичной библіотеки и въ помощи, которую они принесли женскому образованію въ Ялуторовскѣ.

Вопросъ объ устройствѣ библіотеки былъ возбужденъ директоромъ еще въ 1860 г., и проэктъ устава библіотеки былъ составленъ тогда же, но, путешествуя по разнымъ инстанціямъ (онъ доходилъ до генералъ-губернатора), онъ возвратился уже послѣ училищнаго пожара, когда отъ училищной библіотеки имѣлись лишь жалкіе остатки; вѣроятно, это-то обстоятельство и затормозило дѣло, и открытіе библіотеки послѣдовало лишь 1-го іюля 1864 года. Для мѣстнаго общества, однако же, книга, какъ видно, не составляла тогда потребности, ибо подписчиковъ набралось всего 8 чел., отъ которыхъ (да еще отъ одного жертвователя) въ пользу библіотеки и поступило 50 р.; изъ этихъ денегъ 35 р. употреблено было на выписку журналовъ. Въ слѣдующемъ году подписчиковъ прибыло 12 чел., и они внесли на выписку книгъ 35 р. Въ этомъ же году въ пользу библіотеки данъ былъ „благородный“ спектакль, который и далъ 42 р. Въ 1866 году подписчиковъ увеличилось еще на 4 чел., и собранные съ

нихъ 44 р. также пошли на выписку журналовъ. Въ 1867 году подписчиковъ сразу уменьшилось вдвое, вдвое же уменьшился и доходъ, а книгъ въ этотъ годъ было выписано лишь на 6 руб. 5 коп.! Въ 1868 году библіотечныя пріобрѣтенія равнялись 39 руб.,—слѣдовательно подписчиковъ было человѣкъ 15. 16-го августа 1868 года это дѣтище шестидесятыхъ годовъ было закрыто, не оставивши ни малѣйшихъ слѣдовъ своего существованія. Въ чемъ заключалась причина неуспѣха этого благороднаго предпріятія, при всемъ сочувствіи къ нему начальства? Въ грубости ли тогдашняго общества и отсутствіи въ немъ умственныхъ запросовъ? Въ неаккуратномъ ли отношеніи къ этому дѣлу библіотечныхъ управителей? Въ неумѣлости ли выбора книгъ?*) Какъ бы то ни было, книжное дѣло на ялуторовской почвѣ не привилось и заглохло до 1885 года, когда, благодаря иниціативѣ исправника В. Ѳ. Филимонова (а ранѣе того благодаря любви къ этому дѣлу молодого учителя П., устроившаго въ 1885 году спектакль съ этою цѣлію), было положено основаніе библіотекѣ при собраніи, имѣвшей съ самаго начала своего существованія значительный успѣхъ.

Самымъ важнымъ явленіемъ въ области народнаго образованія, имѣвшимъ безспорно сильное вліяніе на улучшеніе дѣла, былъ съѣздъ учителей въ Тобольскѣ и при немъ педагогическая выставка, устроенные благодаря стараніямъ Ф. В. Рудакова.

Съ переходомъ въ 1858 г. училищъ, основанныхъ Якушкинымъ и протоіереемъ Знаменскимъ, въ вѣдѣніе министерства они значительно измѣнили свою программу: латинскій и греческій языки, 2-я часть ариѳметики, грамматика и географія, а также и катихизисъ, были исключены, и училища приблизились къ типу нынѣ существующихъ приходскихъ училищъ. Въ 1860 году женское училище должно было преобразоваться въ женское училище 2-го разряда, но преобразованіе это совершилось лишь въ ноябрѣ 1861 года. Вновь избранный попечительный совѣтъ, вслѣдствіе личной непріязни смотрителя къ бывшимъ надзирательницамъ Ярцевой и Балакшиной, замѣнилъ ихъ вдовой учителя Breховой. Это было очень тяжело для не оцѣненныхъ труженицъ, и Ярцева много лѣтъ добивалась удовлетворенія; губернаторъ обратилъ вниманіе на ея жалобы, но отмѣнить постановленія совѣта не могъ. При сдачѣ училища оказалось 131 р. 75 к. наличной рукодѣльной и пожертвованной суммы, нѣсколько начатыхъ работъ, матерія, нитки, бумага и др. рукодѣльныя при-

*) Въ 1868 году выписывались Всемірный Трудъ, Русскій Вѣстникъ, Собраніе иностранныхъ романовъ, Воскресный Досугъ и Развлеченіе. Авт.

надлежности, 37 платьевъ, 42 фартука и 41 пелеринка. (Не указываетъ ли это на то, что дѣвочекъ одѣвало само училище?) Книжныя богатства заключались въ 36 книгахъ журналовъ: Ласточка, Звѣздочка и Лучъ. Подъ сдаточной вѣдомостью объ руководительницы въ Ялуторовскѣ женскаго образованія приложили свои руки*): „посей ведомости принела начальница училище Л. Брехова", „посей Вѣдомости сдала Алекса Ярцева". Новооткрытое училище, какъ болѣе обширное по своимъ задачамъ, требовало и больше средствъ, но мы уже видѣли, сколько ихъ было. Вотъ какъ описываетъ матеріальное положеніе новаго училища смотритель училищъ. „Матеріальное обезпеченіе училища",—пишетъ онъ,—„находится въ настоящее время въ довольно плохомъ состояніи, такъ что дальнѣйшее его существованіе становится почти невозможнымъ, непремѣнные же члены совѣта, хотя и обязаны изыскивать средства къ улучшенію училища, но ихъ служебныя обязанности не позволяютъ имъ имѣть исключительнаго и постояннаго занятія въ этомъ дѣлѣ, но какъ училище почти исключительно содержится пожертвованіями, для пріобрѣтенія которыхъ, по малочисленности и бѣдности здѣшняго общества, необходимы постоянныя и даже усиленныя занятія, которыя для нихъ затруднительны". Здѣсь есть доля неправды. Дѣло пріобрѣтенія пожертвованій не требуетъ ни постоянныхъ, ни усиленныхъ занятій, и служебное положеніе членовъ совѣта не только не могло служить препятствіемъ, но скорѣе способствовало пріобрѣтенію пожертвованій. Корень зла заключался въ дурномъ началѣ: общество раздвоилось, и часть его, можетъ быть, большая, несочувственно отнеслась къ столь безцеремонному попранію трудовъ прежнихъ дѣятелей. Этотъ расколъ общества въ зародышѣ уничтожилъ бы училище, если бы на выручку не явились учителя уѣзднаго училища, изъявивъ желаніе заниматься въ училищѣ безплатно, благодаря чему открытъ былъ 1-й классъ. Это большая заслуга тогдашнихъ педагоговъ: смѣло можно сказать, что безъ нихъ дѣло женскаго образованія въ Ялуторовскѣ захирѣло бы, если бы совсѣмъ не заглохло. Первое время они, насколько позволяли ихъ прямыя обязанности, относились къ дѣлу народнаго образованія вполнѣ добросовѣстно, даже съ нѣкоторымъ рвеніемъ, но вскорѣ охладѣли. Причинъ этому было много: высокомѣрное отношеніе членовъ совѣта, которые считали себя начальниками заведенія, неумѣстное и неделикатное вмѣшательство ихъ въ педагогическое дѣло и, наконецъ, бѣдность, почти полное отсутствіе пособій—были главнѣйшими изъ нихъ.

*) Подписи приводятся съ соблюденіемъ орѳографіи авторовъ. Авт

„Преподаваніе въ здѣшней школѣ“,—пишетъ откровенно учитель Лукіановъ въ 1866 году,—„едва ли можетъ итти сколько-нибудь успѣшнѣе, несмотря на все усердіе и стараніе со стороны учителя, во-первыхъ, потому, что школа не имѣетъ не только историческихъ и географическихъ картъ, но даже и глобуса, и во-вторыхъ, потому, что, занимаясь съ начала основанія школы, преподаватели не были удостоены со стороны совѣта никакого поощренія, что имѣетъ, конечно, не малое вліяніе на усиленіе дѣятельности“. Въ заключеніе онъ проситъ выписать къ началу года глобусъ, 10 или 15 экз. „Уроковъ географіи“ Семенова и 5 экз. „Исторіи Россіи“ Иловайскаго. Вознагражденіе учителямъ стали давать лишь съ 1868 года: учителямъ наукъ по 50 к. за урокъ (за день)*), а учителямъ искусствъ по 35 к.

Здѣсь кстати привести расписаніе доходовъ и расходовъ школы на 1869 годъ.

Приходъ.

1)	Изъ доходовъ городового хозяйственнаго управленія	100 р.
2)	Пожертвованія купцовъ и торгующихъ при пріобрѣтеніи свидѣтельствъ	102 р.
3)	Пожертвованія разныхъ лицъ	533 р.
4)	Сборъ со спектакля	42 р.
5)	%% съ 3-хъ пятипроцентныхъ билетовъ	15 р.
6)	%% съ 4-хъ пятипроцентныхъ билетовъ	20 р.
	Итого . .	812 р.

Расходъ.

1)	Жалованье учительницѣ приготовительнаго класса	150 р.
2)	Жалованье надзирательницѣ	120 р.
3)	„ „ 4-мъ учителямъ	150 р.
4)	„ „ служителю	48 р.
5)	„ „ учителю пѣнія	20 р.
6)	„ „ учит. башмачнаго ремесла	20 р.
7)	Хозяйственные расходы и покупка билетовъ . .	355 р.
8)	Ремонтъ, отопленіе, освѣщеніе зданія и др. расходы	272 р.
	Итого . .	1035 р.

Постоянными источниками содержанія училища, какъ мы

*) При разсмотрѣніи дѣлъ я убѣдился, что выраженіе „за урокъ“ равносильно было выраженію „за день“. Авт.

видимъ, были пособіе изъ городского хозяйственнаго управленія, пожертвованія со стороны торгующихъ, такъ какъ, при взятіи ими свидѣтельствъ на право торговли, съ нихъ обязательно взыскивалась извѣстная сумма, и, наконецъ, %% съ билетовъ. Случайными источниками были пожертвованія частныхъ лицъ, сборы со спектаклей и, кромѣ того, лотерейные розыгрыши вещей, сдѣланныхъ дѣвочками и пожертвованныхъ частными лицами, которые приносили иногда далеко за 100 р. Матеріальное положеніе училища къ концу шестидесятыхъ годовъ значительно, какъ мы видимъ, улучшилось; къ сожалѣнію, этого сказать нельзя по отношенію къ нравственной и учебной сторонѣ дѣла. Раздоры членовъ совѣта между собою и по отношенію къ учительскому персоналу разъѣдали все дѣло. Въ 1865 году послѣ спектакля, бывшаго въ училищѣ, члены пожелали играть въ карты. Начальница убѣждала членовъ не играть, такъ какъ находила это неудобнымъ для учебнаго заведенія, но попечительница разрѣшила игру, и противъ начальницы начались козни. Дѣло дошло до губернатора. „Какъ этотъ случай“,—писалъ начальникъ губерніи,— „такъ и бывшій въ засѣданіи попечительнаго совѣта показываетъ, что между членами не существуетъ того взаимнаго согласія, которое такъ необходимо для управленія заведеніемъ и безъ котораго никакія правительственныя мѣры не могутъ имѣть успѣха“. Въ 1867 году въ совѣтѣ вновь возникаютъ интриги, на этотъ разъ направленныя противъ смотрителя Аристова. Аристовъ, вернувшись изъ округа и узнавъ, что многія изъ ученицъ не были на молебнѣ по случаю избавленія драгоцѣнной жизни покойнаго Царя-Освободителя отъ вторичнаго покушенія, рѣшился отслужить молебенъ въ зданіи училища. Молебенъ былъ отслуженъ. Члены попечительнаго совѣта до глубины души возмутились этимъ поступкомъ. „Какъ отслужить молебенъ и безъ нашего позволенія и безъ нашего присутствія!“ И въ совѣтъ посыпались заявленія, при чемъ первой подала примѣръ попечительница Шишко. Совѣтъ, разбирая эти заявленія, дошелъ до того, что сталъ обсуждать служебную дѣятельность смотрителя и какую-то прощальную смотрительскую рѣчь, произнесенную на торжественномъ актѣ, и нашелъ, что она не была представлена на цензуру городничаго, и весь этотъ ворохъ домашнихъ нечистоплотностей рѣшили представить на разсмотрѣніе губернатору. Управлявшій губерніей предсѣдатель губернскаго правленія Курбановскій со скорбію могъ только отвѣтить, что все это дѣло носитъ характеръ личныхъ раздоровъ, что никакое порядочное дѣло не можетъ итти съ тѣмъ успѣхомъ, какого заслуживаетъ, при такихъ взаимныхъ отношеніяхъ и, наконецъ, что очень сожалѣетъ, что

они къ своимъ отношеніямъ и препирательствамъ примѣшали даже священную Особу Монарха, драгоцѣнная жизнь котораго находилась въ такой опасности". Въ томъ же 1867 году, не успѣла улечься грустная исторія со смотрителемъ, какъ возникла новая: начальница или надзирательница училища Л. Брехова не угодила чѣмъ-то попечительницѣ Шишко, и она подаетъ въ совѣтъ заявленіе, что надзирательницу необходимо уволить отъ должности. Члены отъ дворянъ Игумновъ и Шалобановъ согласились съ попечительницей, а смотритель училищъ Фоняковъ и городовой староста Мясниковъ нашли ходатайство объ увольненіи не выдерживающимъ критики, такъ какъ Брехова ежегодно была представляема къ наградамъ, слѣдовательно служба ея считалась полезной; кромѣ того, увольненіе отъ должности практикуется лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, и обыкновенно ему предшествуютъ замѣчанія, выговоры и т. п. Лишь благодаря этому заступничеству Брехова осталась при своей должности. Къ 1870-мъ годамъ учебное дѣло въ женской школѣ пало на самую низкую ступень. „Училище",—пишетъ попечительница школы Губанова,—„состоитъ изъ одного класса, тогда какъ оно должно состоять изъ трехъ, да и этотъ единственный классъ весьма слабъ по успѣхамъ... учителя уѣзднаго училища приняли на себя трудъ занятій въ женскомъ училищѣ каждый по своей спеціальности, но посѣщаютъ училище нерадиво, хотя и получаютъ за учебный день по 50 копеекъ, а даютъ 2—3 урока въ мѣсяцъ"*). Въ устраненіе этого порядка она предложила совѣтъ имѣть двухъ учительницъ: одну для приготовительнаго и рукодѣльнаго класса, а другую—для перваго, а затѣмъ по мѣрѣ открытія классовъ прибавлять число учительницъ. Въ учительницы приготовительнаго класса она рекомендовала пригласить Брехову. Въ іюлѣ 1870 года проектъ ея осуществился, и учительницами были назначены двѣ молодыя дѣвушки, только что окончившія курсъ въ Тобольской Маріинской женской школѣ: Ѳедорова и Зданевичъ, Брехова же была совсѣмъ уволена, какъ не имѣвшая правъ на преподаваніе. Мы уже видѣли, въ какомъ печальномъ положеніи находилось училище до этого времени, съ 1870-го же года учебная часть значительно улучшилась: молодыя учительницы работали старательно и успѣшно и заслужили общественное уваженіе, особенно Ѳедорова. Классная система преподаванія практиковалась до 1874 г., т. е. до преобразованія училища въ прогимназію. Въ за-

*) Это едва ли не преувеличеніе: смотритель училищъ, по крайней мѣрѣ, доносилъ, что учителя даютъ по 2—3 урока (т. е. дня) въ недѣлю, а не въ мѣсяцъ. Авторъ.

ключеніе отмѣтимъ тотъ отрадный фактъ, что декабристы не забывали наши школы и на родинѣ: такъ, въ 1861 г. въ пользу приходскаго училища отъ неизвѣстнаго лица изъ Москвы поступило 142 р., а жена коллежскаго регистратора Ол. Ив. Басаргина послѣ своей смерти отказала въ пользу училища 500 руб.

Число учащихся въ уѣздномъ училищѣ за это время не поднималось выше 70 и не падало ниже 26 человѣкъ. Самый богатый учащимися годъ былъ 1872 (70 ч.), а самый бѣдный 1873 (26 ч.). Обычнымъ числомъ въ шестидесятые годы было 43, 44, 45 человѣкъ, а въ семидесятыхъ годахъ 60 ч. (исключая 1871 года, когда было 50 учениковъ).

Въ женскомъ училищѣ наибольшаго предѣла число учащихся достигло въ 1873 году, т. е. въ годъ закрытія училища (54 ч.). Въ теченіе 1864, 1865, 1866 гг. обучалось всего 15—16 дѣвочекъ. Обычнымъ числомъ учащихся можно считать 37—38 ч.

Въ приходскомъ училищѣ въ 1861, 1862, 1863 годахъ обучалось всего по 42—43 ч., въ 1865 и 1867 гг. число это увеличилось до 47; самымъ богатымъ учащимися годомъ былъ 1869, въ продолженіе котораго обучалось 70 челов., и 1871 г. съ 62 учащимися.

Послѣ пожара уѣздному училищу пришлось устраивать свою библіотеку съ основанія. На первыхъ порахъ много помогъ тит. сов. П. С. Паутовъ, пожертвовавшій, въ благодарность за полученное имъ въ этомъ училищѣ образованіе, свою библіотеку въ 95 книгъ, а затѣмъ библіотека пополнялась уже исключительно выпиской. Въ 1863 году было выписано 36 назв. въ 120 томахъ, на сумму 67 руб., въ 1864 г.—16 назв. въ 29 томахъ, на сумму 63 рублей. Въ 1865, 1868, 1870, 1872 и 1873 гг. было выписано книгъ болѣе, чѣмъ на 100 рублей; обыкновенно же расходовалось на выписку книгъ ежегодно слишкомъ 60 рублей. 1866 годъ былъ въ этомъ отношеніи выдающимся: въ теченіе его было пріобрѣтено книгъ на 238 р. (108 назв. 258 т.). Къ концу описываемаго періода библіотека достигла 377 назв. въ 1050 томахъ. На ряду съ фундаментальной библіотекой созидалась и ученическая, и пополнялся отдѣлъ учебныхъ пособій. Когда была основана ученическая библіотека, мы не могли найти въ архивѣ,—во всякомъ случаѣ не ранѣе 1867 г., пополняться же болѣе или менѣе регулярно стала съ 1870 г. (было израсходовано на нее 15 руб.), но пополнялась очень слабо, ибо расходовалось на нее ежегодно не болѣе 3 руб. Содержалась она, повидимому, очень неряшливо: книги были ветхи, и до 1871 года она не имѣла даже инвентаря. Съ 1876 года ее стали приводить въ порядокъ. Къ 1874 году ея богатства заключались въ 36 назв. въ 109 томахъ.

Въ женскомъ училищѣ до 1872 года библіотеки, можно сказать, не существовало. Наслѣдство, оставленное приходскимъ училищемъ въ видѣ трехъ почтенныхъ журналовъ: Луча, Ласточки и Звѣздочки, временами пополнялось пожертвованіями частныхъ лицъ, состоявшими изъ разрозненныхъ и разбитыхъ книжекъ тогдашнихъ журналовъ, въ томъ числѣ и Revue de deux mondes, который до послѣдняго времени обрѣтался неприкосновеннымъ. Въ 1872 г. была единственная выписка книгъ на 18 р. (22 назв. 31 т.). Учебныя пособія также мало пополнялись: въ 1869 году было выписано 17 пособій, въ томъ числѣ два атласа, которые до 1872 года и числились неизмѣнно.

Библіотека приходскаго училища основалась въ 1864 году, когда въ нее поступило книгъ 5 названій въ 8 томахъ. Въ 1866 году въ ней числилось 33 названія въ 35 томахъ. Въ 1867 году, несмотря на то, что было прибавлено книгъ на 3 руб., число это уменьшилось до 24 назв. въ 34 т. Кромѣ этихъ, было еще три выписки: въ 1869 году на 22 р., въ 1870 г. на 1 руб. и въ 1872 г. на 22 р. Къ 1874 году въ библіотекѣ состояло 85 назв. въ 151 томѣ. Также слабо развивался и отдѣлъ учебныхъ пособій.

Вотъ въ какомъ положеніи находились городскія школы.

Мы уже разсмотрѣли рядъ мѣръ, направленныхъ къ подъему учебнаго дѣла въ городскихъ училищахъ, но не менѣе ихъ было предпринято и по отношенію къ сельскимъ школамъ округа. Мы уже видѣли, что вліяніе этихъ школъ какъ въ количественномъ такъ и въ качественномъ отношеніи было ничтожно. Необходимо было поднять уровень этихъ школъ, и директоръ училищъ Ф. В. Рудаковъ въ 1864-мъ году обратился къ смотрителямъ съ просьбой обозрѣть всѣ училища округа и откровенно описать ихъ во всѣхъ отношеніяхъ, дабы вѣрнѣе можно было судить о нихъ и знать, что въ нихъ требуетъ поправокъ. Смотритель училищъ Аристовъ вотъ какъ описалъ ихъ.

Всѣхъ школъ въ алуторовскомъ округѣ оказалось шесть, и изъ нихъ половина находилась въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ, а другая подчинена была епархіальному начальству. Въ общественномъ домѣ помѣщалась всего лишь одна школа, а всѣ остальныя въ церковныхъ сторожкахъ (3) и въ частныхъ наемныхъ квартирахъ (2). Преподавателями вездѣ считались священники, которые получали въ школахъ министерства государственныхъ имуществъ 85 р. годового жалованья изъ волостныхъ суммъ, а въ церковныхъ школахъ занимались безплатно. Занимались сами лишь немногіе, большинство же поручали дѣло обученія наемнымъ людямъ, которымъ давали и часть жалованья: такъ, въ с. Новозаимскомъ занимался поселенецъ Коче-

товъ, человѣкъ по свидѣтельству смотрителя достаточно грамотный; въ с. Омутинскомъ губ. сек. Черповскій, окончившій курсъ въ Камышловскомъ уѣздномъ училищѣ, но не имѣвшій учительскаго званія и отказавшійся держать экзаменъ по „слабости познанія“; въ с. Исетскомъ занимался поселенецъ Бурлинъ. Постоянные разъѣзды по приходу для исполненія церковныхъ требъ страшно тормозили учебное дѣло, и священникъ volens-nolens долженъ былъ поручать это дѣло дьячку, человѣку въ большинствѣ случаевъ малограмотному, или за неимѣніемъ годнаго дьячка какому-нибудь другому деревенскому грамотею; грамотеевъ же изъ мѣстныхъ крестьянъ было мало: да и что за охота человѣку мѣнять свое хозяйство на заработокъ—въ лучшемъ случаѣ 5 руб. въ мѣсяцъ? Поневолѣ приходилось поручать дѣло ссыльнымъ, которые въ сущности и при существованіи школы занимались обученіемъ крестьянскихъ ребятишекъ; даже впослѣдствіи, когда школа была взята въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ, ссыльные являлись важными конкурентами зарождающейся школы тѣмъ болѣе, что волостныя власти и общества сочувственно относились къ такимъ домашнимъ учителямъ.

Учитель Архангельскаго училища Нестеровъ въ 1875 году просилъ смотрителя „объ уничтоженіи частныхъ учителей“, особенно поселенца Бобкова, который „сдѣлалъ развращеніе между родителями учащихся“. Въ с. Агаракскомъ, Плетневской волости, занимался частнымъ обученіемъ изгнанный изъ духовнаго званія дьячекъ Мизерантовъ; въ поношеніе учителя онъ распространилъ слухъ, что онъ, Мизерантовъ, лучше можетъ учить, чѣмъ въ училищѣ, и притомъ по церковнымъ книгамъ. У него обучалось 9 человѣкъ. Когда смотритель училищъ запретилъ ему преподаваніе, то агаракское общество выступило за него съ горячей защитой. Сами священники занимались лишь въ селахъ Сусрскомъ, Терсюкскомъ и Юргинскомъ, т. е. въ министерскихъ школахъ, но они вели дѣло не лучше наемныхъ учителей, а одинъ изъ нихъ негоденъ былъ даже физически: по своей дряхлости, онъ плохо и слышалъ и говорилъ. Другіе священники, хотя были моложе и бодрѣе, но не болѣе удовлетворяли педагогическимъ требованіямъ: безъ всякой педагогической подготовки, они не могли поставить школу на ту высоту, какая была необходима для ея успѣховъ. Учителя-наемщики получали за каждаго ученика по 50 коп. и по 1 руб. въ мѣсяцъ и жили поочередно по недѣлѣ у родителей учениковъ. Въ прошлой главѣ мы уже описывали преподаваніе въ дореформенныхъ школахъ и результаты этого преподаванія. Здѣсь же мы коснемся нѣкоторыхъ частностей. Въ Суерскомъ училищѣ 6 мальчиковъ, спрошенные изъ священной исторіи,

не разсказывали о событіяхъ, а безостановочно читали съ закрытыми глазами, не измѣняя голоса, и совершенно не понимали вызубреннаго. Нѣкоторые читали хорошо, но ни одинъ не былъ въ состояніи разсказать прочитаннаго и объяснить непонятныя слова. Изъ ариѳметики 4 ученика могли сдѣлать первыя три дѣйствія съ простыми числами. Писали 10 человѣкъ сносно. Дѣвочки обучались пока только чтенію. Во всѣхъ остальныхъ школахъ успѣхи были еще ниже. Въ Новозаимской школѣ читать порядочно могли 4 мальчика и 1 дѣвочка, но разсказать прочитаннаго не могъ никто. Изъ краткаго катихизиса, оказалось, зазубривался текстъ, и ученики не могли объяснить ни одного слова Символа вѣры и молитвы Господней. Что касается ариѳметики, то результаты ея преподаванія оказались болѣе чѣмъ ничтожны: ученики не въ состояніи были отличить 15 отъ 105. Въ Юргинскомъ училищѣ могли писать числа до 1000. Вотъ въ какихъ микроскопическихъ размѣрахъ распространялось образованіе въ округѣ, но оно покажется намъ еще болѣе мизернымъ, если мы примемъ во вниманіе, что описываемыя нами школы имѣли самое ничтожное количество учащихся: такъ, въ Терсюкской было всего 5 учениковъ, въ Омутинской 9, въ Новозаимской 10 (7 мал. и 3 дѣв.), въ Юргинской 14, и только въ Исетской и Суерской достигало 25 уч. Такимъ образомъ, весь итогъ просвѣтительной дѣятельности сельскихъ школъ Ялуторовскаго округа заключался въ томъ, что 80 мальчиковъ научались читать и писать, но ни понимать мысли и чувства, выраженныя на бумагѣ, ни выражать ихъ—они, увы! не научались.

Первыми, неотложными потребностями школы были признаны замѣна учителей-священниковъ свѣтскими учителями и ихъ обезпеченіе. Съ этою цѣлію всѣ церковно-приходскія школы постепенно переведены были въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ. Переходъ этотъ совершился довольно скоро. Мы ранѣе видѣли, что въ 1864 г. было уже 4 школы: Суерская, Терсюкская, Юргинская и Исетская, въ 1865 году къ нимъ прибавились Верхсуерская, Соловьевская и Кизакская. Завѣдываніе школами возложено было на казенную палату, отъ которой зависѣло открытіе новыхъ школъ въ округѣ*), назначеніе и увольненіе учителей, а также, совмѣстно съ директоромъ училищъ, и высшее руководительство учебнымъ дѣломъ въ этихъ школахъ. За приготовленіе учителей взялись уѣздныя и женскія училища, и до основанія учительской семинаріи въ Омскѣ контингентъ учи-

*) Первое время, впрочемъ, школы открывались съ разрѣшенія главнаго управленія Западной Сибири. Авторъ.

телей пополнялся главнымъ образомъ окончившими курсъ въ уѣздныхъ и женскихъ училищахъ, изъ священниковъ же остались лишь очень немногіе: такъ, въ 1869 году изъ 10 учителей священниковъ было всего два. Жалованья учителямъ было 85 р. въ годъ, и расходъ этотъ былъ отнесенъ къ числу земскихъ волостныхъ повинностей. Снабжать училища учебниками и учебными пособіями также взялось уѣздное училище: оно выписывало книги и пособія изъ столицъ и затѣмъ за умѣренную плату разсылало по училищамъ. Заведеніе школьныхъ зданій, наемъ, отопленіе и освѣщеніе училищныхъ помѣщеній возложены были на волостныя общества. Общества однакожъ неохотно брались за это дѣло, и въ этомъ отношеніи еще многаго приходится желать и въ наше время, тогда же школьныя помѣщенія были ниже всякой критики. Вотъ каково было помѣщеніе Заводоуковской школы, въ 22 верстахъ отъ города. Въ стѣнахъ и на потолкѣ классной комнаты были щели, сквозь которыя вѣтеръ, проникая съ улицы, поселялъ такой холодъ въ комнатѣ, что, по разсказамъ учителей и бывшихъ учениковъ, заниматься приходилось въ шубахъ, шапкахъ и рукавицахъ, и при этомъ необходимо было постоянно грѣться у печи, а иногда, въ особенно сильные морозы, заниматься вмѣстѣ съ учительницей на печи. Не лучше была и учительская комната, въ которой сквозь крышу и потолокъ проникалъ дождь, и, безъ сомнѣнія, скоплялся бы въ большія лужи, если бы на полу, сверхъ обыкновенныхъ, положенныхъ по штату щелей, не было вершковыхъ и двухвершковыхъ дыръ, въ которыя вода и стекала подъ полъ. Эти дыры, представляя столь значительное удобство, служили и другую службу, уже не такъ пріятную для учительскаго организма, а именно: безпрепятственно пропускали вѣтеръ, который и дулъ въ нихъ, какъ въ трубу, щедро надѣляя учителей ревматизмомъ и другими подобными прелестями. Этому, впрочемъ, много способствовали и окна, въ которыхъ цѣлыхъ стеколъ имѣлось очень мало, такъ какъ поломанныя никогда не вставлялись, а заклеивались просто-на-просто бумагой. Отапливать приходилось комнаты сырыми дровами и валежникомъ, доставляемыми по подряду крестьяниномъ Лушниковымъ, который по своимъ дѣламъ часто уѣзжалъ изъ завода и училище оставалось безъ дровъ, такъ что: „мнѣ самому“,—пишетъ учитель Карпинскій,—„за неимѣніемъ дровъ, приходилось топить печь щепами“. Трудно вѣрить въ возможность подобной обстановки, но пусть невѣрующіе Ѳомы обратятся къ дѣламъ училища за 1875 годъ за №№ 237, 259, 305, 343 и за 1876 годъ за №№ 110 и 250-мъ. Въ селѣ Шороховскомъ училище помѣщалось въ общественномъ домѣ, крайне тѣсномъ, имѣющемъ мало свѣта и

угаромъ. Помѣщенія для учительской квартиры въ этомъ зданіи совсѣмъ не было. На неудобство училищнаго помѣщенія жаловались и шатровскіе законоучитель и учительница и просили принудить волостное начальство озаботиться устройствомъ лучшаго помѣщенія.

При устройствѣ училищной обстановки въ народной бѣдности и невѣжествѣ были встрѣчены еще большія препятствія. Такъ, при Терюкскомъ училищѣ библіотека была очень бѣдна, и всѣ почти учебники пришли отъ времени въ ветхость. Не было при училищѣ также и часовъ. Спасская учительница Звѣздина пишетъ, что ей недостаетъ самыхъ необходимыхъ учебныхъ принадлежностей: перьевъ, ручекъ, линеекъ, аспидныхъ досокъ, карандашей, грифелей и даже мѣлу. Но народное невѣжество было сильнѣе бѣдности, и школьное дѣло тормозилось имъ еще чувствительнѣе. „При всемъ желаніи наставниковъ,"—пишетъ учитель Карпинскій—„развить грамотность, къ сожалѣнію, въ родителяхъ учениковъ упорно коренится пренебреженіе и полное равнодушіе къ грамотѣ, тогда какъ во всѣхъ почти дѣтяхъ-ученикахъ жажда грамотности и къ чтенію книгъ очевидна, что доказывается желаніемъ многихъ пріобрѣсти собственныя книги, которыя ими покупаются на ярмаркахъ или у бродящихъ по селамъ такъ называемыхъ коробейниковъ. Родители же безпрестанно отвлекаютъ учениковъ отъ занятій, отпрашивая ихъ на день на два и задерживая дома недѣлю и болѣе, такъ что иногда въ теченіе мѣсяца не ходитъ болѣе 1/3 числа учениковъ. Изъ числа 5 старшихъ учениковъ были приготовлены еще въ прошломъ году къ окончанію курса 3, но по волѣ родителей они взяты изъ училища".

Но не среди крестьянъ только не встрѣтила сочувствія новая школа,—мѣстные священники также относились къ ней индиферентно. Почти ни одинъ священникъ не являлся преподавать Законъ Божій въ этихъ школахъ. Въ с. Суерскомъ оба священника отказались заниматься за неимѣніемъ времени. Въ с. Омутинскомъ оба священника также отказались отъ преподаванія: одинъ—по должности благочиннаго, другой—за старостью. Учитель Ингалинскаго училища писалъ, что мѣстный священникъ отказался заниматься въ школѣ, такъ какъ ему нѣтъ объ этомъ предписанія отъ консисторіи. Юргинскій священникъ соглашался заниматься съ тѣмъ, чтобы учитель отдалъ ему треть своего жалованья. Тѣ же священники, которые взялись за преподаваніе, относились къ этому дѣлу крайне небрежно. Терюкскій священникъ посылалъ иногда за себя заниматься псаломщика, который у него проживалъ. Когда явился новый учитель Черноноговъ, то

священникъ прогналъ его изъ училища, и хотя тотъ предъявилъ ему бланкъ, выданный губернаторомъ, но тотъ не вѣрилъ ему и называлъ учителя бродягой. Ингалинскій священникъ, по случаю обрядовъ вѣнчанія и гостей въ его домѣ, не сталъ ходить въ школу, а потому не было и выпуска. Въ февралѣ 1876 года такое отношеніе священниковъ къ школѣ было остановлено указомъ консисторіи, которая предписала священникамъ со всѣмъ усердіемъ заниматься Закономъ Божіимъ въ сельскихъ школахъ, отнюдь не допуская при этомъ какой-нибудь небрежности, ибо учить народъ правиламъ вѣры и нравственности—прямая обязанность священниковъ. „Небрежно относящіеся къ этому дѣлу“,—въ заключеніе прибавляетъ консисторія,—„будутъ переводиться въ худшіе приходы“.

Въ самомъ выборѣ селеній для училищъ иногда дѣлались ошибки, и оттого успѣшность школы шла слишкомъ медленнымъ шагомъ, и нѣкоторыя школы приходилось закрывать или переводить въ другія мѣста. Закрыты были школы Поляковская, Соловьевская, Мишинская и Томиловская. Вотъ, что писалъ, напримѣръ, кизакскій священникъ о. К. Беллюсовъ о своей школѣ послѣ двадцатилѣтняго ея существованія. Слобода Кизакская, по его мнѣнію, на дѣлѣ вовсе не оправдывала заботъ и стараній начальства по устройству въ ней школы, такъ какъ учащихся въ школѣ всегда было мало, а въ 1884 г., когда онъ писалъ, было всего семь человѣкъ. Населеніе Кизака малочисленно, крестьянскихъ домовъ православнаго вѣроисповѣданія было не болѣе пятнадцати, а остальное населеніе составляли раскольники, вообще косо смотрящіе на школы. Жители деревень, принадлежащихъ къ Кизакскому приходу, не отдавали дѣтей своихъ въ школу частію по ея отдаленности, а главное потому, что крестьянинъ, отдавъ своего ребенка въ школу, долженъ былъ платить за квартиру и столъ. О. Беллюсовъ проситъ училищное начальство перевести школу изъ Кизака въ деревню Журавлеву (Курскій выселокъ), съ которой рядомъ находятся выселки Щигровскій и и Фатежскій и деревня Погодаева, составляющіе одно общество. „Если училище будетъ перемѣщено въ выселокъ Курскій“,—пишетъ онъ,—„то учащихся будетъ не семь, а семьдесятъ. Для учителя, нечего говорить, найдется приличная квартира, а законоучителю не будетъ обременительно два-три раза въ недѣлю съѣздить въ училище за 6 верстъ, лишь была бы польза“.

Несмотря на всѣ неудобства, новая школа пришлась населенію болѣе по вкусу, чѣмъ прежняя духовная. Среднее число учащихся въ церковной школѣ простиралось въ разные годы до 9 чел. (только въ 1861—18 чел.), новая же школа на первыхъ

порахъ, въ 1864 и 65 годахъ, имѣла уже 13—14 уч., въ слѣдующіе же годы число учащихся на каждую школу среднимъ числомъ приходилось 28. Общее число учащихся въ духовныхъ школахъ никогда не превышало 160 чел. (это было въ 1862 г., когда школъ было 19), между тѣмъ какъ въ 1873 году въ новыхъ 17 школахъ учащихся было болѣе, чѣмъ въ два раза, а именно 386 чел. Когда въ 1871 году исправникъ предложилъ заводоуковскимъ крестьянамъ пригласить въ учителя мѣстнаго священника, то они заявили, что предпочитаютъ свѣтскаго учителя.

Обученіе грамотѣ въ сельскихъ училищахъ производилось по Золотову, ариѳметика преподавалась по Грубе. Это былъ уже значительный шагъ впередъ въ сравненіи съ преподаваніемъ въ церковныхъ школахъ. Мало доступныя формулы „буки-азъ—ба, вѣди-азъ—ва“ были уже выброшены изъ обращенія, и время, растрачиваемое на изученіе „складовъ“, было употребляемо съ большею пользою на объяснительное чтеніе.

Число окончившихъ курсъ было однакожъ не велико. Въ 1871 году оно превышало 20, но уже въ слѣдующемъ 1872 г. во всѣхъ училищахъ округа ихъ было всего 2 ученика! Причиною печальнаго явленія была, безъ сомнѣнія, безправность окончившихъ курсъ. Съ введеніемъ всеобщей воинской повинности, когда окончившимъ курсъ въ начальныхъ училищахъ были предоставлены нѣкоторыя права, увеличилось и число оканчивающихъ курсъ.

Фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ до 1871 г. при сельскихъ училищахъ не существовало, пособій, кромѣ учебниковъ, не имѣлось,—въ одномъ только Омутинскомъ училищѣ смотритель училищъ встрѣтилъ 54 картины изъ священной исторіи. Были такіе училища, въ которыхъ изъ учебниковъ имѣлись лишь буквари да азбуки, какъ въ Архангельскомъ, а нѣкоторые не имѣли и этого, напр., Исетское женское, которое всѣмъ заимствовалось изъ мужского. Выписка книгъ и пособій для училищъ началась съ 1871 г., когда для всѣхъ 11 училищъ выписано было книгъ на 155 р. (151 назв. въ 700 том.). Въ слѣдующіе за тѣмъ года выписка продолжалась, но въ самыхъ микроскопическихъ размѣрахъ: въ 1872 г.—на 27 р., а въ 1873 г.—на 18 р. Выписывались, какъ видно, какія-то маленькія книжонки: на 27 руб. выписано 100 назв. въ 412 т., а на 18 руб.—116 назв. въ 316 томахъ!

То состояніе, котораго достигла сельская школа къ концу описываемаго періода, нельзя назвать блестящимъ: училищныя помѣщенія были бѣдны, библіотеки только что начали основываться и развивались слабо, учебныхъ пособій не было, оканчи-

вающихъ курсъ было мало, учителя не имѣли достаточной педагогической подготовки и всего добивались опытомъ. Но, какъ ни печальна была обстановка этой школы, важно было уже то, что первый шагъ столь важнаго дѣла, какъ сельское образованіе, былъ сдѣланъ.

Глава VI. Народное образованіе съ 1873 по 1890 годъ.

Начало семидесятыхъ годовъ займетъ не одну страницу въ исторіи народнаго образованія въ Россіи. Преобразованіе гимназій, реальныхъ и уѣздныхъ училищъ, измѣненіе программъ начальныхъ народныхъ училищъ, учрежденіе учительскихъ институтовъ и семинарій,—все это совершено было въ первую половину семидесятыхъ годовъ. Въ Западной Сибири это реформаціонное движеніе выразилось въ открытіи женскихъ гимназій и прогимназій и учрежденіемъ въ г. Омскѣ учительской семинаріи, которая до настоящаго времени остается единственнымъ разсадникомъ начальныхъ учителей, а въ Ялуторовскѣ, въ частности,—преобразованіемъ женской школы, рядъ неустройствъ который мы описали, въ трехклассную прогимназію съ приготовительнымъ классомъ; уѣздное же училище осталось въ своемъ прежнемъ видѣ.

Пріобрѣтеніе новаго дома для уѣзднаго училища было съ шестидесятыхъ годовъ одной изъ первыхъ заботъ училищаго начальства, но оно осуществилось лишь въ 1873 году, когда главный инспекторъ училищъ разрѣшилъ пріобрѣсть для училища домъ протоіерея Як. Кор. Словцова. Осенью 1873 г. домъ этотъ былъ пріобрѣтенъ, а къ началу 1874 года училище уже помѣщалось въ немъ. Домъ находится почти въ центрѣ города и состоялъ ранѣе изъ 5 комнатъ: трехъ большихъ—для классовъ и двухъ поменьше: одной для учительской комнаты и другой для ремесленнаго класса. Всѣ эти комнаты были расположены по обѣ стороны коридора и имѣли изъ него каждая отдѣльный входъ. Для рекреацій отдѣльной залы не было. Классныя комнаты при достаточной высотѣ давали достаточно воздуха и были для классовъ удобны, чувствовался развѣ только недостатокъ свѣта. Съ пріобрѣтеніемъ зданія, войдя въ свою обычную колею, училище предпринимаетъ рядъ мѣръ для улучшенія своего внутренняго быта. Съ 1874 года вводится преподаваніе пѣнія, для церковнаго же пѣнія составляется изъ учениковъ хоръ. Въ 1877 году главный инспекторъ, вслѣдствіе проекта кол. сов. Павлова-Сильванскаго, командированнаго министромъ финансовъ для изученія сибирской промышленности и торговли, рекомендуетъ ввести въ

уѣздныхъ училищахъ преподаваніе бухгалтеріи и коммерческихъ наукъ, а также устраивать ремесленные классы. Не имѣя своихъ средствъ, училище обратилось въ городскую управу, не согласится ли она оказать въ этомъ дѣлѣ матеріальное пособіе. Ялуторовская городская дума сочувственно отнеслась къ этому и ассигновала на устройство при училищѣ курсовъ бухгалтеріи и коммерческихъ наукъ и ремесленнаго класса на первый годъ 300 рублей, а затѣмъ ежегодно по 220 руб. Съ начала $187^{7}/_{8}$ года началось преподаваніе сапожнаго ремесла, а съ октября 1879 г. это ремесло замѣнено было столярнымъ и переплетнымъ. Кто преподавалъ бухгалтерію и коммерческія науки и какъ велось преподаваніе этихъ предметовъ, мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ данныхъ. Можно только предполагать, что кто-нибудь изъ преподавателей, вѣрнѣе учитель ариѳметики, взялъ на себя преподаваніе этихъ предметовъ, и преподаваніе это велось не совсѣмъ успѣшно. Это обстоятельство, вѣроятно, и заставило думу въ январѣ 1883 года прекратить субсидію отъ города, но того же 25 января дума ассигновала 120 руб. въ пособіе училищу на содержаніе ремесленнаго (сапожнаго и башмачнаго) класса, который и существовалъ до января 1890 года, когда пособіе это было прекращено. Интересно было бы опредѣлить причину неудачи столь прекраснаго начинанія. Намъ кажется, что причина эта отчасти заключалась въ отсутствіи хорошихъ ремесленниковъ, способныхъ къ преподаванію. Безъ сомнѣнія, хорошіе ремесленники въ Ялуторовскѣ были, но они или запивали и слѣдовательно въ воспитательномъ отношеніи дѣйствовали бы вредно, или были негодны, какъ ссыльные; приходилось выбирать такихъ, которые, „хоть и берутъ, зато ужъ въ ротъ хмѣльного не берутъ“. Съ другой стороны и само училищное начальство недостаточно опредѣлило роль ремесла въ общей системѣ преподаваемыхъ предметовъ. Неизвѣстно, было ли цѣлію создать хорошихъ сапожниковъ, или ремесло, какъ физическій трудъ, должно было носить воспитательный характеръ. Первая цѣль никоимъ образомъ не могла быть достигнута. Всѣ ученики раздѣлены были на три группы, но не по возрасту и степени ихъ познаній въ ремеслѣ, а такъ—просто брались по нѣсколько человѣкъ изъ каждаго класса. Преподаваніе происходило по средамъ и субботамъ, т. е. два раза въ недѣлю. Если считать въ году сорокъ учебныхъ недѣль, то, принимая во вниманіе, что по средамъ и субботамъ приходились и праздники, каждому ученику (или вѣрнѣе каждой группѣ) въ теченіе трехлѣтняго курса приходилось взять не болѣе 80 уроковъ. Едва ли можно изучить ремесло въ 80 часовъ въ сообществѣ 15-ти товарищей! Не достигалась и вторая цѣль: простой

ремесленникъ, незнакомый съ педагогическими взглядами, не могъ хорошо служить воспитательному дѣлу и почему-то лишь являлся мишенью для разныхъ ученическихъ выходокъ и насмѣшекъ, такъ что занятія эти въ воспитательномъ отношеніи были по меньшей мѣрѣ безполезны. Была и еще причина охлажденія города къ покровительствуемому имъ классу. Городская дума давала деньги на содержаніе, но ей не только не было предоставлено права слѣдить за преподаваніемъ, но даже не посылалось отчетовъ по расходованію денегъ. Такимъ образомъ, ремесленный классъ, испытавъ различныя преобразованія, послѣ своего шестнадцатилѣтняго существованія, былъ закрытъ. Классъ нѣнія существуетъ и до сихъ поръ, какъ существуетъ и ученическій хоръ. Съ 1881 года введено преподаваніе гимнастики, а съ 1889 года введено преподаваніе военной гимнастики подъ руководствомъ унтеръ-офицера мѣстной команды. Изъ постановленій совѣта обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія. 12-го марта 1877 г. совѣтъ ввелъ въ приходскомъ училищѣ преподаваніе чистописанія по тактамъ. 16-го октября 1881 года совѣтъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи учителю исторіи и географіи знакомить учениковъ 1-го класса съ важнѣйшими физическими явленіями природы, а учениковъ 2-го и 3-го класса съ элементарной физикой, тогда же совѣтъ ходатайствовалъ и о введеніи гимнастики, а въ 1885 году—о раздѣленіи приходскаго училища на три отдѣленія вмѣсто двухъ. Тѣлесныя наказанія только съ семидесятыхъ годовъ потеряли свою силу. Съ этого времени и до послѣдняго они встрѣчались развѣ только въ видѣ самаго рѣдкаго исключенія.

Въ остальномъ жизнь училища измѣнилась очень мало. Вотъ какъ описываетъ жизнь уѣздныхъ училищъ И. И. Пановъ, директоръ училищъ, въ своемъ циркулярѣ, изданномъ по поводу обозрѣнія училищъ въ 1879 году. Главнымъ образомъ И. И. Пановъ обратилъ вниманіе на плохую постановку письменныхъ упражненій, а по нѣкоторымъ предметамъ и на полное отсутствіе ихъ. „Не всѣ преподаватели своевременно и аккуратно просматриваютъ ученическія упражненія по русскому языку и ариѳметикѣ, да и въ прочитанныхъ и оцѣненныхъ извѣстнымъ балломъ, сколько я лично могъ убѣдиться, встрѣчается очень много грубыхъ ошибокъ, что, само собой разумѣется, говоритъ о бѣгломъ и мало внимательномъ чтеніи преподавателей... Преподаватели не придаютъ этимъ работамъ фактическаго значенія, доказательствомъ чему можетъ служить то, что они отмѣтокъ за эти работы не заносятъ въ классный журналъ. При самой оцѣнкѣ такихъ работъ нѣкоторые преподаватели ограничиваются постановкой какихъ-то іероглифическихъ знаковъ, смыслъ употребленія

которыхъ понятенъ только имъ однимъ; иные, напротивъ, позволяютъ себѣ дѣлать слишкомъ грубыя рецензіи, оскорбительныя для самолюбія мальчиковъ. Большая часть преподавателей географіи не обращаетъ должнаго вниманія на черченіе картъ: изъ тѣхъ ученическихъ работъ, какія мнѣ привелось видѣть, очень мало удовлетворительныхъ, большею же частію черченіе небрежно и неряшливо". П. И. Пановъ обратилъ также вниманіе и на неправильныя отношенія штатныхъ смотрителей къ членамъ педагогическихъ совѣтовъ и на веденіе этихъ совѣтовъ. „Не предрѣшая того или другого вопроса и только руководя дѣломъ совѣщанія",—пишетъ онъ въ томъ же циркулярѣ,—„смотритель непремѣнно долженъ принимать во вниманіе мнѣніе каждаго члена и вообще съ уваженіемъ относиться къ мнѣнію другого, хотя бы оно и было противоположно мнѣнію другихъ или предсѣдателя".

Не въ лучшемъ состояніи нашелъ П. И. Пановъ учебное дѣло и въ свою ревизію въ 1885 году. „Члены педагогическихъ совѣтовъ, какъ видно изъ протоколовъ педагогическихъ засѣданій,—пишетъ онъ,*)—ограничиваются въ своихъ собраніяхъ предметами чисто формальнаго свойства, напр., въ большинствѣ случаевъ разсуждаютъ о выдачѣ свидѣтельствъ на званіе сельскихъ учительницъ окончившимъ курсъ въ женскихъ прогимназіяхъ и пробывшимъ помощницами учительницъ приготовительнаго класса и приходскихъ учителей болѣе 6 мѣсяцевъ, о выпискѣ періодическихъ изданій и книгъ для библіотекъ училищъ, объ освобожденіи отъ платы за право ученія бѣдныхъ, но достойныхъ учениковъ, о выдачѣ свидѣтельствъ окончившимъ курсъ въ приходскихъ сельскихъ училищахъ и т. п.; вопросовъ же, касающихся внутренняго строя того или другого училища, болѣе лучшей постановки учебнаго дѣла въ заведеніи и другихъ сторонъ чисто воспитательнаго и учебнаго характера, я не встрѣтилъ ни въ одномъ училищѣ, тогда какъ немало подобныхъ вопросовъ и разныхъ мѣръ могло быть возбуждаемо и принимаемо по обстоятельствамъ, хотя бы, напр., о подъемѣ того или другого класса, сравнительно худшаго по сознанію всѣхъ преподавателей училища. Гг. преподаватели русскаго языка и ариѳметики, насколько я могъ убѣдиться изъ представленнаго по моему требованію матеріала, сравнительно даютъ мало письменныхъ работъ, какъ напримѣръ, въ одномъ училищѣ ученики II-го класса сначала учебнаго года до марта мѣсяца по ариѳметикѣ написали maximum 8 домашнихъ работъ; ученикамъ же III-го класса на домъ почти

*) См. Циркуляръ по Западно-Сибирскому учебному округу 1886 г., № 4, стр. 155—160.

не давалось работъ. Представляемыя ученическія работы просматриваются преподавателями бѣгло и поверхностно, отчего является множество грубыхъ грамматическихъ ошибокъ, оставленныхъ неисправленными, не разъ повторяющимися въ послѣдующихъ работахъ. Оставляя ошибки неисправленными, нѣкоторые изъ гг. преподавателей не обращаютъ вниманія и на внѣшнюю сторону ученическихъ работъ, отчего послѣднія представляются въ формѣ песнитой, испачканной, а иногда и изорванной тетради, что служитъ доказательствомъ неряшливаго и небрежнаго отношенія ученика къ своей работѣ. Нисколько не обращается вниманія на то, что ученики часто пропускаютъ уроки безъ уважительныхъ причинъ, какъ напр., въ одномъ училищѣ за 1 1/2 года я не встрѣтилъ ни одного учебнаго дня, чтобы всѣ ученики были въ классѣ при своихъ занятіяхъ, и число отсутствующихъ достигаетъ иногда очень почтенной цифры, отъ 25 до 30 человѣкъ, и это прискорбное явленіе не есть единичное въ ряду ученическихъ манкировокъ, какъ можно видѣть изъ дневнаго журнала дежурныхъ преподавателей по училищу. Смотря слишкомъ слабо и, какъ говорится, сквозь пальцы на подобныя манкировки учениковъ, и сами гг. преподаватели не всегда свободны отъ того, чтобы не выразить и имъ замѣчанія относительно исправнаго и аккуратнаго посѣщенія лекцій. Въ одномъ училищѣ, напр., двое преподавателей не считаютъ своею нравственною обязанностью извѣщать смотрителя о причинѣ неявки въ классъ, а иногда уходятъ изъ класса послѣ 2-го или 3-го урока, не сказавши ни слова смотрителю о томъ, что по болѣзни или по особо уважительнымъ причинамъ они не могутъ продолжать уроки". Ялуторовское училище, какъ въ первую, такъ и во вторую ревизію не могло явиться исключеніемъ, особенно незавидно шло преподаваніе русскаго языка. Въ декабрѣ 1879 года П. И. Пановъ нашелъ преподаваніе русскаго языка неудовлетворительнымъ и поставилъ это на видъ преподавателю. Въ октябрѣ 1880 года назначенъ былъ новый преподаватель (в. и. д.) ученикъ VIII-го класса Тобольской гимназіи С. М. Аркановъ, но онъ пробылъ лишь до мая, когда уѣхалъ въ Тобольскъ для выдержанія экзамена на аттестатъ зрѣлости. Въ августѣ 1881 г. в. и. д. учителя русскаго языка былъ назначенъ М. Ѳ. Удольскій, не прослужившій и года, а въ 1882 году былъ присланъ для дослуженія до пенсіи бывшій каинскій смотритель П. В. Поповъ, который, по прослуженіи трехъ лѣтъ, также былъ уволенъ отъ службы. Плохо было поставлено и преподаваніе исторіи и географіи и искусствъ. Въ предпослѣднюю свою ревизію П. И. Пановъ замѣтилъ, что пособія по исторіи, географіи и рисованію никуда негодны и приказалъ выписать новыя.

Нельзя при этомъ не отмѣтить пріятнаго факта, замѣчаемаго въ послѣднее десятилѣтіе—это стремленія къ дальнѣйшему образованію. Большинство изъ окончившихъ курсъ поступаетъ въ Омскую учительскую семинарію и оттуда выходятъ сельскими и городскими приходскими учителями, другіе ѣдутъ въ техническое училище, откуда поступаютъ на фабрики, заводы и пароходы механиками и машинистами, и меньшинство, болѣе обезпеченное, —въ Тюменское реальное и въ Ишимское и Тобольское духовныя училища.

Въ послѣднее пятилѣтіе возникла мысль выстроить для училища новое зданіе. Тобольскій губернаторъ т. с. Лысогорскій, посѣтивъ училище въ мартѣ 1884 года, выразилъ желаніе, чтобы улучшена была гигіеническая обстановка училища и обѣщалъ переговорить объ этомъ съ почетнымъ блюстителемъ Иг. Ив. Колосовымъ, который и выразилъ желаніе построить для училища новое каменное зданіе. Въ апрѣлѣ 1887 года строительная комиссія утвердила планъ новаго зданія, 10-го октября того же года происходила закладка, а 22-го октября 1890 года открытіе этого зданія*). Прекрасное зданіе, выстроенное Иг. Ив. Колосовымъ, состоитъ изъ 5 большихъ комнатъ, вполнѣ удовлетворительныхъ въ гигіеническомъ отношеніи. Всѣ эти комнаты расположены по сторонамъ большой рекреаціонной залы, устроенной въ видѣ коридора. Зданіе это стоило около 25,000 руб., но эта столь важная жертва на пользу народнаго образованія въ Ялуторовскомъ округѣ не была первой: еще въ 1880 году онъ на мѣстѣ своей родины въ с. Кодскомъ пріобрѣлъ для мѣстнаго училища прекрасное зданіе, а теперь, какъ мы слышали, озабоченъ устройствомъ въ с. Кодскомъ ремесленнаго класса. При открытіи зданія уѣзднаго училища онъ пожертвовалъ 150 р. на улучшеніе училищной обстановки.

Изъ другихъ пожертвованій замѣчательны слѣдующія два. Въ 1887 году бывшій ученикъ Ялуторовскаго уѣзднаго училища купецъ В. Беклемишевъ прислалъ 200 р. на пополненіе ученическихъ библіотекъ городскихъ училищъ. Въ 1887 году мѣстный купецъ М. М. Ильныхъ, также, кажется, бывшій ученикъ Ялуторовскаго училища, отказалъ по своему духовному завѣщанію два билета въ 200 р. приходскому и уѣздному училищамъ. Проценты съ этихъ билетовъ должны поступать въ пособіе бѣднѣйшимъ ученикамъ православнаго вѣроисповѣданія.

Число учащихся въ Ялуторовскомъ уѣздномъ училищѣ до

*) Открытіе это описано св. Машановымъ въ № 34-мъ „Тобольск. Губерн. Вѣдом.“ 1890 г.

1886 года ежегодно достигало слишкомъ 50-ти человѣкъ. Самое большее количество учениковъ было въ 1873, 1874 и 1875 гг., достигавшее до 60 чел., а самое меньшее въ 1887 году (39) и въ 1889 г. (36 ч.).

Фундаментальная библіотека къ концу 1889 года достигла 503 назв. въ 1898 томахъ и въ описываемый періодъ пополнялась ежегодно. До 1886 года на фундаментальную и ученическую библіотеки издерживалось ежегодно 70—80 рублей, и только въ 1877 году было затрачено 110 р. да въ 1878 и 1885 годахъ 87 рублей. Съ 1887 года библіотека пополняется слабѣе: въ 1887 году было выписано на 62 р., а въ 1888 г.—лишь на 36 р., а въ 1889 г.—на 38 р. Наибольшее число томовъ было выписано въ 1876 г. (37 назв. 93 т.), наименьшее въ 1887 г. (1 назв. 1 т.). Ученическая библіотека росла также медленно, только въ 1887 году въ нее поступило, благодаря крупному пожертвованію Беклемишева, 63 назв. въ 76 томахъ. Ежегодныя затраты на пополненіе ученической библіотеки не превышали 20 руб., исключая 1887 г. (60 р.). Въ 1875 году было выписано всего на 17 руб.; были годы, когда въ ученическую библіотеку не выписывалось ни одной книги; эти печальные годы слѣдующіе: 1880, 1884. 1885 и 1888!! Въ 1883 г. выписано было книгъ лишь на 86 коп. Отдѣлъ учебныхъ пособій пополнялся также медленно. Капитальныя пополненія сдѣланы были лишь въ 1878 году, когда были выписаны новыя географическія карты на 76 р., и въ 1890 году, когда по приказанію г. директора училищъ старые рисунки и карты были замѣнены новыми.

Мы уже видѣли, какъ печально было существованіе женскаго училища. 1-го января 1874 года училище было преобразовано въ трехклассную прогимназію съ приготовительнымъ и рукодѣльнымъ классами. Къ сожалѣнію, появленіе новаго учебнаго заведенія ознаменовалось большими затрудненіями. Совѣтъ бывшаго женскаго училища тормозилъ сдачу суммъ и дѣлъ, пока объ этомъ не дошло до генералъ-губернатора Западной Сибири, который и предписалъ немедленно сдать дѣла и суммы. Сдача происходила лишь 12-го іюля 1874 года, при чемъ членъ-казначей бывшаго совѣта позволилъ себѣ по адресу новаго совѣта и въ особенности смотрителя училищъ „дерзкія выраженія“. Въ матеріальномъ отношеніи прогимназія возникла при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ: женское училище оставило ей въ наслѣдство домъ и 1062 р. наличными деньгами, процентными бумагами и пр., кромѣ того, отъ казны было отпущено 740 руб. на первое обзаведеніе и при взятіи торговыхъ свидѣтельствъ собрано 174 рубля. Первымъ шагомъ попечительнаго совѣта прогимназіи

было пріобрѣтеніе новаго болѣе удобнаго дома для заведенія, имѣющаго 4 класса. За 460 рублей былъ купленъ двухъэтажный деревянный домъ у наслѣдниковъ генерала Богданова, а старый былъ разыгранъ въ лотерею. Была создана и новая обстановка: столы, классныя доски, чертежные (для доски) приборы, чернильницы, библіотечные шкафы. Выписаны были глобусы, рельефныя и плоскія карты, типы народовъ, картины по священной исторіи, рисунки и чертежи и пр. Библіотека, благодаря пособію отъ казны, создана была, можно сказать, въ одинъ день. Богословскихъ книгъ было выписано 16 названій. Отдѣлъ словесности пополнился полными собраніями сочиненій Хемницера, Фонвизина, Державина, Крылова, Карамзина, Жуковскаго, Гоголя, Пушкина, Лермонтова, князя Одоевскаго, Марлинскаго, Кольцова, Островскаго, Тургенева, Писемскаго, Ершова („Конекъ Горбунокъ“). Изъ иностранныхъ писателей выписаны были сочиненія Шекспира, Майнъ-Рида. По отдѣлу исторіи и географіи выписано 26 названій, въ томъ числѣ исторія Соловьева, Вебера, „Космосъ“ Гумбольдта, всѣ переведенныя на русскій языкъ сочиненія Гартвига и много путешествій. Математическій отдѣлъ пополнился 12-ю названіями, педагогическій—13 назв. Ученическая библіотека въ основаніе свое получила 27 названій. Пришли на помощь и частныя лица, напр., Ю. Ф. Штейнманъ пожертвовала 42 книги на сумму 32 рубля.

Но если такъ хорошо на первыхъ порахъ была обставлена прогимназія матеріально, то этого отнюдь нельзя сказать относительно дѣятельности одного изъ членовъ по учебной части. Положеніе о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Высочайше было утверждено 24 мая 1870 года, открытіе ихъ въ Сибири началось съ этого же времени, въ Ялуторовскѣ же прогимназія открыта была лишь въ январѣ 1874 года, хотя бумаги уже въ декабрѣ 1873 года писались на имя прогимназіи. Такъ какъ смотритель не озаботился пріисканіемъ учительницъ, то преподаваніе попрежнему шло лишь въ приготовительномъ и первомъ классахъ, а во 2-мъ преподавался лишь одинъ Законъ Божій. Учительницы исторіи и географіи не было до 1876 года. За крайнюю бездѣятельность по должности предсѣдателя педагогическаго совѣта прогимназіи генералъ-губернаторъ объявилъ смотрителю Пѣшехонову строгій выговоръ и перевелъ его въ Тюменскъ. Ѳ. М. Ѳедорова, довольно опытная въ педагогическомъ дѣлѣ, назначенная первой начальницей прогимназіи, сумѣла сразу хорошо поставить прогимназію и управляла ею до 1880 года. Хорошо поставленная первою начальницею, прогимназія во все время своего существованія, можно смѣло сказать, съ честью служила великому

дѣлу женскаго образованія и стояла выше всѣхъ другихъ учебныхъ заведеній Ялуторовска и его округа. Примѣрное во всѣхъ отношеніяхъ поведеніе преподавательницъ, добросовѣстное исполненіе ими своихъ высокихъ обязанностей,—вотъ характеристика учебнаго персонала прогимназіи. Здѣсь нельзя пропустить и того пріятнаго явленія, что преподавательницы, принимая всегда горячее участіе въ судьбахъ учебныхъ заведеній, много способствовали улучшенію матеріальныхъ ихъ средствъ своимъ участіемъ въ любительскихъ спектакляхъ; смѣло можно сказать, что безъ ихъ участія не обошелся ни одинъ любительскій благотворительный спектакль. Впрочемъ, относительно участія въ спектакляхъ то же можно сказать и объ учительскомъ персоналѣ другихъ городскихъ училищъ.

Въ 1881 году среди членовъ попечительнаго совѣта возникла мысль устроить для прогимназіи новое зданіе, болѣе помѣстительное и удобное въ гигіеническомъ отношеніи, и съ этой цѣлію совѣтъ открылъ подписку. Главными жертвователями явились д. с. с. А. Ѳ. Поклевскій-Козеллъ (изъ Талицы), подписавшій 300 руб., п. с. Н. И. Давыдовскій (изъ Тюмени)—100 руб., купецъ Д. И. Смолинъ (изъ Кургана)—100 руб. и ялуторовскіе купцы бр. Колмаковы—100 руб., остальныя пожертвованія были не такъ значительны, но тѣмъ не менѣе на эти пожертвованія было выстроено прекрасное, вполнѣ приспособленное для школы, деревянное на каменномъ фундаментѣ зданіе, и съ 1-го октября 1882 года прогимназія уже помѣщалась въ немъ.

Число учащихся до 1888 года было весьма значительно и доходило отъ 60 до 78 ученицъ. Самое меньшее число ученицъ за эти годы было въ 1880 году, а именно 60 ученицъ. Съ 1888 года число ихъ значительно уменьшилось: въ 1888 году ихъ было всего 49, а въ 1889—56 ч.

Мы уже видѣли, сколь значительныя затраты сдѣланы были на устройство фундаментальной библіотеки прогимназіи при ея основаніи. Въ слѣдующемъ 1875 году эта затрата также была весьма значительна, а именно: на фундаментальную библіотеку было употреблено 75 р. и на ученическую 122 р. Затѣмъ до 1885 года выписка книгъ была весьма незначительна и не превышала 20 руб.; въ этомъ же году на фундаментальную библіотеку было употреблено 110 р. и на ученическую—6 руб. Въ 1887 году поступили въ библіотеку пожертвованныя Веклемишевымъ книги: въ фундаментальную—на 19 руб. и въ ученическую—на 20 руб. Въ 1888 году было выписано на 50 р. Отдѣлъ учебныхъ пособій, послѣ капитальныхъ затратъ при открытіи прогимназіи, пополнялся довольно слабо.

Приходское училище до восьмидесятыхъ годовъ находилось въ томъ же печальномъ положеніи, въ какомъ мы застали его въ предшествующемъ періодѣ, несмотря на то, что съ 1882 г. оно было раздѣлено на 2 отдѣленія, изъ которыхъ въ каждое былъ назначенъ особый учитель. Учителями первое время назначались окончившіе курсъ въ уѣздныхъ училищахъ,—люди, можетъ быть, кое-что и знающіе, но безъ всякой педагогической подготовки. Немудрено, что они слѣпо слѣдовали примѣру своихъ предшественниковъ и учителей, также не особенно искусныхъ въ педагогическомъ дѣлѣ. Съ 1875 года стали назначаться окончившіе курсъ въ военной прогимназіи. Время учительства этихъ господъ было самымъ печальнымъ въ существованіи училища. Преподаваніе шло плохо и основано было главнымъ образомъ на линейкѣ, которая быстро путешествовала по рукамъ нерадивыхъ учениковъ. Учителя же вели себя крайне нехорошо, и иногда дѣло доходило до рукопашныхъ схватокъ ихъ между собою, такъ: одинъ изъ нихъ былъ уволенъ за оскорбленіе словами и дѣйствіемъ своего сослуживца, а иные просто за пьянство. Училище начинаетъ улучшаться лишь съ восьмидесятыхъ годовъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Омская учительская семинарія стала давать своихъ питомцевъ. Учителя-семинаристы поставили училище на лучшую ногу: стали вводиться новые пріемы обученія, болѣе гуманное обращеніе съ учениками, появились заботы и объ улучшеніи гигіеническихъ условій и съ этою цѣлію—объ устройствѣ новаго зданія. Городская дума приняла во вниманіе заявленіе объ этомъ училища и въ 1887 году выстроила прекрасное деревянное зданіе, въ которомъ оно теперь и помѣщается. Число учениковъ простиралось ежегодно отъ 55 до 68 человѣкъ, и только въ 1873 году оно пало до 49 чел. Самое большее число учениковъ было въ 1878 и 1879 годахъ, а именно 68 ч.

Библіотека училища за это время значительно пополнилась: въ 1874 г. въ ней имѣлось книгъ всего 85 назв. въ 151 томѣ, а въ 1889 году книгъ, исключая учебниковъ, уже числилось до 750 томовъ, хотя значительныхъ пополненій за это время и не было, только въ 1889 году было выписано на 81 руб., въ остальные же годы выписка рѣдко превышала 25 руб., въ большинствѣ случаевъ достигая лишь 15 руб.

Въ восьмидесятыхъ годахъ въ Ялуторовскѣ возникло еще двѣ школы: церковно-приходская, при Вознесенской церкви, и тюремная. Церковная школа была основана по иниціативѣ священника о. Ал. Тихова. Первое время преподавалъ самъ священникъ и псаломщикъ Добронравовъ, а съ 1889 года, за отказомъ священника, преподаютъ о. дьякопъ Низковскій и тотъ же псаломщикъ.

Число учащихся достигаетъ 12 ч. Какъ идетъ дѣло обученія въ этой школѣ, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ.

Тюремная школа обязана своимъ возрожденіемъ въ 1883 году иниціативѣ бывшаго исправника В. Ѳ. Филимонова. Собственно говоря, она существовала и раньше, но была въ большомъ упадкѣ, такъ что о существованіи ея едва ли кто зналъ изъ лицъ, даже близко стоявшихъ къ тюремному управленію. Обученіемъ занимался мѣстный псаломщикъ. Исправникъ Филимоновъ, выхлопотавъ учителю жалованье, въ 1883 году пригласилъ учителя приходскаго училища Е. Н. Маджи заниматься съ арестантами. Школа была раздѣлена на два отдѣленія: мужское и женское. Въ обоихъ отдѣленіяхъ обучались, какъ взрослые арестанты, такъ и дѣти. При открытіи школы къ 1-му марта 1883 года поступило 13 человѣкъ, къ 10-му мая ихъ было уже 20. Въ $188^{6}/_{7}$ учебномъ году число учащихся достигло весьма крупной цифры: 78 мужчинъ и 17 женщинъ, въ томъ числѣ 8 дѣтей. Въ теченіе этого года поступило 47 человѣкъ вовсе или почти безграмотныхъ и 37 малограмотныхъ. Въ концѣ года школа выпустила 49 ч. достаточно грамотныхъ и 37 малограмотныхъ. Изъ 17 женщинъ, поступившихъ почти совсѣмъ неграмотными, 11 достигли полной грамотности, а 6 вышли малограмотными. Число учившихся составляло 18% всего тюремнаго населенія. Въ такомъ же ли состояніи и теперь находится эта школа, мы, къ сожалѣнію, ничего не можемъ сказать, за неимѣніемъ свѣдѣній.

Восьмидесятые годы дали Ялуторовску еще одно образовательное учрежденіе—безплатную библіотеку при мѣстномъ клубѣ. До 1883 года клубъ не выписывалъ ни одного журнала и газеты и не имѣлъ ни одной книги. Въ этомъ году имъ были выписаны „Отечественныя Записки“, „Природа и Охота“ и, если не измѣняетъ память, „Новое Время“. Нельзя сказать, чтобъ подобныя книжныя богатства могли удовлетворить публику, даже и неизбалованную чтеніемъ. Въ 1884 г. учитель П., задавшись мыслью объ устройствѣ библіотеки въ г. Ялуторовскѣ, поставилъ спектакль въ надеждѣ устроить ихъ въ будущемъ нѣсколько и такимъ образомъ положить основаніе библіотекѣ. Спектакль далъ чистаго дохода 60 р., на которые и были выписаны сочиненія Гоголя и Достоевскаго. Начало не было блестяще, но интересъ къ библіотекѣ былъ уже возбужденъ, и въ нее стали поступать пожертвованія: кромѣ того, и клубъ сталъ ежегодно отпускать около 100 р. на выписку журналовъ. Въ 1886 г. В. Ѳ. Филимоновымъ былъ возбужденъ вопросъ объ устройствѣ библіотеки на болѣе прочныхъ основаніяхъ и съ этою цѣлію была открыта подписка, которая и дала слишкомъ 400 руб. Откликнулись А. Ѳ. Поклевскій-Козеллъ, Н.

И. Давыдовскій, а также, кажется, и Д. И. Смолинъ, а извѣстный покровитель всѣхъ возникающихъ библіотекъ Ин. М. Сибиряковъ прислалъ цѣлый ящикъ книгъ. Учителю П. поручено было составить примѣрный каталогъ основывающейся библіотеки и на него же возложена выписка книгъ. На первый разъ были выписаны сочиненія Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, Бѣлинскаго, Жуковскаго, Тургенева, Гончарова, Щедрина, Писемскаго, Печерскаго („Въ лѣсахъ“ и „На горахъ“), Потѣхина, Некрасова, Островскаго, гр. Толстыхъ, Льва и Ал., Гл. Успенскаго, Рѣшетникова, Помяловскаго, Добролюбова, Омулевскаго, Ершова („Конекъ Горбунокъ“), Ядринцева, Словцова и др. Изъ иностранныхъ писателей пріобрѣтены были Шекспиръ, Байронъ, Шиллеръ, Гете, Гейне, Гюго, Диккенсъ и Теккерей. Другіе отдѣлы не были такъ полны, но все болѣе или менѣе выдающееся было выписано. Счастливое начало—половина дѣла. Интересъ къ библіотекѣ не ослабѣвалъ съ этого времени. Вошло въ обыкновеніе, что клубъ ежегодно сталъ отпускать свыше 100 руб. на выписку журналовъ и газетъ, а для пополненія библіотеки книгами почти ежегодно стали устраиваться спектакли. Въ 1888 г. устроенъ былъ спектакль врачемъ И. Л. Биржишко, въ 1889 г. врачемъ Т. Я. Погребецкимъ, а въ 1890 году врачемъ А. П. Глѣбовскимъ-Гулькевичемъ. На эти деньги выписаны были сочиненія новѣйшихъ писателей и менѣе замѣчательныхъ старыхъ, а также были пополнены и другіе отдѣлы, хотя далеко еще нельзя сказать, чтобы библіотека удовлетворяла вкусы всѣхъ читающихъ, коихъ ежегодно бываетъ человѣкъ 50.

1886 годъ въ школьномъ дѣлѣ ознаменовался и другимъ важнымъ фактомъ. Ялуторовское городское общество, а также мѣстное духовенство и чиновники, отнесясь сочувственно какъ къ матеріальнымъ нуждамъ учащихся, такъ и къ умственнымъ запросамъ вообще грамотнаго городского люда, вошло съ ходатайствомъ объ учрежденіи въ г. Ялуторовскѣ „Общества попеченія объ учащихся въ ялуторовскихъ училищахъ“. Задачею этого общества была поставлена матеріальная помощь учащимся черезъ заведеніе обуви, одежды, учебниковъ, а также, въ случаѣ остатка суммъ, въ устройствѣ библіотеки для грамотнаго люда, состоящаго главнымъ образомъ изъ учившихся въ училищахъ. Въ маѣ 1886 года уставъ и петиція общества были представлены высшему начальству, а въ ноябрѣ 1892 года получено было разрѣшеніе открыть это общество.Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1892 года по приглашенію смотрителя училищъ состоялось первое засѣданіе для организаціи общества и выбора предсѣдателя и совѣта*). Въ

*) Въ настоящее время совѣтъ состоитъ изъ слѣдующихъ членовъ: Пало-

настоящее время въ обществѣ состоитъ около 140 членовъ, изъ нихъ 13 почетныхъ, пожертвовавшихъ по 25 руб. Изъ поступившихъ до сего времени суммъ, согласно устава, отчислено въ запасный капиталъ 325 руб., а остальные въ расходный. Главнѣйшее вниманіе общества на первыхъ порахъ обращено было на теплую одежду и бѣлье учащихся. Кто знаетъ хотя поверхностно быть учащихся, въ особенности въ приходскихъ училищахъ, тотъ знаетъ, что большинство изъ нихъ въ зимній холодъ принуждено бѣгать въ дырявыхъ сапогахъ и зипунахъ и въ грязномъ оборванномъ бѣльѣ, вслѣдствіе чего простудныя болѣзни, а также болѣзни отъ нечистоплотности, являются самыми обыкновенными среди такихъ учащихся; другой не менѣе важной нуждой является почти полная невозможность бѣднѣйшихъ учащихся завести себѣ учебники и учебныя принадлежности, и многіе, благодаря этому, не имѣютъ возможности учиться, переходя же въ уѣздное училище, не въ состояніи вносить плату за ученіе; при всѣхъ этихъ условіяхъ ученики городскихъ училищъ все же имѣютъ возможность учиться, но этого нельзя сказать объ окончившихъ курсъ въ сельскихъ училищахъ, такъ какъ, они, часто при блестящихъ способностяхъ, должны ограничиваться тѣми знаніями, которыя получили въ сельской школѣ. Устраненіе этихъ нуждъ и взяло на себя обще ство: оно заводило ученикамъ теплую обувь, бѣлье (по 1-е сентября 1893 года израсходовано 43 рубля 49 копеекъ), вносило плату за ученіе (12 рублей), выдавало учебники (25 рублей) и, наконецъ, взяло одного способнаго ученика изъ Верхотурскаго училища для обученія въ уѣздное училище на свой счетъ. Кромѣ этого прямого способа вспомоществованія учащимся, общество задалось цѣлію облегчить учащимся, а также и посторонним лицамъ, пріобрѣтеніе учебниковъ, книгъ для чтенія, учебныхъ пособій и принадлежностей, посредствомъ удешевленія ихъ, и съ этою цѣлію, съ разрѣшенія господина начальника губерніи, открываетъ складъ книжный и учебныхъ и письменныхъ принадлежностей. Дѣятельность общества пока въ зародышѣ, а дальнѣйшее развитіе будетъ зависѣть отъ сочувствія общества.

Въ прошлой главѣ мы описали, въ какомъ положеніи находилось образованіе сельскаго населенія округа. Отмѣтивъ рядъ заботъ высшей администраціи о постановкѣ этого дѣла, мы изобразили и тѣ препятствія, которыя на первыхъ порахъ выста-

---

неженцева (предсѣдатель), о. К. Машанова (товарищъ), К. Д. Потемкина (казначей), С. В. Дмитріевой, Т. Я. Погребецкаго, П. П. Зубовскаго и др. лицъ (согласно устава, по должности).

вило народное невѣжество и бѣдность, а также и неразвитость сельскаго духовенства. Съ 1874 года правительственныя заботы выразились весьма существенно въ улучшеніи матеріальнаго положенія сельскаго учителя. Въ 1875 году жалованье сельскимъ учителямъ было увеличено съ 85 р. до 120 р., но уже въ 1877 году для поощренія лицъ, окончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и учительскихъ семинаріяхъ, жалованье этимъ лицамъ увеличено до 200 р., а въ 1881 году въ этомъ отношеніи сравнены были и учителя съ низшимъ образованіемъ. Едва ли нужно говорить о благодѣтельности этихъ мѣръ. Мы уже видѣли, въ какомъ положеніи находился матеріальный бытъ учителя: часто въ самыхъ существенныхъ потребностяхъ онъ не находилъ себѣ удовлетворенія. Одинокому человѣку еще можно было существовать, но, если мы примемъ во вниманіе, что въ учителя или всегда люди небогатые, часто обремененные семьей, то положеніе учителя представится намъ во всей его тяжелой неприглядности. Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ свое положеніе одна сельская учительница: „У насъ 30-го іюля умеръ отецъ, и остались его мать старушка, моя мать и, кромѣ меня, 6 человѣкъ маленькихъ дѣтей: самому старшему 13 лѣтъ, а за нимъ все меньше и меньше лѣтами и самому младшему 2 мѣсяца. Остались безъ всякаго состоянія и видовъ на будущее, кромѣ моихъ трудовъ, т. е. должности, но у меня теперь жалованья не хватаетъ". Это лишь одна печальная страничка изъ жизни учительницы. Почти каждая учительница и учитель имѣютъ на рукахъ семью: престарѣлаго отца, мать, дѣтей, а иногда воспитываютъ и своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ. А сколько нравственныхъ страданій выпадаетъ на долю этихъ труженицъ и тружениковъ! Не имѣя возможности стать съ мѣстной quasi-интеллигенціей въ равныя отношенія, эти люди принуждены испытывать всѣ невзгоды матеріальной необезпеченности, и бѣдная учительница является или предметомъ озлобленія дикой, неотесанной натуры мѣстныхъ воротилъ, или предметомъ плотскихъ вожделѣній ихъ. Тяжело читать іереміады этихъ несчастныхъ дѣвушекъ, посвятившихъ себя служенію общественному благу. Многія, подъ вліяніемъ этой тяжелой обстановки, не будучи въ состояніи выдержать нравственную борьбу, сворачиваютъ съ прямого пути, и тогда опять бѣда: находятся благопріятели, которые забрасываютъ начальство доносами, анонимными письмами, безцеремонно величая бѣдную дѣвушку безнравственной, распутной и тому подобными эпитетами.

Такое положеніе учительскаго персонала, бѣдность училищной обстановки, а также отсутствіе педагогическихъ съѣздовъ и

библіотекъ, были причиною того, что сельскія училища не сдѣлали еще въ своемъ развитіи большихъ шаговъ. Жалобы на законоучителей не прекращаются до послѣдняго времени, и казенная палата въ 1882 году вынуждена была сдѣлать распоряженіе о взысканіи съ неисправныхъ законоучителей штрафовъ, въ формѣ вычетовъ изъ жалованья. Манкировки законоучителей и ихъ, зачастую, враждебное отношеніе къ учительскому персоналу также тормозили развитіе школьнаго дѣла. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти отношенія доходили до nec plus ultra и сдѣлались извѣстными губернской администраціи. Въ февралѣ 1887 года г. директоръ училищъ пишетъ: „будучи въ пьяномъ видѣ и прійдя въ училище, священникъ Зв. бранилъ заочно учительницу нехорошими словами, въ другое время конфузилъ ее въ церковной сторожкѣ, въ церкви во время службы кричалъ на учениковъ и приказывалъ имъ стоять у порога". Оскорбленная учительница такъ изображаетъ свое положеніе: „въ церкви, дома, въ обществѣ крестьянъ, передъ высшимъ начальствомъ,—вездѣ старается онъ очернить меня и моихъ учениковъ, и потому старанія возвысить насколько возможно училище остаются, благодаря св. Зв., совершенно безполезными". Священникъ Зв. нынѣ уволенъ отъ должности законоучителя. Лыбаевская учительница также жалуется на законоучителя, который распускалъ о ней дурные слухи и подговаривалъ крестьянъ составить приговоръ о ея непригодности. Законоучитель Верхсуерскаго училища Ел. П., нынѣ уволенный за штатъ, дошелъ даже до того, что сказалъ за литургіей проповѣдь противъ учительницы Щ., при чемъ не пощадилъ чести и ея родителей, а когда пріѣхалъ на мѣсто Щ—ой учитель, то постоянно ссорился и съ нимъ. Но если таково было отношеніе законоучителей къ школѣ, то справедливость требуетъ сказать, что и другіе учителя и учительницы не всегда относились къ своимъ обязанностямъ съ подобающею честностью и умѣньемъ. Мокроусовская учительница Шахова, напримѣръ, мало занималась своимъ дѣломъ и своимъ сварливымъ характеромъ вооружила противъ себя все общество, съ учениками обращалась жестоко: била ихъ, передразнивала и т. п. Боровинская учительница Б. довела свою школу до такого состоянія, что крестьяне стали нанимать домашнихъ учителей, а также посылать своихъ дѣтей въ Юргинское училище. Плетневскій учитель Я. также халатно относился къ школѣ и лишилъ ее учениковъ. Къ счастью, эти печальныя явленія единичны.

Но если личное поведеніе учащихъ отражалось такъ на школьномъ дѣлѣ, то едва ли не больше имѣло вліянія на устройство школъ отсутствіе хорошихъ школьныхъ попечителей. До

послѣдняго времени въ школьные попечители избирались люди мало пригодные, наравнѣ съ десятскими, пастухами, церковными сторожами и пр., безъ всякихъ умственныхъ и нравственныхъ достоинствъ. Люди эти совершенно индифферентно относились къ школѣ, а иногда вмѣшивались и приносили только вредъ. Во многихъ же училищахъ попечителей и совсѣмъ не было. Въ 1883 году казенная палата циркулярно предписала избирать школьныхъ попечителей изъ лицъ матеріально обезпеченныхъ и пользующихся среди своего общества уваженіемъ, при чемъ разъяснила, что мѣстные попечители могутъ сноситься о нуждахъ школы не только съ мѣстными волостными правленіями, но могутъ докладывать о нуждахъ школы и прямо губернскому учрежденію. Не знаемъ, какъ привилась эта мѣра и къ какимъ привела результатамъ, но о дѣятельности нѣкоторыхъ попечителей мы не можемъ здѣсь не упомянуть. Попечитель Кодской школы Иг. Ив. Колосовъ пріобрѣлъ для училища прекрасный удобный домъ и принесъ въ даръ училищу капиталъ, проценты съ котораго должны итти на пополненіе средствъ училища. Попечитель Патровскаго училища Ядрышниковъ подарилъ училищу землю, устроилъ садъ, огородъ и вообще заботится объ удовлетвореніи нуждъ учащихся. Два эти примѣра, кажется, пока единичны, но нѣтъ сомнѣнія, что если на ихъ дѣятельность обращено будетъ вниманіе, то найдутся и подражатели.

Нельзя также не упомянуть, что и педагогическія качества учащихъ сравнительно повысились. Большинство сельскихъ учителей теперь состоитъ изъ семинаристовъ и питомицъ Тобольской Маріинской школы. Учителя же изъ военной прогимназіи и уѣздныхъ училищъ становятся рѣдкостью.

Въ количественномъ отношеніи въ школьномъ дѣлѣ за это время замѣтенъ значительный прогрессъ. Въ 1874 г. было всего 18 школъ, въ 1880 году число ихъ достигло 29, а въ настоящее время ихъ уже 34 (не считая церковно-приходскихъ школъ, грамотности, а также и школъ при мечетяхъ), т. е. число ихъ удвоилось. Возросло также и число учащихся и окончившихъ курсъ. Въ 1874 году число учащихся было 315 ч., а окончившихъ курсъ 8 ч. Къ 1880 году число учащихся достигло 648 ч., т. е. удвоилось, а окончившихъ курсъ—увеличилось въ $5^1/_2$ разъ, достигнувъ 43 человѣкъ. Въ 1889 году число учащихся достигло тысячи человѣкъ, т. е. противъ 1879 г. почти удвоилось, а число окончившихъ курсъ почти достигло 100 человѣкъ, т. е. увеличилось въ $2^1/_2$ раза.

Тотъ же прогрессъ замѣчаемъ мы во введеніи новыхъ пріемовъ преподаванія и учебныхъ руководствъ, въ увеличеніи числа

учебныхъ пособій и въ ростѣ училищныхъ библіотекъ. При 18 школахъ въ 1874 году состояло 721 названіе книгъ въ 2405 томахъ, т. е. на каждую школу приходилось 40 названій (134 тома). Въ 1879 г. въ 28 школахъ имѣлось книгъ 2080 назв. въ 6953 т., т. е. на каждую проходилось 74 назв. въ 249 т. Въ настоящее же время однихъ учебныхъ пособій считается болѣе 8500, книгъ для чтенія болѣе 3000, моделей, глобусовъ и картъ болѣе 1500 и руководствъ болѣе 1100, т. е. на каждую школу приходится болѣ 250 пособій, 90 книгъ для чтенія, 45 моделей, глобусовъ и картъ и 40 руководствъ.

Въ 1891 году состоялось постановленіе губернскаго совѣта объ упорядоченіи сельскихъ школьныхъ библіотекъ, коимъ выборъ и выписка книгъ возложена на смотрителей училищъ. Для того, чтобы оцѣнить значеніе этой мѣры, мы должны сдѣлать краткій обзоръ прежнихъ порядковъ. Во время завѣдыванія училищами казенной палатой деньги, ассигнованныя на этотъ предметъ, разсылались по волостнымъ правленіямъ, которыя и выписывали книги. Само собой разумѣется, что выборъ не могъ быть удачнымъ. Впослѣдствіи выписка книгъ возложена была на исправниковъ, которые, по сложности своихъ обязанностей и незнакомству съ этимъ дѣломъ, также не могли выполнять эту обязанность, какъ слѣдуетъ. Въ результатѣ получался неудачный выборъ книгъ и еще болѣе неудачное распредѣленіе ихъ по училищамъ. Съ передачей этого дѣла смотрителямъ училищъ можно ожидать, что, при любви ихъ къ дѣлу, оно подвинется впередъ и школьныя библіотеки года черезъ два-три въ состояніи будутъ удовлетворять спросу деревенскихъ читателей.

Въ какомъ положеніи находится грамотность въ округѣ и въ какой мѣрѣ развивалась въ послѣднее время, мы не имѣемъ возможности судить и приведемъ лишь данныя, добытыя нами въ архивѣ присутствія по воинской повинности и свидѣтельствующія о прогрессѣ среди молодыхъ людей, призываемыхъ къ воинской службѣ. Въ 1874 году во всѣхъ участкахъ округа призывалось въ военную службу 1397 молодыхъ людей, и изъ нихъ грамотныхъ оказалось 127 человѣкъ, т. е. 9,09 % всей призываемой молодежи. Въ 1879 году призывалось 1668 челов., и изъ нихъ было 141 грамотныхъ, т. е. 8,49 %. Въ 1884 году призывалось 1686 челов. и изъ нихъ было 233 грамотныхъ (16,11 %), т. е. процентное отношеніе грамотныхъ къ общему числу призываемыхъ почти удвоилось.

Какъ бы ни былъ малъ ростъ грамотности, онъ все-таки замѣтенъ. Вмѣстѣ съ грамотностью ростетъ и уваженіе къ знанію, и все болѣе и болѣе сознается народомъ его полезность. Благо-

даря же устройству школьныхъ библіотекъ, надо надѣяться, число рецидивовъ безграмотности уменьшится, и грамотность водворится болѣе прочно.

Конецъ 1-й части.

Историческая часть нашей работы кончена, но, приступая (во 2-й части) къ обозрѣнію современнаго состоянія школьнаго дѣла въ Ялуторовскѣ и его округѣ, мы не можемъ не бросить ретроспективнаго взгляда на прошлое нашихъ школъ.

Возникая впервые по иниціативѣ тобольскаго владыки, на почвѣ интересовъ мѣстнаго духовенства, школа была далека отъ жизненныхъ требованій и страдала схоластикой.

Недостатокъ *народныхъ* школъ восполнялся трудами частныхъ учителей, зачастую малограмотныхъ, но, при отсутствіи школъ, приносящихъ большую пользу уже и своими небольшими познаніями. Впрочемъ, среди этихъ учителей встрѣчались и люди образованные, какъ „несчастный“ малороссійскій шляхтичъ Иг. Ос. Ольшевскій.

Только съ 1817 года школу можно считать вполнѣ народной и удовлетворяющей требованіямъ жизни, поэтому, можетъ быть, она и встрѣтила сочувствіе мѣстнаго общества и въ частности А. Д. Быкова, который и выстроилъ для уѣзднаго училища каменный домъ.

Въ послѣдующій періодъ школа приносила свою долю пользы, хотя педагогическіе пріемы и требовали самыхъ серьезныхъ улучшеній.

Нельзя пройти молчаніемъ сороковые и пятидесятые годы, лучшіе въ Ялуторовскѣ, когда заботливость объ образованіи дѣтей, уже не однихъ мальчиковъ, но и дѣвочекъ, была поставлена небольшой группой лицъ на первый планъ. Имена протоіерея Знаменскаго, декабриста Якушкина, супруговъ Мяспиковыхъ, купца Балакшина, а также имена первыхъ учителей-дьячковъ Сѣдачева, Иваницкаго и Кожевникова и надзирательницъ Балакшиныхъ и Созоновичъ должны быть долго памятны ялуторовцамъ, дорожащимъ просвѣщеніемъ населенія.

Въ шестидесятыхъ годахъ школа проникаетъ и въ село, сначала несмѣлыми шагами попытки, а затѣмъ, къ нашему времени, въ видѣ широкаго дѣла, обѣщающаго дальнѣйшее развитіе.

Но что всего отраднѣе, это—завоеваніе школою симпатій со стороны общества, въ которомъ пробудилась серьезная и искренняя заботливость о нуждахъ этого великаго дѣла, заботливость, выражающаяся не въ единичныхъ подачкахъ, а въ устройствѣ

учрежденій, обезпечивающихъ въ будущемъ плоды школьнаго обученія,—мы говоримъ объ устройствѣ общества попеченія о начальномъ образованіи и устройствѣ библіотекъ. Заботливость объ улучшеніи школьныхъ зданій мы также должны отмѣтить, какъ выдающуюся черту восьмидесятыхъ годовъ, и при этомъ съ особенной благодарностью должны вспомянуть имена Иг. Ив. Колосова, А. Ѳ. Поклевскаго-Козеллъ, П. И. Давыдовскаго, Д. И. Смолина и бр. Колмаковыхъ.

Николай Полопеженцевъ.

Іюнь 1894 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. СОСТАВЪ АДМИНИСТРАЦІИ И УЧИТЕЛЬСКАГО ПЕРСОНАЛА.

Уѣздное училище.

А. Двухклассное (съ 1817—1836 годъ).

Почетный смотритель училища.

Васильевъ, Ил. Вас. (1822 г. † 1826 г.)—отставной подпоручикъ.

Штатные смотрителя училища (они же учителя 2-го класса).

Лепехинъ, К. Г. (1817—1827)
Поповъ, Ив. (1827—1828)
Куртуковъ Ст., (1828—1836)
} —всѣ трое окончили курсъ въ Тобольской дух. семинаріи.

Учителя 1-го класса.

Васильевъ, П. Ос. (1817 † 1821)—окончилъ курсъ въ Тоб. гим.
Емельяновъ, Ив., св. (1821—1822)—окончилъ курсъ въ Тобольск. духовной семинаріи.
Тихоновъ, Ал. Ив. (1822—1823)—домашняго образованія (свидѣтельство имѣлъ отъ гимназіи).
Дьяконовъ, М. В. (1823—1825)—старшій ученикъ 2-го класса Ялуторовскаго училища.
Тюменцовъ, Ил. Ив. (1825—1830)—студентъ Моск. дух. академіи.
Лукинъ, Пет. Ал. (1830—1836)—окончилъ курсъ въ Тоб. гим.

В. Трехклассное (съ 1836 года).

Почетный смотритель и блюститель училища.

Поповъ, Н. П., надв. совѣтникъ (1862—1870)—изъ Казан. горнаго кадетскаго корпуса.
Колосовъ, Иг. Ив., купецъ (съ 1882 года)—домашн. образованія.

Штатные смотрителя ялуторовскихъ училищъ.

Лукинъ, Ив. Ал. (1836—1849)—окончилъ курсъ въ Тоб. гим.
Абрамовъ, Н. Ал. (1849—1851)—окончилъ курсъ въ Тоб. духов. семинарію.
Крестьяновъ, Е. Хр. (1851—1862)—воспитанникъ Гатчинскаго сиротскаго института.
Голицинскій, М. С. (въ 1862 году)—дѣйствительный студентъ Московскаго университета.
Аристовъ, Ал. Ил. (1862—1867)
Фоняковъ, П. П. (1867—1871)
Пѣшехоновъ, В. А. (1871—1874)
Мельковъ, П. К. (1874—1877)
Мазуркевичъ, Я. К. (1877—1880)
—окончили курсъ въ Тоб. гим.
Ракитинъ, В. П. (1880—1883)—окончилъ курсъ въ Омской учительской семинаріи.
Кизеровъ, И. Н. (1884—1889)—изъ VII-го класса Тоб. гимназіи.
Баршъ, З. А. (1889—1891)—окончилъ курсъ въ Тоб. гимназію.
Палопеженцевъ, Н. И. (съ 1891 года)—окончилъ курсъ въ Екатеринбургскомъ реальномъ училищѣ.

Законоучителя (съ 1820 года).

Бурдуковъ, Ив., св. (1820—1822)
Андреевъ, Ал., св. (1823—1826)
Арзамазовъ, Ив., св. (1826—1838)
—окончили курсъ въ Тобольской духовной семинаріи.
Богородицкій, Ст. прот. (1838—1839)—окончилъ курсъ въ Моск. духовной академіи.
Свинцовъ, Ив., св. (1839—1840)—окончилъ курсъ въ Рязанской духовной семинаріи.
Знаменскій, Ст., прот. (1840—1853)
Словцовъ, Як., прот. (1853—1866)
Космаковъ, В., св. (1866—1881)
Машановъ, К., св. (съ 1881 года)
—окончили курсъ въ Тобольской дух. семинаріи.

Учителя русскаго языка.

Михалевъ, А. (1836—1839)
Голодниковъ, К. М. (1839—1846)
Бреховъ, Ив. Ст. (1846—1854)
Сергѣевъ, М. С. (1854—1863)
Софоновъ, М. Як. (1863—1864)
Абрамовъ, Ал. Аб. (1864—1865)
—окончили курсъ въ Тоб. гимназіи.

Макаровъ, Ал. Пл. (1866—1869) } —окончили курсъ
Фонъ-Мюнхгаузенъ, П. Ос. (1869—1870) } въ Тоб. гимназіи.
Киселевъ М. Н. (1871—1880)—воспитанникъ Вятской гимназіи.
Аркановъ, С. Мх., в. и. д. (1880—1881)—изъ VIII-го класса Тобольской гимназіи.
Удольскій, М. Ѳ., в. и. д. (1881—1882)—воспитанникъ Тобольской духовной семинаріи.
Поповъ, Н. В. (1882—1885)—окончилъ курсъ въ Тверской дух. семинаріи.
Палопеженцевъ, Н. И. (1885—1891)—окончилъ курсъ въ Екатеринбургскомъ реальномъ училищѣ.
Рудаковъ, И. Ф. (съ 1891 года)—воспитанникъ Омской гимназіи.

Учителя ариѳметики и геометріи.

Жилинъ, Ал. Льв. (1836—1843)
Васильевъ, С. А. (1844—1853)
Асламовъ, Ив. А. (1853 † 1859)
Лапинъ, П. А. (1860—1864)
Харламовъ, А. Ег. (1864—1883)
} —окончили курсъ въ Тобольской гимназіи.
Субботинъ, Д. П. (1883—1889) } —окончили курсъ въ Омской
Шалобановъ, Н. Н. (съ 1889 г.) } учительской семинаріи.

Учителя исторіи и географіи.

Кирьяновъ, Фл. Ег. (1836—1842)—окончилъ курсъ въ Тоб. гим.
Скворцовъ, Н. С. (1843—1850)—студентъ Импер. С.-Петерб. унив.
Паутовъ, П. С. (1850—1857)
Лукіановъ, В. В. (1857—1872)
Паутовъ, П. С. (1872—1876)
} —окончили курсъ въ Тобольской гимназіи.
Колмаковъ, Ев. В. (1879—1880)—студентъ Импер. С.-Петербургскаго истор.-филологич. института.
Паутовъ, К. П. (1880—1889)—изъ VII-го класса Тоб. гимназіи.
Куликовскій, К. И. (съ 1889 года)—окончилъ курсъ въ Омской учительской семинаріи.

Учителя чистописанія, черченія и рисованія.

Паутовъ, А. Д. (1842—1847)—воспитанникъ Тоб. гимназіи.
Шмитъ, К. К. (1847 † 1848)—гдѣ получилъ образов., неизвѣстно.
Толмачевъ, А. С.—(въ 1854 году)—воспитанникъ Тоб. гимназіи.
Голубковъ, Дм. В. (1862—1863)—изъ VI-го класса Тоб. гимназіи.
Гусевъ, В. И. (1865—1871)—изъ IV-го класса Тоб. гимназіи.

Глуховцевъ, И. Ф. (1873—1875)—получилъ домашн. образованіе.
Баталовъ, Н. А. (1876—1879)—получилъ домашнее образованіе.
Киселевъ, М. Н., в. и. д. (1880—1881)—воспит. Вятской гим.
Палопеженцевъ, Н. И., в. и. д. (1883—1885)—окончилъ курсъ въ Екатеринбургскомъ реальномъ училищѣ.
Тутолминъ, Як. Ив., в. и. д. (1885—1889)—изъ IV-го класса Тобольской гимназіи.
Маджи, Ан. Н. (съ 1889 года)—окончилъ курсъ въ Тобольскомъ уѣздномъ училищѣ.

Ялуторовская женская прогимназія.

А. Церковная женская школа.

Учитель—Сѣдачевъ, Ев., дьяконъ (1846 † 1859)—изъ низш. отдѣл. Тобольской духовной семинаріи.

Надзирательницы: Созоновичъ, Ав. Ш. (1846—(?)1853); Балакшина, Ан. Н. (1846—(?)1850); Балакшина, Ал. Н. (1850—1859); Ярцева, Ал. М. (1853—1859) — домашняго образованія.

В. Приходская женская школа.

Учитель—Глуховцовъ, М. Ф. (1859—1861)—окончиль курсъ въ Тобольской семинаріи.

Надзирательницы: Балакшина, Ал. Н. (1859—1861); Ярцева, Ал. М. (1859—1861) — домашняго образованія.

В. Женское училище 2-го разряда.

Учителя и учительницы приготовительнаго класса).*

Глуховцовъ, М. Ф. (1861—1868)—окончилъ курсъ въ Тоб. гим.
Десятовъ, Н. А. (1863—1867)—окончилъ курсъ въ Тобольскомъ уѣздномъ училищѣ.
Брызгалова, М. (1867—1870)—окончила курсъ въ Тобольской Маріинской школѣ.
Ѳедорова, Ѳ. М. (1870—1874)—окончила курсъ въ Тобольской Маріинской школѣ.

Учительница 1-го класса.

Зданевичъ (Орнатова), Т. В. (1870—1874)—окончила курсъ въ Тоб. Маріинской школѣ.

---

*) Въ остальныхъ классахъ преподавали учителя уѣзд. училища. Авт.

Учительницы рукодѣлія и надзирательницы.

Брехова, Л. Н. (1861—1870)—домашняго образованія.
Ѳедорова, Ѳ. М. (1870—1871)—окончила курсъ въ Тоб. М. шк.

Законоучителя.

Бирюковъ, Ап., св. (1862—1865)—студентъ Тоб. дух. семинаріи.
Лепехинъ, Дм., дьяк. (1865—1866) } —окончили курсъ въ То-
Лапинъ, П., св. (1869—1871) } больской дух. семинаріи.

Г. Женская прогимназія.

Начальницы.

Ѳедорова, Ѳ. М. (1874—1880) }
Крылова, Н. Ив. (1880 † 1881) } —окончили курсъ въ Тоболь-
Козлова, Ол. К. (1881—1882) } ской Маріинской школѣ.
Словцова (Палопеженцева), Ек. В. (1882—1885) } —ок. курсъ въ
Дмитріева, С. В. (съ 1885 года) } Омской гим.

Законоучителя.

Лапинъ, Н., прот. (1874—1884) } —окончили курсъ въ Тоб.
Машановъ, К. св. (съ 1884 г.) } духовной семинаріи.

Учительницы русскаго языка.

Ѳедорова, Ѳ. М. (1874—1880) }
Крылова, Н. Ив. (1880—1881) } —см. *Начальницы.*
Костелецкая, Е. Н. (въ 1881 г.)—окончила курсъ въ Омск. гим.
Серебренникова, Аг. Ал. (1881—1883)—окончила курсъ въ Тоб. Маріинской школѣ.
Нагибина, М. Ал. (въ 1883 г.)—окончила курсъ въ Омской гимназіи (не пріѣхала).
Абрамова (Иржибысова), А. М. (1883—1884) } —оконч. курсъ въ
Баршъ, Ан. З. (1884—1886) } Омской гимназіи.
Словцова (Палопеженцева), Ек. В. (съ 1886 г.)—см. *Начальницы.*

Учительницы ариѳметики и геометріи.

Козлова, Ол. К. (1874—1882) }
Словцова (Палопеженцева), Ек. В. (1882—1885) } —см. *Начальницы.*

Дмитріева, С. В. (съ 1885 года)—см. *Начальницы.*

Учительницы исторіи и географіи.

Григорьева, М. Гр. (1876—1877)—окончила курсъ въ Иркутск. институтѣ.
Чиралова, В. С. (1877—1880)—оконч. курсъ въ Тоб. М. школѣ.
Костелецкая, Е. Н. (1880—1881)—см. *Учительницы русск. языка.*
Крылова, Н. Ив. (въ 1881 г.)—см. *Начальницы.*
Пудовикова, Е. Ег. (съ 1881 г.)—окончила курсъ въ Тоб. Маріинской женской школѣ.

Учительницы приготовительнаго класса и рукодѣлія.

Дубяго, Ан. Вик. (съ 1875 г.)—изъ I-го отд. Тоб. Мар. школы.
Примѣчаніе. Съ основанія прогимназіи искусства преподавали предметныя учительницы.

Городское приходское училище.

А. Приготовительный классъ уѣзднаго училища.

Учителями, вѣроятно, были учителя 1-го класса уѣзднаго училища или мѣстные церковнослужители; достовѣрно извѣстенъ только одинъ
Лукинъ, П. А. (1830—1835)—см. *Учителя 1-го класса.*
Маршаловъ, С. Ф. (1836(?)—1842)—окончилъ курсъ въ уѣзд. уч.

В. Церковно-приходское училище.

Кожевниковъ, С. П., дьяч. (1842 † 1857)—изъ низ. отд. Тобольской духовной семинаріи.
Иваницкій, Хр. Ѳ., дьяк. (1846—?)—изъ высшаго отд. Тобольской духовной семинаріи.

В. Приходское училище при одномъ учителѣ.

Урубковъ, В. (въ 1859 году).
Лукіановъ, П. Сид. (1859—1864)—окончилъ курсъ въ Ишимск. уѣздномъ училищѣ.
Стукальскій, К. Ал. (1864—1867) } —окончили курсъ въ Тобольскомъ уѣздномъ училищѣ.
Яковлевъ, М. В. (1867—1870) }
Харламовъ, Мар. А. (1870—1872) }
Законоучитель Космаковъ, В. А., св. (1862—1872)—оконч. курсъ въ Тобольской духовной семинаріи.

Г. Приходское училище при двухъ учителяхъ.

Законоучителя.

Космаковъ, В. А., св. (1872—1881)—см. предыдущую рубрику **В.**
Машановъ, К. П., св. (съ 1881 года)—см. уѣздное училище и прогимназію.

Учителя старшаго отдѣленія.

Харламовъ, М. А. (1872—1875)—см. предыдущую рубрику **В.**
Черноноговъ, Н. Аѳ. (1875—1876)—окончилъ курсъ въ Омской военной прогимназіи.
Березецкій—окончилъ курсъ въ Омской учительской семинаріи (не пріѣхалъ).
Ананьинъ, Ив. П. (1876—1880), Лагуновъ, М. Е. (1880—1881) — окончили курсъ въ Омской военной прогимназіи.
Кусковъ, А. Л. (1881—1882)—изъ Тобольской дух. семинаріи.
Субботинъ, Дм. П. (1882—1883), Григорьевъ, М. Н. (1883—1884), Татаровъ, К. А. (1884—1885), Маджи, Ев. Н. (1885 г.), Балахнинъ, Ив. Аѳ. (1887—1892), Кузнецовъ, А. Н. (съ 1892 г.) — окончили курсъ въ Омской учительской семинаріи.

Учителя младшаго отдѣленія.

Адамовъ, Д. К. (1872—1873)—обучался въ Омск. уѣзд. училищѣ.
Черноноговъ, Н. Аѳ. (1874—1875), Ананьинъ, Ив. П. (1875—1876), Кусковъ, А. Л. (1876—1881) — см. въ числѣ учителей старшаго отдѣленія.
Боголюбовъ, В. И. (1881—1883)—изъ Тобольской дух. семинаріи.
Балахнинъ, Ив. Аѳ. (1883—1887)—см. въ числѣ учителей старшаго отдѣленія.
Маджи, Ев. Н. (1887—1890), Ерлексовъ, Ев. Лав. (1890—1891), Мишуринъ, Ѳ. Н. (съ 1892 г.) — окончили курсъ въ Омской учительской семинаріи.

Вѣдомость о сельскихъ учителяхъ и учительницахъ.

Годы.	Общее число учащихъ.	Учителей.	Учительницъ.
1871	9	7	2
1872	10	4	6
1873	13	5	8
1874	13	4	9
1875	21	13	8
1877	11(?)	3	8
1878	26	8	18
1879	27	9	18
1880	29	5	24
1881	25	5	20
1883	29	6	23
1884	31	6	25
1885	33	6	27
1886	31	6	25
1887	29	6	23
1888	32	7	25
1889	34	9	25
1890	—	—	—
1891	34	9	25
1892	34	10	24
1893	34	8	26

II. СПИСКИ ОКОНЧИВШИХЪ КУРСЪ:

а) въ Ялуторовскомъ уѣздномъ училищѣ.

Имена и фамиліи.	Куда поступилъ по окончаніи курса.	Какое общественное или служебное положеніе занималъ.
1861. Первухинъ Тимофей.		Зан. торговлей.
Прокопьевъ Емельянъ.		
Ильиныхъ Николай.		Торговлей.
Парфеновъ Александръ.		Письмоводств.
Катринъ Иванъ.		
Салтыковъ Анатолій.		
Глазуновъ Иванъ.		Торговлей.
1862. Лапинъ Яковъ.		† столоначальн. окружн. суда.
1863. Егоровъ Михаилъ.		
Петровъ Павелъ.		
Чакрыгинъ Василій.		
Звѣздинъ Иванъ.		Состоялъ на государств. служ.
1864. Минаевъ Николай.		Торгующій.
Пулковъ Дмитрій.		
Низковскій Константинъ.	Въ Тоб. дух. семинарію.	† священникомъ.
1865. Волковъ Степанъ.		Торговлей.
Пацунскій Василій.		
Филатовъ Флегонтъ.		Вол. писарь.
Паршинъ Константинъ.		Вол. писарь.
1866. Алянчиковъ Павелъ.		
Маевскій Александръ.		Вол. писарь.
Поповъ Иванъ.		Пом. волостного писаря.
1867. Бреховъ Александръ.		
Звѣздинъ Андрей.		На государств. службѣ.
Ильныхъ Семенъ.		† занимался торговлей.
Ильиныхъ Михаилъ.		Бывш. гор. гол.: торгов.
Словцовъ Александръ.		Письмоводств.

Имена и фамиліи.	Куда поступилъ по окончаніи курса.	Какое общественное или служебное положеніе занималъ.
Филатовъ Степанъ.		
1868. Поповъ Григорій.		
Парфеновъ Иванъ.		Письмоводств.
Шалабановъ Николай.		Бывш. засѣдат. окружн. суда.
1869. Ивановъ Яковъ.		Вол. писарь.
Лукіановъ Алексѣй.		
1870. Накаряковъ Иванъ.		На государств. службѣ.
Словцовъ Михаилъ.		† письм. уѣздн. начальн.
Чакрыгинъ Иванъ.		Бывш. с. учит.
1871. Дерновъ Александръ.		Почт.-телеграф. чиновн.
Нестеровъ Николай.		Зап. хозяйств.
Ѳедоровъ Василій.		
1872. Шабалинъ Евгеній.		
Швидко Андрей.		Земскій засѣдатель.
1873. Бурдаковъ Павелъ.		Бывш. с. учит.
Брагинъ Сергѣй.		Служитъ въ Сиб. на пріискахъ.
Ильиныхъ Степанъ.		
Перльманъ Борисъ.		
Карандашевъ Сергѣй.		
Соловскій Николай.		Редакт. „Перм. Губ. Вѣдом.“.
1874. Часовщиковъ Иванъ.		
Кучумовъ Левъ.		Бывш. вол. пис.
Баталовъ Ѳедоръ.		Бывш. с. учит.
Урусовъ Евгеній.	Въ Тоб. дух.	Священникъ.
Киселевъ Никифоръ.		
Машановъ Алексѣй.	семинарію.	
1875. Курбановскій Василій.		Служ. въ главн. конт. Пок.-Коз.
Мацкевичъ Адамъ.		
Кучумовъ Александръ.		

Имена и фамиліи.	Куда поступилъ по окончаніи курса.	Какое общественное или служебное положеніе занималъ.
Бѣляевъ Петръ.		
1876. Мясниковъ Александръ.		Соб. староста; зан. торговл.
Харламовъ Константинъ.		Вол. писарь.
Шабалинъ Константинъ.		
Шабалинъ Яковъ.		Бывш. телегр.
Соловьевъ Иванъ.		
1877. Андреевъ Николай.		Вол. писарь.
Поляковъ Иванъ.		Служитъ въ городской управѣ.
Добронравовъ Степанъ.	Въ учит. сем.	Учит. на Алтаѣ.
Пономаревъ Зиновій.		Вол. писарь.
Ульяновъ Иванъ.		
1878. Азаровъ Николай.		Полиц. урядн.
Болотниковъ Семенъ.		
Добронравовъ Михаилъ.	Въ учит. сем.	Журн. Тюмен. полиціи.
Кожевниковъ Александръ.		Секр. кр. присутв. въ Кург.
Кротковъ Левъ.		Псаломщикъ.
Мясниковъ Петръ.		†
Половниковъ Михаилъ.		Въ конт. жел. дороги.
1879. Бородинъ Яковъ.		Въ воен. службѣ.
Иконниковъ Константинъ.		
Кондаковъ Капитонъ.		
Николаевскій Иванъ.		
Поникаровскій Иванъ.		
Скосыревъ Алексѣй.		Вол. писарь.
Шомпнъ Константинъ.		Въ штатѣ окр. суда.
1880. Брагинъ Алексѣй.		Приказчикъ въ Тюмени.
Кичигинъ Николай.		Вол. писарь.
Кошкаровъ Адріанъ.		Вывш. бухгалт. акцизн. управ.
Первухинъ Иванъ.		Вол. писарь.
Устиновъ Андрей.		Зем. засѣд. Тюк.

Имена и фамиліи.	Куда поступилъ по окончаніи курса.	Какое общественное или служебное положеніе занималъ.
Грѣховъ Анатолій.		Дѣл. воин. прис.
1881. Корякинъ Григорій.		Пис. въ Контр. Пал
Невзоровъ Василій.		Полиц. надзир.
Низковскій Александръ.		Сельскій учит.
Пантелеевъ Василій.	Въ Ом. тех. уч.	Сл. при техн. уч.
1882. Молотиловъ Александръ.		†
Новоселовъ Александръ.		Вол. писарь.
Силинъ Петръ.		Псаломщикъ.
Тресвятскій Петръ.		Сельскій учит.
Шмаковъ Иванъ.		Въ воен. служ.
Эртнеръ Григорій.	Въ Ом. тех. уч.	Сл. на зав. Игн.
Ѳедоровъ Александръ.		†
Кожевниковъ Павелъ.		
1883. Сѣдуновъ Александръ.		†
Бѣляевъ Михаилъ.		Почтальонъ.
Бесѣдныхъ Алексѣй.		
Бѣляевъ Андрей.		Стол. въ ок. суд.
Гурскій Болеславъ.		Въ конт. Пок.-Коз. въ Падунѣ.
Дрогалевъ Василій.		Въ Тюм. г. уп. пис.
Дворянскій Иванъ.		
Каминскій Евгеній.		На гос. сл. Г. Прав.
Лызовъ Василій.		Пом. вол. писаря.
Просѣковъ Сергѣй.		Приказчикъ.
Шабалинъ Дмитрій.		Служ. на пріиск.
1884. Виноградовъ Александръ.		Ни гос. службѣ.
Гольферъ Михаилъ.		Сл. въ част. конт.
Добрынинъ Иванъ.	Въ Тюм. р. уч.	Зан. въ пр. мѣстѣ.
Зимченко Гаврилъ.	Въ Ом. тех. уч.	Маст. на б. ф. Ятесь
Михайловъ Дмитрій.		Телеграфистъ.
Перстневъ Моисей.		Въ конт. Пок.-Коз.
Семеновъ Василій.	Въ Ом. тех. уч.	На зав. Игн. въ Тюм
Шабалинъ Петръ.		Зан. сельск. хоз.
1885. Ажгибѣсовъ Викторъ.		† сл. въ губ. судѣ.
Водиловъ Александръ.	Въ Ом. тех. уч.	Сл. на постр. ж. дор.
Кизеровъ Петръ.		Сл. на механич. зав. Игнатова.
Низковскій Василій.		Псаломщикъ.

Имена и фамиліи.	Куда поступилъ по окончаніи курса.	Какое общественное или служебное положеніе занималъ.
Осколковъ Михаилъ.		Помог. отцу въ торговлѣ.
Поповъ Александръ.		Земскій засѣд.
Тихановъ Иванъ.		Приказчикъ.
Чефрановъ Антонъ.	Въ дух. учил.	
Шаньгинъ Іассонъ.	Въ Ом. тех. уч.	Въ частн. конт.
1886. Кайгародцовъ Андрей.		Зан. письмовод.
Ивановъ Ѳедоръ.		†
Мишуринъ Ѳедоръ.	Въ уч. семин.	Учитель прих. училища.
Первухинъ Капитонъ.		Пом. вол. пис.
Первухинъ Антонъ.		Вол. писарь.
Растягаевъ Николай.	Въ Омск. тех. училище.	
1887. Бѣлослудцевъ Аѳанасій.		Зан. письмовод.
Бѣлоноговъ Тимоѳей.	Въ уч. семин.	Сельскій учит.
Добрынинъ Василій.		Торгуетъ.
Елохинъ Михаилъ.		Зан. письмовод.
Осколковъ Евгеній.	Въ Ом. уч. сем.	Сельскій учит.
Павловъ Александръ.		Телеграфистъ.
Чефрановъ Аѳанасій.		Псаломщикъ.
1888. Гурскій Антонъ.		Служ. въ Талиц. зав. Пок.-Коз.
Докшинъ Михаилъ.	Въ Ом. тех. уч.	
Полячекъ Александръ.	Въ Ом. тех. уч.	
Турпаевъ Андрей.	Въ Ом. уч. сем.	Служ. въ окр. судѣ.
Остяковъ Степанъ.	Въ Ом. уч. сем.	Сельскій учит.
1889. Бусыгинъ Григорій.		Вол. писарь. †
Гусевъ Леонидъ.		Писецъ въ окр. судѣ.
Первухинъ Андрей.		Торгуетъ.
Перльманъ Ааронъ.		Письмовод. въ частн. конторѣ.
Перминъ Емельянъ.		На госуд. служ.
Радзивиллъ Алексѣй.		Вол. писарь.
Сусловъ Викторъ.		Пис. въ полиціи.
Тарасовъ Дмитрій.		Пис. въ полиціи.

Имена и фамилія.	Куда поступилъ по окончаніи курса.	Какое общественное или служебное положеніе занималъ.
Куликовскій Левъ.		Писецъ.
1890. Барсуковъ Андрей.		Ном. вол. пис.
Луковскій Иванъ.		Служ. въ конт. Покл.-Козеллъ.
Перевозкинъ Владиміръ.	Въ Тюм. р. уч.	
Полячекъ Павелъ.		Служ. въ конт. Покл.-Козеллъ.
1891. Вручинскій Николай.	Въ Омск. учит. семинарію.	Учится.
Гавриловъ Алексѣй.		Сл. въ окр. судѣ.
Матушевичъ Филиппъ.		
Павловъ Петръ.		Служитъ по таможен. вѣдом.
Тарасовъ Егоръ.		Служ. въ канц. суд. слѣдоват.
Шабалинъ Павелъ.		
1892. Мишуринъ Александръ.	Въ Ом. тех. уч.	Помогаетъ отцу въ ремеслѣ.
Нефедьевъ (онъ же Ворлачевъ) Григорій.		Вол. писарь.
Смирновъ (онъ же Пономаревъ) Доримедонтъ.		
Сычевъ Адріанъ.		
Шангинъ Веніаминъ.		
Ямщиковъ Петръ.		Служ. въ канц. крест. чиновн.
1893. Захаровъ Семенъ.		
Зюскинъ Константинъ.	Въ Омск. технич. училище.	Учится.
Лагинъ Михаилъ.	Въ Тюменское реальн. учил.	Учится.
Рождественскій Василій.		Ученикъ въ телеграфн. конт.
1894. Водиловъ Левъ.		
Мишуринъ Степанъ.		
Перевозкинъ Ѳедоръ.		
Пятницкій Иванъ.		
Мясниковъ Владиміръ.		

б) въ Ялуторовской женской прогимназіи.

Имена и фамиліи окончившихъ.	Имена и фамиліи окончившихъ.
1876. Гаврилова Лидія (учительница).	Бѣлослудцева Евген. (учительница).
Михайлова Вѣра (была учительницей).	1881. Левина Елена (учит.).
Пятилѣтова Алексан. (была учительн.).	Мясникова Александ. († учительницей).
Сметухина Агриппина (была учительн.).	Полячекъ Евдокія.
Тихонова Татьяна (была учительн.).	Сѣрыхъ Анастасія.
Ѳедорова Ніонилла (б. учительницей).	Чефранова Ѳеофанія (была учительн.).
1877. Даринская Ольга.	Щукина Ксенія (уч.).
Киселева Парасковья.	Ѳедорова Александра.
Невзорова Евг. (учит).	1882. Воложанина Капитол.
Шабалина Анна.	Наумова Елизав. (уч.).
1878. Берковичъ Елизавета.	Филатова Варвара.
Валяхина Евд. († уч.).	1883. Берковичъ Ольга.
Курбаковская Евген.	Виноградова Валент. (учительн.).
Нечепурова Марія (б. учительницей).	Дружинина Екатер.
1879. Берковичъ Ѳедосья.	Пахнина Анаст. (уч.).
Блохина Александра.	1884. Демидова Парасковья (учительн.).
Даринская Раиса.	Корякина Татьяна.
Поникаровская Анф. (была учительн.).	Кожевникова Варвара (дом. уч. и фельдш.).
Пелишенкова Евфрос. (акушерка).	Лапина Клавдія.
Свѣтлолобова Марія (была учительн.).	Мясникова Ольга.
1880. Быкова Надежда.	Никандрова Марія (†)
Грѣхова Людм. (учит).	Низковская Анна.
Воложанина Валент.	Хохлова Елизавета.
Пахнина Евг. (акуш.).	1885. Власова Татьяна.
Урусова Серафима.	Лапина Татьяна.
Федюшина Анна (уч.).	Пудовикова Лидія (†)
Каигородцева Анна.	Текутьева Елена.
	1886. Брагина Павла.
	Зубановская Альбертина (на фел. курс.)
	Попова Юлія.

Имена и фамиліи окончившихъ.	Имена и фамиліи окончившихъ.
Пятницкая Людм.	Родіонова Людм. (въ Екат. жен. гимн.).
Сухинина Любовь.	Шабалина Евд. (сельская учительница).
1887. Докшина Наталья.	1891. Гусева Марія.
Евдокимова Марфа.	Виткина Марія.
Золотова Варв. (дом. учительн.).	Каминская Августа.
Леуцъ Клеопатра.	Наумова Анна (сельская учительница).
Чумакова Александра (сельская учит.).	Первухина Наталья.
1888. Даринская Ѳеодосья.	1892. Виткина Ѳедосья.
Лапшина Над. (учит.).	Гиршковичъ Раиса.
Перльманъ Любовь (въ акушерск. школѣ).	Гельманъ Роза.
1889. Дробынина Анастасія.	Попова Наталья.
Кормина Екатерина.	1893. Погребецкая Над. (об. въ Екат. жен. гим.).
Лапина Евлами. (уч.).	Медвѣдева Вѣра (пом. уч. Терсюк. учил.).
Медвѣдева Евд. (сел. учительница).	Перминова Татьяна.
Турнаева Ольга.	Шимакова Татьяна.
Филатова Анаст. (кассирша въ апт. маг.).	1894. Анисимова Александ.
1890. Мурашкина (Новикова) Раиса.	Клюковская Елена.
Лапина Таисія.	Медвѣдева Екатер.
	Штейнманъ Валент.

II. ВѢДОМОСТИ ОБЪ УЧИВШИХСЯ ВЪ ЯЛУТОРОВСКИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ СЪ ИХЪ ОСНОВАНІЯ ПО 1894 ГОДЪ

Ялуторовское уѣздное училище.

(Основано въ 1817 году).

ГОДЫ.	Общее число учившихся.	Поступившихъ въ теченіе года.	Выбывшихъ до окончанія курса.	Окончившихъ курсъ.
Уѣздное училище по уставу 1804 года.				
Въ 1817 году	30	30	—	—
1818	33	11	8	—
1819	29	11	10	5
1820	34	14	6	3
1821	29	11	13	3
1822	89	77	17	6
1823	?	?	?	?
1824	?	?	?	?
1825	?	?	?	17
1826	50	?	?	?
1827	33	24	37	4
1828	23	12	16	6
1829	27	10	3	3
1830	33	11	4	4
1831	43	?	?	3
1832	42	14	7	7
1833	51	19	4	4
1834	50	12	6	7
1835	43	8	6	6
Уѣздное училище по уставу 1828 года.				
Въ 1836 году	?	?	3	2
1837	69	?	?	2
1838	65	25	17	4
1839	67	30	25	3

Годы.	Общее число учившихся.	Поступившихъ въ теченіе года.	Выбывшихъ до окончанія курса.	Окончившихъ курсъ.
Въ 1840 году	62	21	22	4
1841	64	22	17	3
1842	49(?)	17	25	5
1843	33(?)	3	24	2
1844	29(?)	—	9	3
1845	40(?)	23	8	6
1846	48(?)	21	10	3
1847	52(?)	23	15	5
1848	?	?	?	5
1849	?	?	?	?
1850	?	?	?	11
1851	?	?	?	6
1852	?	?	?	6
1853	?	?	?	3
1854	?	?	?	8
1855	?	?	?	3
1856	?	?	?	5
1857	?	?	?	8
1858	68	?	?	7
1859	68	?	?	2
1860	54	12	18	7
1861	45	9	15	3
1862	38	10	13	4
1863	26	13	15	2
1864	38	21	7	1
1865	43	21	12	4
1866	44	15	11	3
1867	44	4	4	6
1868	43	11	9	3
1869	45	13	9	2
1870	58	21	5	3
1871	50	—	5	3
1872	70	27	2	5
1873	60	—	2	8

Годы.	Общее число учившихся.	Поступившихъ въ теченіе года.	Выбывшихъ до окончанія курса.	Окончившихъ курсъ.
Въ 1874 году	60	14	7	7
1875	59	17	14	4
1876	56	19	17	5
1877	53	20	18	5
1878	52	22	16	7
1879	51	27	20	7
1880	49	21	18	6
1881	42	14	17	4
1882	—	—	—	—
1883	53	26	8	11
1884	55	30	10	8
1885	49	19	17	9
1886	51	20	10	7
1887	39	19	11	7
1888	46	—	9	5
1889	36	—	8	9
1890	41	16	5	4
1891	44	17	8	6
1892	33	6	11	6
1893	38	15	6	4

Примѣчаніе. Пожаръ, истребившій въ 1862 г. училищное зданіе и имущество, уничтожилъ и училищный архивъ. Всѣ свѣдѣнія, помѣщенныя въ этой и слѣдующихъ вѣдомостяхъ, извлечены мною изъ Исторической Записки объ училищѣ, составленной смотрителемъ училищъ Крестьяновымъ, и (съ 1860 года) изъ подлинныхъ училищныхъ дѣлъ и отчетовъ. Цифры, помѣщенныя въ Исторической Запискѣ, не отличаются ни точностью, ни полнотой; тѣмъ же часто страдаютъ и смотрительскіе отчеты, особенно за старые годы. Этимъ объясняются какъ пробѣлы во всѣхъ таблицахъ, такъ и вопросительные знаки при нѣкоторыхъ числахъ, указывающіе на ихъ сомнительную достовѣрность.

Ялуторовская женская прогимназія.

Годы.	Общее число учившихся.	Поступившихъ въ теченіе года.	Выбывшихъ до окончанія курса.	Окончившихъ курсъ.
Женское церковно-приходское училище, основанное 1-го іюля 1846 г. о. протоіереемъ Знаменскимъ и И. Д. Якушкинымъ (декабристомъ).				
17-го мая 1850 г.*)	59	—	—	—
8-го сентября 1856 г.	50 слиш.	—	—	—
Въ 1858 году	78	—	—	—
Женское приходское училище министерства народнаго просвѣщенія.				
Въ 1859 году	82	—	—	—
1860	68	13	26	4
Женское училище 2-го разряда министерства народнаго просвѣщенія.				
Въ 1861 году	30	?	?	—
1862	28	?	?	—
1863	22	10	16	2
1864	15	9	16	—
1865	16	6	5	—
1866	16	11	11	—
1867	38	24	2	—
1868	43	15	8	2
1869	43	19	19	—
1870	37	15	21	—
1871	37	21	21	—
1872	49	24	12	—

*) „И. Д. Якушкинъ“, ст. М. С. Знаменскаго. (Сибирскій Сборникъ, подъ ред. Ядринцева, 1886 годъ).

Годы.	Общее число учившихся.	Поступившихъ въ теченіе года.	Выбывшихъ до окончанія курса.	Окончившихъ курсъ.
Въ 1873 году	54	12	6	1
Женская трехклассная прогимназія съ приготовительнымъ классомъ.				
Въ 1874 году	52	—	2	—
1875	61	24	15	—
1876	65	22	12	6
1877	60	20	21	4
1878	70	23	9	4
1879	72	18	10	6
1880	70	30	11	9
1881	62	10	11	7
1882	63	11	7	3
1883	74	26	10	5
1884	72	23	17	8
1885	66	17	16	7
1886	78	25	8	5
1887	65	16	26	3
1888	49	12	23	5
1889	56	18	9	6
1890	55	23	20	4
1891	65	22	7	5
1892	69	21	13	4
1893	71	19	13	4

Ялуторовское приходское училище.

Годы.	Общее число учившихся.	Поступивших въ теченіе года.	Выбывш. до окончан. курса.	Окончивш. курсъ.
Приготовительный классъ при уѣздномъ училищѣ, основанный въ 1817 году.				
Въ 1826 году	?	?	?	?
1836	?	?	—	10
1837	?	?	—	15
1838	?	?	—	17
1839	?	?	—	20
1840	?	?	—	18
1841	?	?	—	19
Церковно-приходское училище, основанное о. протоіереемъ Знаменскимъ и И. Д. Якушкинымъ.				
Въ 1842 году	42	?	—	15
1843	91	?	—	?
1844	135	—	—	?
1845	184	?	—	?
1846	198	?	—	?
1847	?	?	—	?
1848	?	?	—	?
1849	?	?	—	20
1850	?	?	—	20
1851	?	?	—	16
1852	?	?	—	42
1853	?	?	—	?
1854	?	?	—	19
1855	?	?	—	12
1856	?	?	—	8
1857	?	?	—	19
1858	66	?	—	16
Приходское училище министерства народнаго просвѣщенія.				
Въ 1859 году	59	—	—	17

Годы.	Общее число учившихся.	Поступавших въ теченіе года.	Выбывш. до окончан. курса.	Окончивш. курсъ.
Въ 1860 году	43	12	18	9
1861	44	—	—	—
1862	43	?	?	9
1863	52	29	8	12
1864	58	22	16	14
1865	47	20	15	16
1866	54	20	—	13
1867	47	16	23	13
1868	55	20	2	10
1869	70	20	2	10
1870	58	31	17	14
1871	62	34	17	13
1872	56	36	11	36
1873	52	28	18	14
1874	52	24	6	18
1875	65	38	5	20
1876	63	24	11	15
1877	61	23	6	19
1878	68	?	?	18
1879	68	28	5	23
1880	50	14	13	18
1881	57	23	—	16
1882*)	—	—	—	—
1883	49	—	4	24
1884	58	22	4	9
1885	57	15	—	16
1886	56	28	21	8
1887	55	15	10	6
1888	70	28	13	14
1889	60	16	5	7
1890	70	36	5	12
1891	72	36	22	12
1892	82		8	7
1893	80	33	23	12

*) Отчета за 1882 годъ при училищѣ не имѣется.

Сельскія училища.

Годы.	Число школъ. Мин. Гос. Имущ.	Число школъ. Церковно-приходск.	Общее число учащихся.	Поступившихъ въ теч. года.	Выбывшихъ до оконч. курса.	Окончившихъ курсъ.
Въ 1860 году	1	3	71	—	—	—
1861	1(?)	1(?)	18	—	—	—
1862	1	18	162	—	—	—
1863	1(?)	8(?)	83	—	—	—
1864	4	2	80	—	—	—
1865	7	2	—	—	—	—
1866	7	2	123	—	—	—
1867	8	1	—	—	—	—
1868	9	—	297	—	—	—
1869	10	—	276	—	—	—
1870	10	—	297	66	32	13
1871	11	—	280	98	68	26
1872	12	—	301	99	56	12
1873	17	—	386	129	42	2
1874	18	—	315	?	36	8
1875	21	—	508	254	47	—
1876	24	—	574	226	135	25
1877	26	—	632	204	116	30
1878	28	14	677	283	201	37
1879	28	14	643	171	162	43
1880	29	14	681	266	208	18
1881	30	—	693	158	135	11
1882	—	—	—	—	—	—
1883	30	—	771	42	31	39
1884	32	—	742	307	176	74
1885	33	—	980	361	154	95
1886	33	—	1079	433	242	92
1887	33	—	1053	416	234	71
1888	34	12	1056	357	258	96
1889	34	?	1001	277	229	96
1890	34	—	1085	—	194	63
1891	34	—	1183	482	290	94
1892	34	—	1486	636	246	87
1893	34	—	1441	456	408	93

IV. ВѢДОМОСТЬ О КОЛИЧЕСТВѢ УЧИВШИХСЯ ВЪ ЯЛУТОРОВСК. ОКРУГѢ

(въ каждомъ учебномъ заведеніи).

НАЗВАНІЕ ВОЛОСТИ И СЕЛЕНІЯ.	Годъ основанія школы въ видѣ церк.-приход.	Годъ основанія школы Мин. Гос. Имуществ.	Число населен. мѣстъ въ волости.	Количество населен. волости обоего пола.	Число учащ. об. пола.	Число окончив. курсъ обоего пола.
I. Городскія училища.						
Уѣздное училище	—	1817	—	) 3716	36	9
Женская прогимназія . .	—	1846	—	)	56	6
Приходское училище . . .	—	1817	—	)	60	7
Церковно-приходская школа.	—	1880	—	)	12	—
					164	22
II. Сельскія училища.						
Бердюгинское) Томиловск.	—	1885)	26	) 10189	14	—
Романовское) волости.	—	1884)		)	28	3
Заводоуковское) Заводоуков.	1861	1868)	18	) 6402	53	5
Вичилинское) волости.	—	1885)		)	17	—
Сл.-Бешкильск.) Слоб.-Бешк.	—	1872)	9	) 4471	22	—
Скородумское) волости.	—	1888)		)	31	—
Архангельское) Архангель-	1861	1869)	6	) 4322	24	3
Денисовское) ской вол.	—	1881)		)	28	—
Красногорское) Красногор-	1861	1873)	16	) 6165	13	—
Онофріевское) ской вол.	—	1884)		)	10	—
Исетское) Исетской	1861	1864)	9	) 6827	30	6
Рафайловское) волости.	1861	1871)		)	33	3
Юргинское) Юргинской	1861	1864)	20	) 13740	28	8
Боровинское) волости.	1861	1878)		)	25	3
Бобылевское	—	1885	9	6081	17	—

НАЗВАНІЕ ВОЛОСТИ И СЕЛЕНІЯ.	Годъ основанія школы въ видѣ церк.-приход.	Годъ основанія школы Мин. Гос. Имуществъ.	Число населен. мѣстъ въ волости.	Количество населен. волости обоего пола.	Число учащ. об. пола.	Число окончивш. курсъ обоего пола.
Верхсуерское	1861	1865	18	7866	34	4
Верхне-Бешкильское . . .	—	1884	2	1651	20	2
Емуртлинское	—	1873	9	5868	41	15
Ингалинское	1861	1872	14	2771	30	—
Кодское	1861	1880	6	3457	73	9
Коркинское	—	1877	16	7000	17	—
Мокроусовское	1859	1874	13	7137	37	3
Мостовское	1861	1872	11	4928	34	4
Новозаимское	1858	1874	9	5521	39	5
Омутинское	1561	1866	18	12383	40	7
Плетневское	—	1876	35	7899	15	1
Пятковское	—	1876	12	7749	29	4
Спасское (Саламатовское) .	—	1876	11	5128	15	2
Суерское	—	1857	18	6626	44	—
Терсюкское	1855	1864	12	8877	26	4
Шатровское	—	1872	10	8769	52	—
Шороховское	1861	1874	3	5328	29	—
Юргинское	1861	1864	20	13740	28	8
Кизакское	1861	1865	21	11632	24	5

Ивановская волость *безъ школы.*

Примѣч. 1-е. Кромѣ перечисленныхъ училищъ, въ округѣ существовали въ разное время еще и слѣдующія: Соловьевское (въ 1865 г.), Поляковское (въ 1876 г.), Мининское (въ 1872 г.) и Томиловское (въ 1885 г.); изъ нихъ первыя два были закрыты, а вторыя переведены: Мининское—въ с. Оноѳріевское, а Томиловское—въ с. Бердюгинское.

Примѣч. 2-е. Въ Ялуторовскомъ округѣ, кромѣ русскихъ волостей, имѣются еще и инородческія—2 татарскихъ; въ нихъ имѣется 21 селеніе и проживаетъ до 6990 душъ обоего пола (3765 м. 3225 ж.). Татарскія школы, обученіемъ дѣтей въ которыхъ занимаются муллы, не достигаютъ большихъ результатовъ: мальчики научаются съ грѣхомъ пополамъ читать и писать по-татарски и заучиваютъ въ долбяжку нѣсколько молитвъ.

Примѣч. 3-е. При исчисленіи населенія г. Ялуторовска приняты въ разсчетъ и мѣстные нижніе воинскіе чины и арестанты мѣстнаго замка.

Кн. 122624

Источники.

Архивы: Ялуторовскаго уѣзднаго училища.
Ялуторовской женской прогимназіи.
Ялуторовскаго приходскаго училища.
Тобольской гимназіи.
Курганскаго уѣзднаго училища.
Рафаиловскаго монастыря.

Словцовъ, П. „Историческое обозрѣніе Сибири". Изд. 1886 г.

Пекарскій. „Наука и литература при Петрѣ I".

„Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія" за 1888 г.

„Сборникъ постановленій и распоряженій по Министерству Народнаго Просвѣщенія".

„Дополненіе къ Актамъ Историческимъ". Т. IV. 1851 г.

Голодниковъ, К. „Сорокъ лѣтъ назадъ" (Рукопись библіотеки Тобольскаго музея).

Ксенофонтовъ, И. „О заказныхъ латинскихъ и славяно-русскихъ школахъ". („Тоб. Еп. Вѣд." 1885 г. №№ 20—24).

Замахаевъ, С. Н. и Цвѣтаевъ, Г. А. „Тобольская Губернская Гимназія". Историческая Записка о состояніи Тобольской гимназіи за 100 лѣтъ ея существованія. 1879—1889. Тоб. 1889 г.

Максимовъ, С. „Сибирь и каторга".

Варлаковъ, Г. „Городъ Ялуторовскъ". („Т. Г. Вѣд." 1858 г. № 16).

Сулоцкій, А. „Историческія свѣдѣнія объ иконописаніи въ Сибири". („Чтенія въ Общ. Исторіи и древности Рос." 1864 г., кн. 3).

Венгеровъ. „Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ". Вып. I. Статья объ Абрамовѣ.

Знаменскій, М. „И. Д. Якушкинъ". („Сибирскій Сборникъ". Прил. къ „Вост. Об." за 1886 г., кн. III., стр. 86—105).

58.

Оттискъ изъ 2-го выпуска „Ежегодника Тобольскаго Губернскаго Музея“ за 1894 г.

Тобольская Губернская Типографія.